

-
- Пастырское богословие
 - Вводный отдел. Предварительные сведения
 - 1. История науки, содержание, предмет, важность, метод и положение в ряду других богословских наук
 - а) История науки
 - б) Содержание науки
 - в) Предмет науки
 - г) Важность науки
 - д) Положение науки в ряду других богословских наук
 - 2. Филологический и экзегетический анализ слова «пастырь»
 - 3. Источники и пособия науки
 - Глава I. Основы пастырства как богоустановленного института
 - 1. Оправдание пастырства по данным истории, психологии, мистики, догматики, экзегетики
 - а) Историческая основа
 - б) Психологическая основа
 - в) Мистическая основа
 - г) Догматическая основа
 - д) Экзегетическая основа
 - 2. Направленность и действенность науки Пастырского богословия
 - 3. Решение вопроса о желании священства
 - 4. Понятие о Церкви
 - Глава II. Пастырство ветхозаветной церкви
 - 1. Пророк Божий Моисей – основатель Ветхозаветного священства
 - 2. Время появления у евреев жертвоприношений и идея, заключенная в них
 - 3. Богоустановленное иерархическое священство. Избрание и посвящение
 - 4. Основные обязанности Ветхозаветного священства
 - 5. Качества Ветхозаветных священников
 - 6. Особенность Первосвященнического служения
 - 7. Служение пророков
 - Глава III. Пастырство новозаветной церкви
 - 1. Иисус Христос – Основатель Новозаветного пастырства
 - а) Чаяние Мессии и пришествие в мир Искупителя

- б) Идея «Служения» роду человеческому
 - в) Пастырство в широком и узком смысле слова
- 2. Пастырство в свете пастырствования Господа Иисуса Христа
 - а) Детство, отрочество и юность Спасителя
 - б) Основные средства воспитания пастыря
 - в) Крещение как посвящение на Пастырское служение
 - г) Посвящение пастыря
 - д) Подвиг в пустыне
- е) Первоначальные пастырские искушения
- ж) Средства борьбы с искушениями
- 3. Учительство Пастыреначальника
 - а) Особенности проповеди Спасителя
 - б) Послание на проповедь Апостолов
 - в) Последние Заветы Спасителя Апостолам (и всем пастырям Церкви)
- 4. Душепопечительство Спасителя
 - а) Душепопечительство к Апостолам
 - б) Душепопечительство ко всем людям
 - Что случается на приходе
- 5. Качества Пастыреначальника как пример для пастырского подражания
 - а) Внешне-физические
 - б) Внутренние – душевные
- 6. Жизнь пастыря во Христе и в Его благодатной Церкви
 - а) Жизнь пастыря во Христе (личная и семейная)
 - б) Жизнь пастыря в Церкви Христовой (богослужения, требы)
- Глава IV. Пастырство святых апостолов
 - 1. Созидание Церкви Христовой и подготовка Апостолов к руководству Ею
 - 2. Учительство святых Апостолов
 - 3. Душепопечительство святых Апостолов
 - 4. Учение святых Апостолов о качествах пастыря (по пастырским Посланиям Апостола Павла)
 - а) Качества пастыря
 - б) Семейная жизнь пастыря
 - в) Заветы Апостола Павла юному пастырю
 - О слове юного пастыря

- [О жизни юного пастыря](#)
- [О любви юного пастыря](#)
- [О духе пастыря](#)
- [О вере пастыря](#)
- [О чистоте пастыря](#)
- [Дар хиротонии](#)
- [5. Характерные черты образов святых Апостолов](#)
 - [а\) Апостол Петр](#)
 - [б\) Святой Апостол Иоанн Богослов](#)
 - [в\) Святой Апостол Павел](#)
 - [г\) Святой Апостол Фома](#)
- [6. О Царстве Божиим и Церкви Христовой](#)
 - [Случай из пастырской молитвенной практики](#)
- [а\) Учение о пастырстве отцов Церкви](#)
 - [б\) Образ пастыря в святоотеческом освещении](#)
- [в\) Каникулы](#)
- [Краткие пасторологические выводы к 1-му курсу](#)
- [Библиография](#)

- [Примечания](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)

- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)

- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)

Введение

Содержание

[Предисловие](#)

<i>Предисловие</i>

Предлагаемый курс лекций для студентов I, II и III курсов Московской Духовной Академии, конечно, не представляет собой

всеобъемлющего материала по предмету Пастырского богословия. Но он дает посильный ответ на существенные вопросы нашей науки: в чем сущность и какие основы пастырского служения; что требуется для формирования личности доброго пастыря; в чем его задача, долг и тайна влияния на пасомых; пастырские искушения, скорби, радости, награда за самоотверженный пастырский труд и прочее. Таким образом, предлагаемые лекции охватывают главную и существенную часть науки Пастырского богословия. В данных лекциях освещаются вопросы и частного характера пастырской жизни, например, вопрос личного поведения пастыря, выбор невесты, семейная жизнь, его отношение к обществу и другие. Эти моменты являются иллюстрацией для трактуемых общих положений и делают лекции живыми и интересными для студентов. Конечно, вопросы указанного порядка имеют и практическую цель – создать в умах и сердцах студентов определенный твердый фундамент доброго пастырствования в сложных условиях пастырской жизни.

Главная цель автора при составлении данных лекций была одна – помочь юным кандидатам священства в деле формирования в их душах образа пастыря, пастыря – подвижника, пастыря, беззаветно любящего Христа, любящего святую [Церковь](#), свое Отечество и всех людей и готового до конца душу свою положить «за други своя» ([Ин. 10,11](#)).

Круг лекций всех трех курсов построен в нарастающем развитии материала по Пастырскому богословию, но, тем не менее, каждый отдельный курс лекций представляет из себя особый самостоятельный материал, с которым студент может знакомиться независимо от других курсов.

Автор не претендует на исчерпывающую полноту изложения вопросов, рассматриваемых в данных лекциях, но он делает то, что имеет, чем обогатила его личная духовная жизнь, что он сам пережил в результате внешнего и внутреннего пастырского опыта, в результате повседневных исканий лучших путей и методов работы, а также извлек из Творений святых отцов, пастырей Церкви – лучших пасторалистов, самоотверженных тружеников на ниве Христовой.

Пастырское богословие

**Вводный отдел. Предварительные
сведения**

1. История науки, содержание, предмет, важность, метод и положение в ряду других богословских наук

а) История науки

Пастырское богословие (или пасторология), которое предстоит нашему изучению, занимает исключительное положение во всем Богословии.

Среди православных богословских дисциплин нет менее разработанной дисциплины, чем Пастырское богословие. В то время, как у протестантов эта наука сводится к наставлению об учительствовании, а у католиков – к практическому руководствованию пастырей, у нас, в православном русском богословии, она еще в сущности не нашла богослова, который придал бы ей совершенно законченное содержание и форму. Последними пасторологами – профессором [В.Ф. Певницким](#), протоиереем С.А. Соллертинским, епископом Феодором и митрополитом Антонием – лишь намечен путь для Пастырского богословия; каждым из них в известной части и каждым с особой окраской путь отличный и от католического, и от протестантского, путь православный. Задача новых наших пасторологов этот путь расчистить и, идя в намеченном направлении, создать настоящую научно-обоснованную и идейно-жизненную систему Пастырского богословия.

Неразработанность науки православного Пастырского богословия, может быть, объясняется тем, что в богословской литературе Пастырскому богословию в праве именоваться наукой в собственном смысле и требовавшие исключения его из ряда академических наук.

Против Пастырского богословия, как науки, выставляют два главных возражения. Говорят, во-первых, что пастырство есть дело внутреннее, чисто субъективное, которое никак нельзя выразить в точных научных понятиях. Добрый пастырь будет с успехом исполнять свое служение, будет иметь нравственное влияние на пасомых; дурной пастырь не будет иметь этого влияния, хотя бы и старался выполнить все те приемы, которыми достигает его пастырь добрый; та доброта, которая обуславливает успех последнего, чисто внутренняя, индивидуальная и не поддается точным определениям. Правда, ответим мы на это возражение,

не легко выразить в точных и ясных понятиях те свойства, какие необходимы для успеха пастырства, но не следует забывать и того, что трудное не есть невозможное. Если Пастырское Богословие немного сделало в точном определении этих понятий, то оно в данном случае может указать в свое извинение на то, что и вообще в определении высших нравственных понятий наука чрезвычайно бедна, беднее, например, художественной литературы. Та глубина понимания духовной жизни, те тонкости в изображении душевных движений, какие мы видим у некоторых писателей, проповедников и поэтов, доселе не переведены на язык точных нравственных понятий. Как научная этика не отказывается от точных определений высших нравственных понятий, так и Пастырское Богословие имеет все побуждения стремиться к выяснению и точному обоснованию тех понятий, которыми определяется истинное пастырство. То верно, что успех пастырской деятельности зависит, главным образом, от внутренней жизни пастыря, которая у разных лиц различна, но это различие не исключает и общих начал в духовной жизни добрых пастырей. Мы видим, что при всех индивидуальных различиях в нравственном содержании добрых пастырей всегда имелись некоторые общие черты, которыми обуславливалось их пастырское влияние. Это общее содержание и может быть выражено в точных научных понятиях, составляющих задачу нашей науки.

Сверх того должно заметить, что самая мысль, будто успех пастырства всецело обуславливается только внутренним настроением пастыря, есть мысль односторонняя. Возвышенное настроение, конечно, необходимо для пастыря, но одного его не достаточно точно так же, как матери недостаточно одной любви к своему ребенку, хотя бы и самой глубокой, для того, чтобы дать ему надлежащее воспитание; при любви необходимо и умение, необходимы и познания. Если молодой человек воодушевлен искренним желанием послужить духовному созиданию своих ближних, то это еще не значит, будто он уже обладает всеми условиями в успешной пастырской деятельности; у него, может быть, недостает ни знания жизни, ни знания людей и себя самого. Он не может быть уверен даже в том, что его возвышенные намерения, не направляемые опытным руководителем или познанием законов духовной жизни и пастырства, не поведут его к самообольщению или так называемой прелести. Насколько сильно угрожают подобного рода опасности людям, посвятившим свою жизнь какому-нибудь исключительному нравственному подвигу, видно не только из известных всем примеров, приводимых в писаниях аскетов, но и из самого Священного Писания. Мы

видим, что Господь находил нужным умерять подобные порывы даже в таких ревнителях, как апостол Павел, которого Он не благоволил избавить от «пакоствника плоти», дабы он не превозносился. Понятно, что и для пастыря Церкви недостаточно иметь ревность о служении Богу и ближним, а нужны познания в том, как управлять этой ревностью. Эти-то знания и должно предложить Пастырское богословие.

Во-вторых, против науки Пастырского богословия часто возражают в том смысле, что она не имеет самостоятельного предмета; все то, что мы читаем в системах Пастырского богословия, будто бы может быть разложено по частям, заимствованным из гомилетики, литургики и церковного права. Нужно признать, что по отношению ко многим руководствам, особенно иностранным, это возражение имеет некоторую силу. В инославных нередко трехтомных руководствах по Пастырскому богословию обыкновенно пастырское служение рассматривается с трех сторон, именно как служение царское, первосвященническое и пророческое. Основанием для такого разделения служит различие трех этих служений в искупительном подвиге Иисуса Христа. Царское служение пастыря, говорят, состоит в пользовании предоставленными ему церковным правом полномочиями по управлению приходом; священническое служение состоит в исполнении богослужебных обязанностей, а пророческое – в проповедничестве. Действительно, легко убедиться, что как по учению Священного Писания и святого Предания, так и по естественным соображениям, служение пастырское не есть нечто составное и разнородное, но единая, цельная внутренняя настроенность избранника Божия, некое всеобъемлющее стремление облагодатствованного духа человеческого. Когда Господь прощал раскаявшегося Петра, то в качестве дара любви повелел ему быть пастырем Его духовного стада: «если любишь Меня, паси овец Моих» ([Ин. 21,17](#)). Дар любви, искупающий отступничество, должен быть единым, внутренне целостным подвигом, а не суммой разнородных полномочий. Отличие Своего делания от фарисейского Господь разъясняет в различных образах, объединяющихся в Его речи в общем понятии доброго пастыря, которое, следовательно, в сознании Его слушателей имело определенное содержание: Я добрый пастырь потому-то и потому-то, а приходившие раньше, хотя и выдавали себя за доброго пастыря, но не были им на самом деле по такой-то и такой причине.

Пророки-пастыри свое призвание мыслили тоже в виде единого, всецелого посвящения себя единому определенному делу. «Ты влек меня, Господи, – говорит пророк и священник Иеремия, – и я увлечен... и

подумал я: не буду напоминать о Нем и не буду более говорить во имя Его, но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и – не мог» ([Иер. 20, 7,9](#)). Точно также и святые отцы представляли свое пастырское самосознание как единое, цельное настроение, которое они изливали обыкновенно лирической речи. Это настроение всецелого посвящения себя Богу и спасению ближних не рассматривается ни в одной богословской науке, а между тем, по своим исключительным качествам и условиям развития подлежит тщательному изучению на основании Библии, предания и опыта. Изучением этим и занимается наша наука, как предметом, исключительно ей принадлежащим.

б) Содержание науки

Содержание Пастырского богословия распадается в основном на три части:

I часть анализирует библейское учение о пастырстве, пастырство Спасителя, святых Апостолов, учение о пастырстве святых отцов;

II часть нашей науки раскрывает подготовительный период к пастырству, принятие священства и первые шаги на приходе;

III часть вскрывает пастырство как самоотверженный подвиг пастырского делания; пастыря-учителя, совершителя тайн Божиих и пастыря-душепопечителя.

в) Предмет науки

У Пастырского богословия есть свой особый предмет, этот предмет – сам пастырь, и есть свои задачи. Для осуществления этой задачи Пастырское богословие вынуждено делать непрерывные научные экскурсии в область Священного Писания, Церковной истории, Патрологии, Нравственного богословия и других богословских наук, пользуясь вполне научным методом критического исследования: синтез-анализ, анализ-синтез, – следовательно, у него есть и свой научный метод. В то же время Пастырское богословие может быть ни заменено, ни поглощено ни одной из существующих богословских наук, ни всеми ими, взятыми вместе. Правда, у Пастырского богословия есть одна особенность, выделяющая его среди других богословских наук. Эта особенность состоит в том, что, соприкасаясь решительно со всеми богословскими науками, питаясь от их

богатства, Пастырское богословие в то же время считается с современностью, стремится к жизненности, часто черпает материал из жизни и в соответствии с этим строит многие свои выводы. Лишить Пастырское богословие этой особенности значило бы лишить его огромной части его силы, отдалить его от основной цели, к которой оно должно стремиться и которая, в конце концов, состоит в содействии через пастырей пасомым устройению их жизни не только будущей, но и настоящей. Но из-за этой особенности лишить Пастырское богословие права быть наукой нет ни основания, ни смысла: история исключительно изучает жизнь и на жизненной почве строит свои выводы, однако же, она не исключена из ряда наук. Данная особенность обуславливает лишь то, что если Пастырское богословие в своей основной части является исключительной наукой, то в прикладной оно должно проявить себя не только наукой, но и искусством, что признавал еще в IV веке великий отец Церкви св. [Григорий Богослов](#) и что он выразил в прекрасных словах: «Править человеком, этим хитрейшим и самым изменчивым из живых существ, по моему мнению, есть действительно искусство из искусств и наука из наук¹.

г) Важность науки

Окружающая нас жизнь и современное общество предъявляет к пастырю Православной Церкви повышенные требования. И нужно сказать, что эти требования прогрессируют в нарастающем порядке. Любое отклонение пастыря от учения Спасителя ставится в вину всей Церкви, делая данного пастыря виновником в попрании чистоты и святости церковного учения. Теперь как никогда верующий народ хочет видеть в пастыре истинного последователя Господа нашего Иисуса Христа, самоотверженного служителя Его Церкви. Бурное развитие материальной стороны жизни и ослабление интереса к духовным вопросам требует от пастыря Церкви Христовой особой духовной трезвости, особого сознания важности своей пастырской миссии и глубокого всестороннего знания вопросов окружающей жизни, жизни каждой отдельной личности, ее духовных и материальных интересов. Сейчас как никогда звучит призыв Христа Спасителя ко всем Его последователям и особенно пастырям: «Тако да просветится свет ваш пред человеки» ([Мф. 5,16](#)).

Говоря о важности и ценности Пастырского богословия как науки, можно было бы привести множество авторитетнейших отзывов. Например,

известный архиепископ Херсонский Никанор писал: «Идущему впереди паствы пастырю требуется палка. Требуется, чтобы самому опираться на нее. Ведь не легкое дело пастырское водительство. Иди постоянно, иди вперед. Стой также постоянно подолгу: ноги устают, руки опускаются. Волки кругом стада, волки в самом стаде; не голыми же руками отгонять их. Что же бы это такое была эта палка для опоры, палка самозащиты? Конечно, прежде всего благодать Божия, а затем все, чем она привлекается: вера, молитва, самоотвержение. Но эта палка есть и книга². Пастырское богословие, таким образом, должно быть вручено пастырю, как ангел мудрости, как постоянный проводник и указатель пути. Пастырское богословие есть как бы некая река, вбирающая множество ручьев – индивидуальных опытов пастырствования на протяжении двухтысячелетней истории Церкви. Каждый верный Христу пастырь незаметно привносит сюда свои навыки, свой живой религиозный опыт с учетом ошибок и трудностей и своих достижений на пути прославления Бога в людях. В отличие от внерелигиозной науки материал нашего опыта не определяется ни временем, ни пространством, но абсолютной практичностью внутренних событий (внутреннее зрение – интроспекция). Пастырское богословие есть живой учет этого опыта и его организация в одно целое.

Идя от Богооткровенных истин, как и все богословские дисциплины, Пастырское богословие опускается к явлениям духовной жизни членов Церкви, определяет условия, как лучше спастись и как ближе стать к Богу. Пасторология является как сила убеждающая, обличающая. Она организует разум, закаляет волю, обогащает чувство пастырей, она развивается живым опытом самой жизни от века в век, опытом смиренных тружеников вертограда Божия, число которых растет и умножается.

Основателем Пастырского богословия является Сам Пастыреначальник Господь наш Иисус Христос. Его учредительные для нашей науки слова переданы св. Евангелистом Матфеем: «Шедше, научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам» (гл. 28,19–20). Эта великая заповедь Божественного Пастыреначальника и положила начало пастырствованию, которое нисходит от Сына Божия к Апостолам, а затем к учителям Церкви и к каждому рядовому пастырю, как священное право и священная обязанность для всех народов и времен.

д) Положение науки в ряду других богословских наук

Пастырское богословие имеет самое близкое отношение к ряду других нравственных и вообще богословских наук: к гомилетике, литургике, канонике и другим, но не только ни одной из них, но и всеми ими, взятыми вместе, не исчерпывается и не поглощается. Отношение Пастырского богословия к этим дисциплинам – отношение общего к частному, основного к вспомогательному. Пастырское богословие обязано определить сущность и основы пастырского служения, выяснить условия успешного духовного роста пастыря, найти секрет и способы успешного воздействия пастыря на пасомых – пастырского душепопечения. Гомилетика же учит, какова должна быть церковная проповедь пастыря, согласно указаниям Слова Божия и учению святых отцов, постановлениям высшей церковной власти, требованиям науки об ораторском искусстве, законам речи и применительно к состоянию слушателей и т. п. Гомилетика, таким образом, касается лишь одной стороны пастырской деятельности – учительной. Литургика имеет в виду придти на помощь другой, тайнодейственной обязанности пастыря, излагая чинопоследования таинств, обрядов и вообще всего богослужения в его генетической и практической последовательности. Каноника исследует внешние нормы и законы церковного общежития, как они определялись в исторической жизни Церкви. Священное Писание и Церковная история дают жизненные примеры истинных пастырей, начиная с Пастыреначальника Христа, святых Апостолов и великих мужей древней Церкви. Догматика дает научное изложение всего содержания веры, откуда Пастырское богословие может почерпнуть учение об основах и цели пастырской деятельности, о тайнах христианской веры и жизни и средствах их усвоения. Нравственное богословие показывает, что каждый христианин должен делать, чтобы исполнить волю Божию и достигнуть своего назначения. Общехристианская мораль, конечно, обязательна для пастыря, и Нравственное богословие всецело относится к пастырю как человеку, но вытеснить Пастырское богословие оно не может, ибо у пастыря есть свой особая жизнь, свои тайны, ему одному поручаемые, свои дарования которыми он один наделен, и свои специальные пастырские обязанности, выделяющие его из ряда членов церковного общества и совсем не обнимаемые Нравственным богословием. Каждая из

указанных наук в том или другом направлении начертывает путь, дает материал для пастыря и облегчает ему прохождение этого пути. Но чтобы пастырь мог проповедовать, «как власть имеющий», «в явлении духа и силы» ([1Кор. 11,4](#)), чтобы совершаемые им тайнодействия захватывали и благодатствовали души верующих, чтобы церковные каноны и правила не обращались у него в мертвящую законническую букву, – для всего этого должны быть у пастыря соответствующие пастырское настроение, пастырская любовь и самоотвержение, должен быть возгретый пастырский дух, облагодатствованная и воспитанная пастырская совесть. Способствовать же уяснению и развитию всего этого и имеет первой своей целью Пастырское богословие.

В курсах Пастырского богословия имеется некоторый материал, относящийся к так называемой «аскетике». Поскольку аскетические упражнения могут содействовать развитию в пастыре подвижнического духа, способного к высшему самоотвержению и любви к Богу и к людям, Родине, помещение такого материала в курсах Пастырского богословия и законно, и полезно. Но когда аскетика направляет свои усилия к тому, чтобы привить будущим пастырям узкие взгляды на мир и на жизнь в миру, на общественность и государственность, тогда ее услуга Пастырскому богословию оказывается весьма сомнительной.

2. Филологический и экзегетический анализ слова «пастырь»

Как известно, предметом науки Пастырского богословия является сам пастырь. Слово «пастырь» часто употребляется в ветхозаветном и новозаветном Писании. В Ветхом Завете слово «пастырь» передается еврейским словом «рое», причастием от (раа), употребляемым в значении клонить, нагибать, а в общем залоге в значении клониться куда-либо, иметь склонность к чему-либо. Отсюда гое значит приверженец или тот, кто сдружается с кем-либо. В дальнейшем значении гаа имеет смысл стремиться куда-либо, искать, внимательно следить, ухаживать, особенно за стадом: отсюда рое – пастух. В отношении к людям глагол гаа может значить управлять ([Пс. 27, 71](#)), поучать, наставлять ([Иер. 3, 15](#)); отсюда гое – пастырь, наставник ([Еккл. 12, II](#)).

Соединяя все эти значения, слово «пастырь», по употреблению его в Ветхом Завете, можно определить, по словам Г.Шавельского, сильно занятого своею паствою, а потому внимательно следящего, ухаживающего, руководящего и управляющего ею так, что в этом управлении постоянно сказывается преданность и расположение его к пастве³. При этом самая метафора, взятая из пастушеского быта, намекает на ту черту руководящей пастырской деятельности, когда внимание пастыря обращено на каждую овцу стада отдельно. «Аз упасу овцы Моя, – говорит Иегова через пророка, – и Аз упокою я, и уразумеют, яко Аз еси Господь. Сия глаголет Адонаи Господь: погибшее възщу, и заблудшее обрящу, и сокрушенное обяжу, и немощное укреплю, и крепкое снабжу, и упасу я с судом» ([Иез. 34, 15–16](#)). В понятие 15-го стиха «упасу» входит именно то, что перечисляется далее в стихе 16-м, то есть, именно особый уход на каждой овцой, сообразный с ее нуждами.

В Новом Завете древнему еврейскому «рое» соответствует греческое слово «пимин». Филологически это слово трудно объяснимо. Но, имея в виду, что 70 толковников для передачи еврейского «гое» употребили именно это слово, надо думать, что они понимали его точно так же, как понимается еврейское «гое». Современные специалисты слово «пимин» производят от корня () – питать, родственного () – стадо от корня () – защищать. В Новом Завете это слово, действительно, имеет такой смысл. По 10-й главе Иоанна добрый пастырь овец своих называет по имени (Ст.

3), овцы за ним идут, потому что они знают его голос (Ст. 4); пастырь добрый так их любит и так самоотверженно заботится об их благополучии и безопасности, что готов душу свою положить за них (Ст. II). По другим местам Нового Завета добрый пастырь свою любовь к стаду обращает не столько к массе его, но гораздо более к каждой отдельной единице стада, особенно, если эта единица нуждается в его заботах и уходе, например, если она «заблудилась в пустыне» (Лк, 15, 4–7), или ушла в «страну далече» (Ст. 11–13), или пропала (Ст. 8–10, Мф, 11, 12–14) и т. д.

Таким образом, по мысли Г.Шавельского, филологически и экзегетически разобранный слово «пастырь» выражает понятие о попечительной, проникнутой любовью, доходящей до самоотвержения, заботе пастыря о нуждах и преуспевании своих пасомых, являющихся объектом его деятельности⁴. Принимая же во внимание, что все обязанности христианина сводятся Апостолом к одной – ходить достойно звания ([Еф. 4, 1](#)), а по званию своему христианин должен быть «сыном и наследником Царствия Божия» ([Рим. 8, 17](#)); принимая во внимание и то, что православный пастырь становится пастырем не сам по себе и не по начальственному только распоряжению, но по благодатному дару, сообщаемому ему в таинстве священства, чрез преемственное, идущее от Христа и Апостолов рукоположение, и затем действует, пользуясь благодатным даром, сообщенным ему в этом таинстве, мы пастырское служение определяем так:

Пастырство есть Богоустановленное благодатное служение, исполненное любви и самоотвержения, имеющее своей задачей попечение о нуждах пасомых с целью их духовного совершенствования и вечного спасения.

3. Источники и пособия науки

Источниками нашей науки являются:

1. Священное Писание Ветхого и Нового Завета.
2. Святое Предание, выражающее взгляд древней Церкви на пастырское служение и на пастырскую практику. Выразителями святого Предания прежде всего служат: правила св. Апостолов, Вселенских и Поместных соборов и правила отцов Церкви.
3. Творения святых отцов; в частности: письма св. [Игнатия Богоносца](#), [Климента Римского](#) (послания к Коринфянам), св. Поликарпа (письма к Филиппийцам), св. [Киприана Карфагенского](#), св. [Афанасия Великого](#) («Окружные письма к епископам»), св. [Иоанна Златоуста](#) («Шесть слов о священстве»).
4. Постановления последующих церковных соборов, различные определения патриарших и других Синодов, а также послания выдающихся архипастырей.

Пособиями могут служить следующие пасторологические системы:

1. Первым замечательнейшим пасторологическим памятником, относящимся к ХУШ в., следует считать книгу «О должностях пресвитеров приходских». Она издана впервые в 1776 году и составлена двумя иерархами ХУШ века: Георгием Конисским и Парфением Сопковским. Авторы упомянутого руководстве для пастырей указывают четыре вида их служения: проповедь, учительство примером личной жизни, священнослужение и молитву. После упоминания о высоте пастырского служения книга «О должностях пресвитеров» требует, чтобы пастыри непрерывно учили людей, сами жили свято, тайнодействовали и молились о людях. Каждому пастырю здесь заповедуется читать Слово Божие, держать его в сердце с размышлением и молиться Спасителю о наставлении Духом Святым на всякую истину. Поучения к народу, смотря по нуждам пасомых, книга «О должностях» разграничивает на вероучительные, полемические, обличительные, нравоучительные и увещательные. Говорить предписывается кротко, с болезнью о слушающих, слезами и осторожным наказанием. Учащий добру, по словам авторов книги «О должностях», сам должен быть добр, чтобы своею жизнью не разрушить созданного учительством достижения. Пастырское тайнодействие должно сопровождаться объяснением внутренней силы и цели таинств прихожанам, требованием от них знания Символа веры. В

смертных грехах пьянства, корысти и других пастырю нельзя священнодействовать. Крещение и таинства исповеди и брака должно совершать с особыми предосторожностями. Пастырь есть молитвенник за всех людей, молитвенник об избавлении от стихийных бедствий, о спасении живых и умерших. Молиться он обязан везде: наедине и при всех.

В общем рассмотренное нами сочинение проникнуто любовью к пастырям и величайшим благоговением и их служению. Это сочинение имеет характер весьма ценного научного труда, изложенного сердечным и правильным слогом. Наставления его никогда не будут ниже времени ввиду пастырской опытности его составителей.

2. В 1851 году была издана новая система Пастырского богословия архимандрита [Антония \(Амфитеатрова\)](#), ректора Киевской семинарии. Она разделяется на три части. В них содержится учение о пастыре – а) «строителе таинств» ([Еф. 4,11–13](#)), – б) проповеднике и учителе и – в) руководителе паствы. В начале первой части излагается догматическое учение о пастырском служении, его Божественном происхождении и о неискоренимом продолжении. Вторая часть трактует о качествах, необходимых кандидату священства, – физических и душевных. Приготовление к священству умственное и нравственное имеет целью утвердить будущего служителя Церкви в истинах веры, благочестии, страхе Божиим и приличном поведении в обществе. Признаки призвания к пастырству отмечаются в рассматриваемой книге архимандрита Антония следующие: происхождение из духовного звания, духовное образование, любовь к священству, одобрение кандидата священства местным епископом. Перечислением желательных личных качеств пастыря дома, в гражданском обществе, пред властями церковными и светскими, среди причта своей церкви и прихожан архимандрит Антоний заканчивает свою систему. Последней не достаёт учения о самом служении пастырском.

3. Архимандрит Паисий (Пылаев), инспектор Казанской духовной академии, оставил науке два своих рукописных пасторологических труда: «Заметки по Пастырскому богословию», где говорится, главным образом, о пастырском учительстве и духовничестве применительно к человеческим возрастам, состояниям веры, здоровья и в минуту смертной агонии человека, и «О средствах против разного рода грехов и грешников». В этом сочинении намечаются меры парализования грехов и приемы воздействия на грешников в конкретной личности каждого из них. Речь автора не блестящая, но ясная и отчетливая в изложении материала. К сожалению, лекции архимандрита Паисия общего плана не имеют и не

систематизированы.

4. В Киевской духовной академии много потрудился для разработки пасторологии профессор Певницкий. Известны его работы: «Приготовление к священству и жизнь священника», «Служение священника в качестве духовного руководителя прихожан», «Основные пункты в учении о пастырском служении».

5. Из профессоров Петербургской духовной академии, потрудившихся в разработке Пастырского богословия, следует отметить протоиерея С.А. Соллертинского. Его сочинение «Пастырство Христа Спасителя» рассматривает основополагающий момент в истории христианского пастырства и попутно критикует обычай русских пасторалистов смотреть на Пастырское богословие как на прикладную науку. В действительности пасторология, помогая практике пастырей, должна оставаться наукой, чуждой одного голого эмпиризма и беспринципности. Источником ее должно быть, в первую очередь, Священное Писание, экзегетика пастырских библейских мест, что дает лучшие руководительные начала христианским пастырям Церкви, помогает в системах нашей науки найти точное понятие о содержании пастырской работы.

6. Из сочинений по нашей науке замечательны «Письма к пастырям о некоторых недоуменных сторонах пастырского делания» архимандрита Антония (подписаны псевдонимом С.С.Б. или Служитель Слова Божия). Здесь автор с грустью отмечает факт слияния пастырей в литературе и жизни с миром. Пастырю он рекомендует как в науке, так и в благотворительности и воспитательной работе являться твердым носителем евангельских идей и верным руководителем человеческой совести. Пастыря, настроенного самоотверженно и любовно к пасомым, излишне учить душепопечению, как излишне учить мать уходу за любимым ребенком. Его напряжение духовно любить – плод мучительного отрешения от жизни мирской и самоотверженного посвящения себя Богу. Перерождает пастырскую душу, конечно, не пасторологический учебник, а испытания жизни, бичующие ее воспитательным жезлом Божьего Промысла среди ненависти и непонимания паствы, при вражде родных по плоти и клевете сослуживцев. Жизненные испытания смягчают души. Смягчающее действие жизненных испытаний отразилось даже на Апостолах. Поэтому сын Громов – Иоанн Богослов в послании к Гаю и Госпоже, написанном в конце его жизни, учит спасаться одной любовью; Апостол Павел в мягком по тону Послании к Филимону преподает учение, отличное от громоносных глаголов к Римлянам, Коринфянам. Таковы слова Петровы в его

предсмертных Соборных Посланиях. Испытания, несомненно, очищают испытываемых пастырей от примеси себялюбия, страстности, умерщвляют в них греховность и делают их живыми для паствы. Они, ежедневно умирая от трудов, забот и печалей о пасомых, так сказать, мученически полагают души за овец своих. Это мы и видим, например, у святых Григория Богослова, [Иоанна Златоуста](#), митрополита Филиппа, патриарха Никона и других.

Пастырь должен проникать в жизнь, изучать светскую мысль, светские идеалы, снисходить до настроения пасомых, идти за ними по распутьям жизни, входить в круг их понятий и оттуда собирать их на Христову пажить. Эта заповедь дана была Апостолам Спасителем, пастырям Ефесским – Апостолом Павлом. Для пастырского влияния на светскую жизнь нужны кроме знания этой жизни пастырское учительство, молитва и добрый пример.

В статье «Из чтений по Пастырскому богословию» архимандрит Антоний проводит ту идею, что пастырское влияние основывается на таинственном общении пастыря с паствой через передачу последней своего настроения. Отдающий себя пасомым пастырь отождествляет себя с ними до существенного единства, подобного единству Бога Отца с Сыном.

Говоря о пастырском призвании, архимандрит Антоний субъективными признаками его считает желание священства, любовь к пастырству и внутренний голос Божий, а объективными – пастырскую просвещенность и нравственную подготовленность. Русскому характеру вообще свойственны недовольство собой и жажда внутреннего обновления. Подчинение этих стремлений воспитательному руководству развивает в пастыре сострадание греховной человеческой немощи, скорбь о грешных людях и пламенное желание себя и их приблизить к Богу. Подготавливают к пастырству чтение Слова Божия, святых отцов, классической литературы, особенно сочинений Достоевского, вместе с личным наблюдением жизни. Кандидату священства вместе с тем необходима выработка чистоты душевной, проникновение благочестием молитвы и борьба с самозамкнутостью.

Главный недостаток приведенных работ архимандрита Антония определяется некоторой отрывочностью или незаконченностью разработки пасторологических вопросов и недостатком классической ясности его формулировок. Впрочем, речи его весьма интересны, жизненны и глубоки, хотя и не всегда сопровождаются выводами из предпосылок.

В 1840–41 годах некто Александр Стурдза издал в двух томах

«Письма о должностях священного сана». Это зрелый плод зрелых лет. Материал переписки разделен на 7 книг. Здесь последовательно излагается история приготовления к священству и пастырству одного молодого человека, переписывавшегося со старцем. Святую волю Божию на свое служение в пастырском звании Александр – так звали молодого человека, – узнает из Слова Божия, из молитвы и из своих жизненных происшествий. Слово Божие то проникает его душу, как меч, то навеивает на нее умиление, сокрушение и радость. Молитва располагает его отвергнуться себя и взять крест свой. События жизни предохраняют от увлечения и пороков. Все это предвестия будущего призвания к пастырству.

Вот этот молодой человек уже пресвитер о. Александр. Старец пишет ему в напоминание о правилах предстоящей деятельности его. На месте нового служения он должен оказывать почтение к старшему себя по летам священнику. Храм, куда он был назначен, под влиянием теплой и искренней молитвы его как бы неизмеримо расширялся и украшался для его духовного чувства осязательным присутствием Самого Бога на престоле алтаря. В переписке о. Александр описывает своему старцу о первых шагах своего проповедничества и приходских столкновениях. Старец успокаивал дух своего питомца, только советовал ему при совершении таинств быть нерассеянным, внятно читать и петь, а в храме поддерживать порядок и тишину. Исповедательная практика о. Александра, по мысли старца, должна приспособляться к разрядам кающихся, среди которых могут встретиться то беспечные лица, то колеблющиеся, то впадшие в отчаяние⁵.

Следующие книги Стурдзы излагают пасторологические положения в такой последовательности: четвертая книга содержит указания о проповеди Слова Божия, пятая – о законоучительстве, шестая – о рациональном обращении с людьми, седьмая – о выполнении долга благовестничества.

Эпистолярная форма изложения придает труду Стурдзы чрезвычайную увлекательность и жизненность. Здесь каждый оборот речи есть сама жизнь, движение, искреннее чувство и любовь к человечеству. Чтение пастырских писем разливает в душе читателей мягкий, ласкающий свет веры и надежды на Бога. Изящный слог, жизненное содержание текстов, обилие психологических наблюдений делают письма интересными и теплыми. Недостаток их: отсутствие логической системы в изложении, повторения, сбивчивость и неосновательность некоторых суждений, ригоризм и малодушие ввиду долга исправления грешников.

8. Взгляд на пастырство, как на добровольное мученичество, нашел для себя специальное развитие в книге игумена Тихона, озаглавленной «Святое, высокое служение иерея Божия». Подобное воззрение на пастырство есть евангельское воззрение. Господь, умерший за спасение людей на кресте, заповедал и пастырям души свои полагать за овец. Сочинение игумена Тихона состоит из предисловия, девяти глав и заключения. Основные интереснейшие положения, раскрываемые автором, можно представить в следующем порядке: пастырское настроение слагается из двух элементов – сознание высоты священства и личного недостойнства; отсюда его развитие происходит путем только непрерывного подвижничества. В Слове Божиим и Творениях святых отцов легко отыскать места о мученичестве пастырей. Самые имена, прилагаемые в Писании к пастырям: «иерей Божий», «служитель Слова», «Ангел земной», – показывают необходимость подвига для носителей таких высоких имен. Свои мысли автор подтверждает соответствующими цитатами из творений святителя [Тихона Задонского](#), блаженных Иеронима и Августина, Иоанна Златоуста, [Исаака Сирина](#) и из трудов епископа [Феофана Затворника](#). Главной обязанностью пастырей игумен Тихон считает словесное учительство.

В сущности книга о пастырском мученичестве представляет сборник мест библейских и святоотеческих, искусно выбранных и подтверждаемых жизненными примерами. Успех пастырского служения, согласно этим свидетельствам, зависит от благодатной жизни самого пастыря. И священство не есть ремесло, а добровольное пожизненное мученичество⁶.

Русской пасторологической литературы, как показало обследование работ по нашей науке, не миновали своим влиянием два течения: протестантское и католическое. Первое отмежевывает в свою область вопросы о сущности христианства, Царстве Божиим и земной жизни Господа Спасителя. Ввиду малого опыта собственно пастырской настроенности протестантское течение делает сомнительным право Пастырского богословия на научную самостоятельность. Католический тип пасторологической системы подробно перечисляет и описывает пастырские свойства и обязанности и носит характер формальный и схоластический. Конечно, схоластика не ложь, а лишь нежизненная отвлеченность. Поэтому в пастырских системах Богословия с католической окраской обязанности пастыря не связаны в одно целое, в одно живое настроение. И опыты подобного богословствования слишком общи и мало практичны.

На нормальный путь исследования ставит науку Пастырское

богословие святоотеческие трактаты о пастырстве. Выдающиеся из них: «Шесть слов о священстве» св. Иоанна Златоуста (том 1), Толкования (его же) на Послания св. апостола Павла, преимущественно к Коринфянам, и пастырские: 3-е Слово «О бегстве» св. Григория Богослова, «Слово к пастырю» св. [Иоанна Лествичника](#). Из Западных св. отцов нельзя не упомянуть следующих пасторологов: св. [Григория Двоеслова](#) с его «Правилom пастырским», св. [Амвросия Медиоланского](#), автора книги «Об обязанностях священнослужителей», и [блаженного Иеронима Стридонского](#), написавшего сочинение «О жизни клириков». Можно найти материал по нашей науке также у св. [Симеона Нового Богослова](#), у русских святителей [Димитрия Ростовского](#), Тихона Задонского и других.

Все святоотеческие творения рисуют нам цельный образ пастыря с его самосознанием, переживаниями и освещением разных мотивов его служения. С этой точки зрения и должна строиться наука Пастырского богословия, соображаясь не с одними отдельными мотивами, но и с современной обстановкой жизни пастыря и жизни его пасомых.

Глава I. Основы пастырства как богоустановленного института

1. Оправдание пастырства по данным истории, психологии, мистики, догматики, экзегетики

Пастырство есть сложное явление в человеческой жизни. Оно отнюдь не навеяно историей или обстоятельствами. Оно – факт изначальный и необходимый для человечества. Пастырство существует в Церкви по Божественному праву. «Сама общественная жизнь, – говорит профессор Милов, – в силу простого разделения труда выделила из себя специальный класс руководителей религиозной общественной жизни⁷. Факт существования названного класса людей дает ему полное право быть предметом и специальной науки.

Пастырство – богоустановленное благодатное служение – явилось самым замечательным историческим фактом в человеческой жизни. Оно показало свою жизненную силу, выдержав серьезные исторические испытания. Причем, оно не исчезло с развитием человечества, как канули в неизвестность многие древние человеческие учения.

Существуют различные взгляды и теории, объясняющие происхождение пастырства как явления чисто случайного или вызванного исторически сложившимися обстоятельствами. Некоторые склонны считать пастырство вымыслом и изобретением отдельных лиц: жрецов, законодателей, – в целях чисто корыстных или с точки зрения общественных интересов. Протоиерей Н. Петропавловский говорит, что «подобные гипотезы потеряли всякое значение даже в глазах нехристианских мыслителей⁸. Такие поверхностные, неосновательные объяснения происхождения пастырства разбиваются о твердые основания, на которых зиждется пастырство. Главных основ пастырства пять.

а) Историческая основа

По времени своего происхождения пастырство – самое древнее явление в жизни человека. Своими корнями оно уходит в глубь веков и относится ко времени грехопадения первых людей. Нарушив общение с Источником жизни – Богом – и вкусив плоды своего преступного опыта, прародители всеми силами стремились вновь восстановить живительную связь, что могло произойти только через всецелое примирение с Богом. Жажда примирения нашла свое выражение в жертвоприношениях, время

появления которых относится к самому раннему периоду истории человечества.

Вначале жертвоприношения могли совершать все члены семьи (пример жертвоприношения Каина и Авеля, [Быт. 4, 3–5](#)). Позже эти обязанности ложились на глав семейств, которые стали обладать правом исполнения религиозных обрядов. Замечательно, что даже в наше время среди народностей существуют некоторые племена, не имеющие специального класса жрецов, но обязанности их выполняют главы родов или племени⁹. Так в первобытном периоде у всех народов мы находим пастырство без жрецов. Поэтому утверждение, что пастырство есть изобретение, намеренно вымышленное и навязанное людям жрецами или законодателями, отпадает, так как оно гораздо древнее жрецов и законодателей; последние не могли быть изобретателями того, что предшествовало им. Вместе с общественным развитием человечества изменилась и форма религиозного служения. Право отправления религиозного культа переходит от отдельных лиц, представителей родов, к специальному классу людей. Представителям всего общества. Так сама жизнь, в силу необходимости, выдвигала специальный класс людей. В языческих религиях этот класс составляли жрецы, а в религии богоизбранного иудейского народа – ветхозаветное священство. Вполне неосознанное общечеловеческое тяготение к пастырству способствовало установлению Божественным Промыслом пастырского служения в Ветхом Завете. В лице Моисея, Аарона и левитов Господь избирает к великому служению с высокими духовными качествами людей, полагает начало ветхозаветному пастырству. Что пастырство в Ветхом Завете явилось не случайно и не по воле людей, облеченных властью и заинтересованных в исполнении тех или иных законов, показывает замечательный исторический факт – страшное наказание Корея, Дафана и Авирона и их сообщников, восставших против начальства Моисея и Аарона ([Числ. 16,5–20](#)) и стремившихся присвоить себе священническое достоинство. Кроме того можно привести другой пример, указывающий, что пастырское служение не было зависимо от человеческих прихотей. Пророки – пламенные пастыри израильского народа, пользующиеся всегда абсолютным авторитетом, свое призвание и посвящение для общественного служения полностью принимали только от Бога, но не от людей ([3Цар. 19, 16](#); [Числ. 12,6](#)). Ветхозаветное священство, ввиду особого теократического строя Израиля, а также по своему высокому назначению носило характер высочайшего служения, сопряженного с высокими обязанностями. Св. [Амвросий Медиоланский](#) в своей книге, посвященной

пастырям Церкви, пишет о пастырском служении в Ветхом Завете: «Великие и подобные обязанности и сами по себе, и в общем значении своем, но на столь высоком служении, каково пастырское служение священнослужителей, получают значение особенной важности; ибо звание левитов так высоко и так важно, что Моисей, благословляя сынов израилевых по их коленам пред смертью своею, в благословениях своих о колене Левином изрек: дадите Левию явленная его¹⁰. Как видим, левиты не наряду с прочими людьми считаются, но предпочитают всем, ибо они избираются из всех и посвящаются Господу как первенцы для служения и отпущения грехов. Священны и обязанности их, когда Сам Господь заповедал Моисею: «Виждь, – говорит ему, – племени Левина да не сочислиши, и числа их, да не примемши среди сынов израилевых. И ты пристави левиты к скинии свидения, и ко всем сосудом ея, и ко всем елика суть в ней: да носят скинию, и вся сосуды ея, и тии да служат в ней, и окрест скинии да ополчатся» ([Числ. 1,49–51¹¹](#)).

К историческому оправданию пастырства можно отнести и факт всеобщности религии в человеческом роде, которая не может мыслиться без специального класса людей, возглавляющих религиозную жизнь обществ. Уже древние мыслители: Платон, Аристотель, Цицерон и Плутарх обращали внимание на этот знаменательный факт и на факте всеобщности религии в человеческом роде основывали доказательство бытия Божия.

б) Психологическая основа

Кроме внешнего исторического основания пастырство имеет и внутреннюю психологическую основу, вытекающую из духовной природы самого человека. Пастырство относится к глубоко врожденным потребностям человеческого духа. Оно могло исказиться в истории человеческой жизни, как исказилось в языческих религиях, но не могло уничтожиться, потому что было выдвинуто самим народом. Созданный по Образу Божию человек, хотя и отпал от Источника Жизни, но врожденная способность стремиться к богоподобию, к своему Первообразу, осталась в падшем человеке. Жажда общения с Богом и сознание невозможности единения по причине греховности, враждующей против Бога, порождают идею посредничества. Так внутренняя духовная нужда человека выдвигает ходатаев и посредников между грешным человеком и Богом. Выдвинутые народом представители должны были обладать высокими нравственными и духовными качествами. Народное сознание не могло допустить, что порочных людей Бог может слышать. Поэтому нравственная чистота и целомудрие служителей культа были необходимыми условиями сближения с Богом. В языческих религиях служители алтаря – жрецы, весталки и другие – должны были вести безбрачную жизнь. Эти требования в языческой и иудейской религиях с особой силой уяснились в христианстве. «Подобает убо епископу быти непорочну, единыя жены мужу, трезвену, целомудру, благоговейну, честну, страннoлюбиву, учительну, не пьянице, не бийце, не сварливу, не мшелоимцу: но кротку, (не завистливу), не сребролюбцу» ([1Тим. 3,2–3](#)). Естественное общечеловеческое сознание греховности и недостойности общения с Богом выделяет из среды самого народа лучших представителей, которые должны были посвятить свою жизнь служению человечеству в качестве ходатаев и посредников. Особенно ярко выразилась необходимость посредника у еврейского народа в самый ответственный момент, когда народ должен был вступить в общение с Богом на горе Синай. Страх и ужас объял весь израильский народ, который сознавал свою преступность пред Богом ([Быт. 20, 19](#)). Израиль единодушно просил Моисея быть посредником между народом и Богом, вступить в общение с Ним вместо народа, обещаясь исполнить все, что Господь возвестит народу через Моисея. Такое сознание народом своего недостойности к богообщению, проникнутое чувством покаяния и страха, было угодно Господу.

Профессор Милов говорит, что Господь признает правильным решение народа и принимает Моисея как ходатая народа и провозвестника Своей вол¹². И на протяжении всей истории Господь постоянно избирает для пастырского служения людей, которые возвещают людям волю Божию и являются духовными руководителями человечества: «И Той дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учителя к совершению святых, в дело служения, в созидание Тела Христова» ([Ефес. 4, 11–13](#)). Идея посредничества, выдвинутая самим народом не только не умалялась, но росла и укреплялась в сознании людей. Перед пришествием Сына Божия она вылилась в общечеловеческое ожидание Божественного Ходатая, Который окончательно должен был примирить человека с Богом. И это народное чаяние было не напрасным, но исполнилось с явлением в мир «Единого ходатая Бога и человеков, Человека Христа Иисуса, предавшего Себя для искупления всех». ([1Тим. 2, 5–6](#)).

в) Мистическая основа

Самым существенным отличием пастырства от всех естественных общественных служений, выдвигающим его на особое место и дающим ему право именоваться служением благодатным, является то, что свое установление, высшие полномочия, благодатную силу пастырство получает от Бога. Святитель Иоанн Златоуст в своем творении о священстве пишет: «Священнослужение совершается на земле, но по чиноположению небесному; и весьма справедливо, потому что ни человек, ни ангел, ни архангелы и ни другие какие-либо сотворенныя силы, но Сам Учитель учредил это чинопоследование, и людей, еще облеченных плотию, соделал представителями ангельского служения. Люди, живущие на земле и еще обращающиеся на ней, поставлены распоряжаться небесным и получили власть, которой не дал Бог ни ангелам, ни архангелам; ибо не им сказано: елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси; и елика аще разрешите на земли, будут разрешены на небеси. «Земные» властители имеют власть связывать, но только тело, а эти узы связывают самую душу и проникают в небеса; что священники совершают на земле, то Бог довершает на небе, и мнение рабов утверждает Владыка. Не значит ли это, что Он дал им всю небесную власт¹³.

Нравственно-мистическое обоснование бытия специального пастырского института с точки зрения экономики домостроительства и

идеи Церкви вполне оправдывает деятельность в Церкви пастырей, не выдающихся даже особенной нравственностью¹⁴. Они наделены полномочиями для руководства другими. Отрицание протестантами и сектантами особой пастырской благодати совершенно тенденциозно.

Пастырь не только ставленник народа. Он, главным образом, избранник Божий, призванный к великому служению среди народа. «Не вы Мене избрасте, но Аз избрах вас и положих вас, да вы идете и плод принесете, и плод ваш пребудет, да егоже аще просите от Отца во имя Мое, даст вам» ([Ин. 15, 16](#)). А святитель Тихон Задонский в поучении о пастырском призвании говорит: «... по общему христианскому гласу, епископы и пресвитеры нарицаются пастырями, и Божие Слово им титул сей присваивает и поручает в руки их стадо Христовых словесных овец, Кровию Христовою искупленных... Без звания и избрания правильного никто не должен в пастырское служение вступать, как говорит Апостол: никтоже сам о себе приемлет честь (иерархическую), но званый от Бога, якоже и Аарон: тако и Христос не Себе прослави быти Первосвященника, но глаголивый к Нему: Сын Мой еси Ты, Аз днесь родих Тя. И святой Предтеча поучает: не может человек принимати ничесоже, аще не будет дано ему с небесе ([Ин. 3, 27](#)). Как пророки и Апостолы непосредственно гласом Божиим избраны и позваны в великое дело их служения, так хотящим вступить в их великое дело надобно ожидать звания и избрания Церкв¹⁵. Не только по призванию, но и по характеру своего служения пастырство не может стоять в ряду естественных человеческих служений. Все естественные служения имеют попечение о временном благополучии человека. Пастырство же конечной своей целью имеет привести человека к вечной блаженной жизни. Сообразно этой великой цели пастырям и сообщается в таинстве священства особая благодатная сила Святаго Духа. Только Дух Святой является санкционирующей силой на благодатное пастырское служение. «Вся подает Дух Святой: точит пророчества, священники совершает, некнижные мудрости научи, рыбаи богословцы показа¹⁶, – воспевае святая Церковь на праздник св. Пятидесятницы. Пастыри являются носителями чрезвычайных благодатных даров и полномочий. Святой [Дионисий Ареопагит](#) в своей книге «О небесной иерархии» пишет о священстве как особом учреждении: «Итак, кто говорит о иерархии, тот указывает на некоторое священное учреждение – образ Божественной красоты. Каждый чин иерархии по мере своих сил принимает участие в делах Божественных, совершая благодатию и силою, дарованною от Бога¹⁷.

Высота пастырского служения выделяет пастырей из среды всех людей. Господь называет их «светом мира и солью земли» ([Мф. 5, 13–14](#)). А святитель Амвросий Медиоланский, посвятивший свою жизнь пастырскому служению и стяжавший славу великого архипастыря Христовой Церкви, обращаясь к пастырям, пишет: «Вам вверено ведение высочайших таин Божественных, что требует от вас свыше откровенной премудрости: вашему попечению вверена стража и бдительность надзора за нравственностью и спасением народа, что есть дело величайшей правды. Вам вверено хранение завета, требующее от вас мужества мучеников; вам вменяется в непременную обязанность хранить трезвенность ума и блюсти чистоту сердца, то есть, воздержание от всех страстей: всему же этому основание – Христос, а живая вера в Него – высочайшая премудрость¹⁸.

г) Догматическая основа

«Шедше научите вся народы, крестяще их во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа» ([Мф. 28, 19–20](#)). Но самым очевидным и непоколебимым основанием христианского пастырства является Господь наш Иисус Христос. Пастырство в христианской Церкви должно быть рассматриваемо как учреждение Верховного Пастыреначальника и Господа нашего Иисуса Христа. Спаситель Сам Себе усваивает пастырство, называя Себя добрым Пастырем ([Ин. 10,11–14](#)). В притче о Добром Пастыре Господь на все времена дает образ истинного пастыря и отождествляет этот образ с Собой: «Аз есмь пастырь добрый: пастырь добрый душу свою полагает за овцы» ([Ин. 10,11](#)). В собственном универсальном смысле Иисус Христос усваивает Себе вечное пастырство: «... и будет едино стадо и един Пастырь» ([Ин. 10,16](#)). В обличительной проповеди, направленной против жестокосердия и неверия Иудеев, Спаситель ставит Себя в параллель с пророком Ионой, поелику «Он для рода сего» то же, что Иона для ниневитян, то есть, Пастырь и притом больше Ионы ([Лк. 11,30–32](#)), то им не будет оправдания в их нераскаянности.

В прощальную ночь, после Тайной Вечери Спаситель вышел с Апостолами в Гефсиманский сад; в эти последние минуты Своего пребывания с учениками, обращаясь к ним, Христос с горечью относит к Себе пророчество Захарии: «Все вы соблазнитесь о Мне в ночь сию; писано бо есть: поражу пастыря, и разыдутся овцы стада» ([Мф. 26, 31](#)). Спаситель не только Своей жизнью явил в Себе доброго пастыря и

собственным примером освятил пастырство, но оставляет продолжателей Своего великого дела. Господь избирает из простого народа 12 учеников, а потом и 70 учеников. В продолжении всего Своего общественного служения Христос Спаситель готовит учеников к предстоящей пастырской деятельности. С этой целью Господь посылает их на проповедь ([Мф. 10,6](#)), сообщает им силу чудотворения (Стих 8), причем, дает им особые наставления, как для начинающих высокое пастырское служение (Стих 8–42). Ясно, что в этот момент Господь основывает пастырство как особый институт, призванный пещись о христианском воспитании людей, учить их новой духовной жизни. Для успешного выполнения трудного пастырского долга Спаситель заповедует Апостолам иметь всегда перед собой образ Пастыреначальника: «Образ бо дах вам, да якоже Аз сотворих вам, и вы творите» ([Ин. 13,15](#)). Из жизни и учения Апостолов видно, что в своем трудном служении они постоянно имели перед собой образ Пастыреначальника и Совершителя веры Иисуса Христа ([Евр. 12, 2](#)) и завещали всем пастырям то же самое.

Итак, по мысли профессора [С. Соллертинского](#), «христианское пастырство получает от Христа (Пастыреначальника) не только высочайший образ той конечной цели, к осуществлению которой оно должно направить свои силы, но и свое право быть (существовать) до скончания века¹⁹, ведя людей к вечному блаженству.

д) Экзегетическая основа

Протестантские богословы не хотят видеть установления пастырства как специального служения. Они говорят, что в Евангелии нигде не указан акт положительного учреждения преемственного духовного служения со стороны Господа. Распространять и передавать дар, принадлежащий только Апостолам, нельзя, – учат протестантские богословы. В оправдание своих ложных взглядов они ссылаются на слова св. Апостола Петра: «Вы же род избран, царское священство, язык свят, люди обновления, яко да добродетели возвестите (и) из тьмы вас призвавшего в чудный Свой свет» (1 Соборное Послание, 2,19). Этот текст, по мнению протестантов, исключает необходимость пастырского служения, так как все христиане «род избран», «царское священство». Зачем нужно специальное священническое служение, когда все священники. Несостоятельность протестантского отрицания пастырства, основанного на произвольном толковании текста Послания Апостола Петра, вполне очевидна. Нет нужды

обращаться к другим местам Священного Писания, чтобы показать ложность этого учения. Достаточно лишь дочитать это Послание до конца, чтобы убедиться в неправильности протестантской мысли. В 5-ой главе Первого Соборного Послания (Стихи 1–4) св. Апостол Петр, обращаясь к христианским пастырям, пишет: «Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых, и соучастник в славе, которая должна открыться: пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно (и богоугодно), не для гнусной корысти, но из усердия; и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду. И когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядающий венец славы²⁰. Из вышеприведенного текста видно, что в апостольское время уже существовал специальный класс христианских пастырей, к которым обращается с наставлением Апостол Петр. Из слов св. Апостола Петра видно, что этот класс пастырей имеет самую тесную связь с Господом и Апостолами. Так, Апостол Петр называет себя «сопастырем», то есть, несущим такое же служение, как и пастыри; а Господа Иисуса Христа именует Пастыреначальником. Какая может быть речь о всеобщем священстве, когда наставляя христиан, Апостол Петр пишет: «Младшие повинуйтесь пастырям» (Стих 5), а не наоборот. Воскресший Господь являлся не всему народу, а только Апостолам, которым должно было стать свидетелями для всех народов, поучал Тайнам Царствия Божия только Своих ученико²¹. И только Апостолам Христос дал благодатные полномочия учить, руководить людей и соединять их с Богом.

Другим возражением протестантов против пастырства является их мнение, что распространять и передавать дар, принадлежащий только Апостолам, нельзя. Но пастырство существовало и в Ветхом Завете, значит, оно принадлежало не только Апостолам. Апостольское служение отличалось тем, что оно было чрезвычайным харизматическим служением. Пастырство не только богоустановлено ([Лк. 24,49](#); [Мф. 28,16–20](#); [Мк. 16,15](#)), но и преемственно от Самого Иисуса Христа. Благодать Апостольская, несомненно, пребывает на современных пастырях, иначе что значило бы повеление Спасителя Апостолам ([Мк. 16,15](#); [Мф. 28,19](#)) идти в мир проповедовать Евангелие всей твари, научить все народы? Если бы проповедь прекратилась вместе с жизнью Апостолов, что значило бы обещание Спасителя Апостолам быть с ними «во вся дни до скончания века» ([Мф. 28,20](#)) и ниспослать Утешителя Духа, да будет с ними во век ([Ин. 14,16](#); 17,16), если Апостолы мученически окончили свою жизнь в начальный момент распространения христианства? Несомненно, все эти

места Священного Писания относятся не только к Апостолам, но и к их преемникам – пастырям. Из этих слов Спасителя следует, что до тех пор, пока существует мир, пастырство будет продолжаться в Церкви Христовой. Святые Апостолы не просто избираются, но и получают освящение для продолжения великого дела как служителя Евангелия. И мы знаем, что Апостолы начали пастырское делание только после того, как явились разделяющие языки ([Деян. 2,3–4](#)). Пастырство в собственном смысле определяется моментом сошествия Святаго Духа на Апостолов. С несомненной очевидностью следует, что Иисус Христос учредил пастырство, но совершил и освятил его Дух Святый. Как Господь послал Духа Святаго на Апостолов, чем совершилось их посвящение, так и Апостолы в свою очередь, по непреложному обетованию Спасителя, низводили Духа Святаго на других в Таинстве священства, и ранее этого никто не дерзал принимать на себя звание пастыря. Такое друг-другопринимательное посвящение перешло и на современных архипастырей Церкви, которые в Таинстве священства низводят на посвящаемого благодать Духа Святаго, «немогущая врачующая» (Молитва Таинства священства).

Ошибочное суждение протестантов «о всеосвященстве» опирается еще на своеобразное толкование ими слов Апостола Петра, сказавшего: «Устройте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить жертвы, благоприятные Богу» ([1Петр. 2, 5,9](#)). О всеосвященстве здесь нет ни слова. «Священство святое» у Апостола означает вовсе не всеобщее пастырство, а только жертвоприношение Богу своей чистоты чрез «отложение всякой злобы, всякого коварства, лицемерия, зависти и всякого злословия», что и есть «духовная жертва святого священства». Адресуя Послание к обрезанным Малоазийским пришельцам, Апостол Петр говорил с ними ветхозаветным языком, сравнивал христиан с священниками, приносящими Богу жертвы не плотские, а духовные. Сама по себе аналогия «священства» Израиля должна быть понимаема лишь, как изображение нравственного освящения Израильского народа путем исполнения заповедей Божиих. В этом смысле пророк Моисей говорит о современных евреях: «Вы будете царством священников». Подобное толкование следует прилагать и к приведенным выше словам Апостола Петра. Вопреки тенденциозной протестантской и сектантской мысли можно с полным правом утверждать, что пастырство есть специальный класс людей, который Дух Святый поставил пасти [Церковь](#) Господа и Бога.

Однако, мы здесь хотим напомнить, что учение протестантов о

«всесвященстве» находит некоторое свое основание и в Православной Церкви, и даже в Церкви Ветхозаветной. Так в книге «Исход» говорится: «Вы будете у Меня царством священников и народом святым» ([Исх. 19,6](#)). Это обетование относится не только к Ветхозаветной церковной иерархии, но и ко всему Израильскому народу.

В Новом Завете учение о «всесвященстве» выражено в Первом Послании св. Апостола Петра (2,5), как уже указывалось выше, и других местах.

Далее даже святоотеческое учение говорит о всесвященстве всех христиан. Так, св. Игнатий Богоносец называет всех христиан «Богоносцами, Христоносцами, Храмоносцами» и т. д. ([Еф. 9](#), с. 380 и др.).

Св. [Климент Александрийский](#) пишет верующим: «Мы – род избранный, Царское священство, народ святой²².

Св. Григорий Богослов пишет: «Целый мир священнодействует Владыке... не тельцов, овнов закаляют..., но всенощными бдениями и псалмопениями²³.

Таким образом, учение о «всесвященстве» имеет место в Православной Церкви. И мы этого не отрицаем. И на первый взгляд кажется, что в этом мы близки к протестантскому учению, но это только на первый взгляд. Православная точка зрения по этому вопросу ярко выражена в «Православном исповедании». Здесь мы читаем, что священство есть двоякое: одно духовное, а другое таинственное. Священство духовное имеют все православные христиане, как учит св. Апостол Петр ([1Петр. 2, 9](#)) и св. Иоанн Богослов (Ап. 5,9,10). Такому священству сообразны бывают и жертвоприношения, именно: молитвы, благодарения, умерщвление плоти, предание себя на мученичество за Христа и проч²⁴. Однако, духовное «всесвященство» нельзя признать единственно достаточным для жизни Церкви Христовой. Непременно Церкви нужно священство «таинственное», которое могло бы не только приносить молитвы, но и совершать таинства для освящения людей. Поэтому святой Апостол Павел и говорит, что в Церкви Бог, как в теле, «расположил члены каждый в составе тела... Иных поставил Апостолами, иных пророками, иных учителями» ([1Кор. 12, 28](#)).

Таким образом, мы находим, что существование в Церкви особых священнослужителей имеет свою твердую основу, как в Священном Писании, учении святых отцов, так и в потребностях жизни самой Церкви, как определенного общества верующих людей в Господа нашего Иисуса Христа.

Наконец, пастырство получает свое совершенное осмысливание и освящение в величайшей и страшной для нас Первосвященнической молитве Сына Божия ([Ин. 17](#)). Исполненный божественной любви Сын молит о тех, кого Он получил от Отца – Апостолов Своих (Стих 6–11) и обо всех тех, которые уверуют во Имя Его. Дабы Отец соблюл их, освятил истиною Своею, чтобы они были с Сыном там, где Он пребывает вечно. Здесь мы имеем венец пастырства, полноту благодати Апостольской в тех, кто идет путем Христовым всегда и в наше время. Для пастырства важны в этой Молитве элементы вероукрепляющего, морального, охранительного характера. Важен завет Отца и Сына об освящении и прославлении учеников – пастырей. Вся Молитва в целом ее значении является предметом изучения Догматического богословия. Нам важно подчеркнуть лишь следующее: в избрании, призвании, в сообщении Духа Святаго всему Пастырскому институту Господь преподал Свою Божественную благодать. И эта благодать Сына Божия поживает доньше и впредь будет поживать на всех преемниках Апостольских: епископах, пресвитерах, пастырях Православной Церкви. Ни сила ее, ни власть, ни плодоносность нимало не изменились.

Первосвященническая Молитва Господа нашего Иисуса Христа с несомненной ясностью утверждает Божественное, а не человеческое происхождение пастырской власти. И если секты протестантов всех толков осмеливаются отрицать Таинство священства, то они во имя разумной последовательности должны отвергать и поставление Христом Апостолов, и исключительное сообщение им и их преемникам Святаго Духа, и всю Первосвященническую молитву нашего Господа. Толчек к такому отвержению особого богоустановленного Института Священства был дан горячим и опутанным церковным сознанием Лютера. Отметим, что историческая обстановка конца средних веков этому весьма содействовала. Лютер оспаривал за римским духовенством власть «вязать и решить» грехи, а за папой Львом X – право отлучать его от Церкви, с которой он связан навсегда «Самой Истиной». «Мы все священники, – говорит он в «Манифесте к благородным христианам Германской нации» (1520 г.), – только настало время проповеди Евангелия, и мы все и священники, и все проповедники».

Сложность обстановки того времени и запутанность ее очевидна. Она тщательно изучается современными протестантами и всем христианским миром.

Итак, пастырство, существующее в Церкви не по человеческому, а по Божественному праву, должно быть признано необходимым в силу

данных: истории, психологии, мистики, догматики и экзегетики.

2. Направленность и действенность науки Пастырского богословия

Богословская наука есть одно из проявлений деятельности человека в спасении, есть средство искания и утверждения веры. Богословие как разумное усвоение духовных истин есть, таким образом, орудие богопознания, в котором сочетаются естественный фактор богопознания – человеческий разум – и сверхъестественный – Божественное Откровение. Богословие, следовательно, есть средство спасительного возвышения человеческого разума.

Христианство имеет цель возродить человека всецело, по всем сторонам его духовной природы, сообщить новые силы не только нравственным, но и умственным его силам. И этому должна содействовать богословская наука, которая, по мысли проф. [В.Н. Лосского](#), «есть изложение на общую пользу того» из личного духовного опыта, «что может быть усвоено опытом каждого²⁵. «Разум и Откровение не представляют собою что-либо чуждое и противоположное друг другу, – утверждает епископ Сильвестр, – ... они, существуя друг для друга, ... могут и должны стоять в самом близком и внутреннем отношении²⁶. И святые Апостолы, хотя и не поставляли силу своей проповеди в искусственном построении речи, но не отрицали этим всякую значимость мудрости человеческой в деле познания Божественной истины. Доказательством этому могут служить более всего самые же их Послания, и в особенности Послания святого Апостола Павла, в которых при всей их простоте замечается немало и такого, что приближается к научному способу изложения и разъяснения веры.

Говоря о богословии вообще, мы должны в частности коснуться богословия Пастырского как особой науки и определить значение ее направленности и действенности. Очень важно для науки Пастырского богословия, чтобы она была носителем высоких идей Пастырства Христа Спасителя. Очень важно, чтобы наша наука имела и определенную направленность в своем развитии и совершенствовании. Не менее важно, чтобы само содержание науки Пастырского богословия таило в себе неотразимую благодатную силу воздействия на учащих; иначе говоря, чтобы наука имела сама в себе элемент мощной действенности или содержание той благодатной качественности, которая могла бы ставить ее

в разряд особых богословских наук. Наука Пастырское богословие древняя, как само пастырство, ее истоки исходят из Священного Писания, святоотеческой письменности.

Таким образом, наша наука, содействующая формированию пастыря, имеет Евангельское и святоотеческое происхождение и, следовательно, есть явление церковное.

Что же нужно для того, чтобы Пастырское богословие оправдывало свое назначение, чтобы оно было богословием полезным, истинно-пастырским?

Пастырское богословие должно быть прежде всего церковным, «ибо только церковное спасительно²⁷. Оно должно быть церковным по существу, а не только по предмету своего исследования. Истинная, живая и действенная богословская наука как явление церковное соответствует природе Церкви, согласуется с ее свойствами единства, святости, соборности и апостольства. Она соответствует единству Церкви, потому что содействует сохранению единства христианского учения; она является отражением святости Церкви, потому что свободна от заблуждений и от всех побуждений, кроме спасительных; Пастырское богословие согласуется с соборностью Церкви, потому что в своем развитии отображает широту пастырской власти и выражает ее соборный разум. Но особенно наглядно выявляется внутренняя связь истинной, духообразующей богословской науки с апостольским элементом Церкви. Отсюда Пастырское богословие должно быть по направленности не только церковным, но и апостольским.

Под апостольством науки понимается «сохранение установленного Апостолами строя церковной жизни, чем обуславливается неизменность апостольской традиции в учении, богослужении и управлении²⁸. Однако такое понимание не является полным; оно относится к внешней, исторически – выявляемой стороне апостольской традиции, но не учитывает ее внутреннего благодатного содержания – духа непоколебимой веры в Бога и жертвенной пастырской любви к людям, побуждавшего Апостолов на проповедь и великие подвиги во имя Христова. Таким образом, Пастырское богословие должно отражать в себе апостольский дух.

Святым Апостолам было свойственно самоотречение для славы Божией в спасении других. «Мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса Господа; а мы рабы ваши для Иисуса», – пишет Апостол Павел Коринфским христианам ([2Кор. 4, 5](#)). Апостольская молитва была о том,

«чтобы Бог дал людям... по богатству славы Своей, крепко утвердиться во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца» их ([Еф. 3,16–17](#)), ради чего Апостол пребывал как бы... в муках рождения, доколе не изобразится» в них Христос ([Гал. 4,19](#)), и радовался, когда видел это духовное преобразование. «Благодарю Бога моего при всяком воспоминании о вас, – пишет он Филиппийцам, – всегда во всякой молитве моей за всех вас, принося с радостию молитву свою за ваше участие в благовествовании» ([Фил. 1,3–5](#)). Апостол предостерегал от склонности к формальному проповеданию и принятию учения Христова, говоря, что Бог «дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа: потому что буква убивает, а дух животворит» ([2Кор. 3, 6](#)). И апостольское благовествование, как сказано в Послании к Фессалоникийцам, «было не в слове только, но ... и во Святом Духе» ([Сол. 1,5](#)). Как бы ни изошрялась человеческая мудрость в христианской проповеди, она, по мысли Апостола, бесплодна, если при этом не будет явления Духа Божия и Его благодатной силы ([1Кор. 2, 4](#)). «Слово ваше, – призывает Апостол, – да бывает всегда во благодати силою растворено» ([Кол. 4,6](#)), «в угождении, – как пишет он Фессалоникийцам, – не человекам, но Богу, испытующему сердца ваши» ([1Сол. 2,4](#)). Слово есть божественный дар, предназначенный для блага человечества. Облагодатствованное слово несет в себе духовно-созидательную силу, и это осуществляется, когда целью слова, как учит Апостол, является служение Богу.

Этот дух ревностного пастырского служения Богу живет в Церкви Христовой по ее внешним – видимым и внутренним – духовным свойствам. Забвение этой внутренней стороны апостольского духа было бы такою же ошибкой, как признание за христианским спасением одних внешних действий.

«Наглядным примером апостольской направленности в развитии пастырского знания являются санкции святоотеческие²⁹. Отцы Церкви побуждались только любовью к христианской истине, и их пастырское направление соответствовало нуждам Церкви. Святоотеческое богословие было плодом не только умственного труда, но и пастырского подвига, почему его значение и является непреходящим.

Соответствие нашей науки апостольству Церкви выражается и в том, что она содействует сохранению апостольской традиции не только в ее внешнем, но и внутреннем проявлении. Не только буква, но и дух апостольского наставления в учении, священнодействии и управлении церковном должны раскрываться в нашей науке. Наша наука соответствует апостольству Церкви, если в ней, как в трудах Апостолов, действует

христианское воодушевление. Отсюда истинно – пастырской наукой можно назвать только ту, где побуждением и целью является слава Божия в спасении человека. «Никто не ищи своего, – говорит Апостол Павел, – но каждый пользы другого» ([1Кор. 10, 24](#)); «старайтесь обогатиться духовными дарами к назиданию Церкви», – дополняет он в том же Послании к Коринфянам ([1Кор. 14, 12](#)).

Пастырское богословие будет действительным проявлением апостольства, если оно осознается и осуществляется как смиренное и жертвенное служение Церкви. Где нет такого понимания, там вместо него есть только форма без внутреннего спасительного содержания. Это происходит в тех случаях, когда забывается «единое на потребу», и научная деятельность превращается в одно лишь исследование, лишенное пастырско – воспитательного значения. Глубокое возвышенно – духовное осмысливание пастырства тогда подменяется рассудочным философствованием на общие темы о пастырском долге, отвлеченным от духа апостольского, и потому является духовно-бесплодным. Отсюда усвоение Пастырского богословия не есть дело одного внешнего научения. Если для изучения естественных наук, например, астрономии, математики и прочее, достаточно одной мыслительной способности, то для богословия, в частности Пастырского, одного естественного разума недостаточно; оно воспринимается посредством себе подобного, – тем, что мы называем духовным разумом.

Пастырско-религиозные истины лишь тогда становятся близкими человеку, когда проникают в глубины его духа, а не остаются на поверхности рассудочного знания. Рассудок или разум естественный имеет вспомогательное значение как выразитель человеческой самодеятельности и должен возвыситься до состояния духовного.

Только благодатствованная наука соответствует апостольскому пастырству и способна быть действительным средством духовного возвышения человека, а для этого нужен не только естественный труд, но и нравственный подвиг, не только развитие сил душевных, но и стяжание даров духовных. Эту истину внушают нам не только пасторалисты, но и христианские мыслители разных времен. Нет богословия (тем более пастырского) вне опыта. Для того, чтобы познать Бога, нужно приблизиться к Нему; нельзя быть пастырем, если не следовать по пути единения с Богом.

Таким образом, всякое слово о пастырстве, «нерастворенное солию» духовного переживания, сказанное только устами, без глубокого внутреннего осознания и духовного опыта, не будет научным в церковном

смысле, как бы оно ни было внешне-научно. Не является ли такая наука «выражением нечувствия», по мысли святителя Иоанна Златоуста, которая «окаменяет» не только сердце поучающего, но и поучаемого. Это – «сеяние по плоти», тленное, как и все плотское ([Гал. 6,3](#)), и обреченное на бесплодие, как евангельская смоковница, имеющая лишь внешний вид плодоношения ([Мф. 21,19](#)). В таком «сеянии» нет живого благодатного начала.

Опасность рассудочного отвлеченного исследования без участия «внутреннего человека» всегда существует в богословской науке, превращаемой тогда в самоцель, «и эта опасность, – говорит В.Д. Сарычев, – тем более существенна, что при этом человек не замечает подмены истинного богословствования его видимостью³⁰. Такая возможность настолько реальна, что неоднократно указывалась представителями русской пасторологии. В частности, в прошлом веке епископ Иоанн (Смоленский) напоминал, что наша пастырская наука должна быть не отвлеченно-туманной, не праздно-созерцательной, она должна быть положительна в своем приложении к жизни.

Пастырское богословие как наука имеет цель возвысить сознание человека для утверждения его веры, чтобы он был орудием Божественной благодати, и поэтому наука наша должна проникаться духом веры и благодати. Любое богословское исследование только тогда полноценно, когда обладает способностью спасительного применения. Оно должно обогащать разум в богопознании, а не просто удовлетворять человеческую любознательность. Одна формальная научность не определяет научности истинной, церковно-пастырской.

По этой характеристике мы можем представить, насколько необходима определенная направленность в науке Пастырского богословия, что давало бы глубину и благодатность ее содержанию. Особенным примером такой истинно пастырской учености является незабываемый образ, например, проф. В.П. Певницкого, архимандрита Антония и других.

Говоря о действенности науки Пастырского богословия, следует сказать, что в силу своей церковности и апостольского духа наука эта должна таить в себе мощную благодатную силу воздействия на своих слушателей. Она должна потрясать сердца студентов своей внутренней силой и правдой содержания. Подобно таинству, Пастырское богословие своей внутренней красотой и жизненностью обязано захватить слушающих, обогатить их ум, преобразить сердце и закалить волю на всякую жертву во имя Бога и спасения ближних. Действенность науки в

том и заключается, что ее содержание действует своею благодатностью, затрагивает, даже потрясает человеческое сердце и влечет его по пути долга и чести.

«Великое дело, – говорит святитель Григорий Богослов, – воспрепятствовать убийству, наказать прелюбодеяние, обуздать хищничество; несравненно выше внушить благочестие и преподать здоровое учение³¹.

Осваивающий науку Пастырское богословие студент невольно, даже незаметно для себя начинает все больше и больше прилепляться к светлой Личности Пастыреначальника, все более оживляются в нем симпатии к святой Православной Церкви. Он уже иным чувством воспринимает святых отцов. Словом, в нем рождается новый человек с Христовыми чувствами, человек, готовый на все великое, прекрасное, жертвенное во имя Бога и правды Его. «Огонь Я принес с Неба, – говорит Спаситель, – и хочу, чтобы он скорее возгорелся» (Лк. 12,49). Вот этот благодатный огонь должен быть душой науки Пастырского богословия. Он должен просвещать радостью великого призвания души одних и жечь совесть других, несоответствующих этому призванию.

Пастырское богословие, как ни одна другая богословская наука, должна из угловатого дикого камня (необразованного юноши) «создать» правильно обтесанный отшлифованный камень для здания Церкви Божией. Рождение доброго пастыря и его созревание должно осуществляться именно наукой Пастырского богословия, как специальной наукой, призванной к этой великой цели.

Таким образом, наша наука Пастырского богословия располагает определенной направленностью – церковно-апостольской – и обладает неотразимой внутренней благодатной силой действенности.

3. Решение вопроса о желании священства

«Если кто епископства желает, доброго дела желает» ([1Тим. 3,1](#)).

Апостольская направленность науки Пастырского богословия благодатно действует на сердце юноши. В нем возникло решительное желание стать пастырем Церкви Божией. Спрашивается, может ли он себе желать такого высокого звания, имея, может быть, еще телесные и духовные недостатки? Чтобы окончательно подойти к определенному решению в поставленном вопросе, следует желающему священства глубоко проверить себя, на что именно он способен, серьезно взвесить на весах благоразумия важность пастырского долга, с одной стороны, и наличие своих нравственных и физических данных – с другой. Ведь прежде чем приступить к людям, которых вверяет ему Господь, раньше чем стать их водителем, учителем и слугою, пастырь должен утвердиться в желании придти всем на помощь, проверить силу такого желания в себе. Обратиться прежде всего ко внутреннему в себе человеку, к своей совести, проверить в душе наличие любви к Богу, людям и Церкви. Молитвою и покаянием (и очищать непрестанно) себя. Должен стать готовым пойти на зов Спасителя безоговорочно, без оглядки, а не так, как сделал один из призванных, сославшись на необходимость устройства его житейских дел прежде ответа на призыв Христов. А чтобы в своей работе пастыря-учителя человек не впал в «пустословие» ([1Тим. 1,6](#)) или поверхностный пересказ Евангельского учения, будущий пресвитер обязан сформировать себя, как широко сведущего человека, приобрести и разумно использовать все специальные познания в богословских науках, не говоря уже об абсолютно неизбежном изучении и освоении Священного Писания и Предания в целом; обязан знать Историю Церкви, аскетические труды святых отцов, Каноническое право, Устав богослужебный, начала церковной Экономии и многое другое. Кандидат священства кроме специальных этих познаний должен иметь, по возможности, широкое общее образование. В миру ему будут заданы самые различные вопросы о разрешении нравственных и духовных недоумений, о взаимоотношении любви Божией и Его справедливости, о грехе и зле на земле, о страданиях людей, о загробной жизни и тому подобное. Пастырь должен иметь ответ на всякое вопрошение и ответ не формально-законнический, но полный силы духовной и его личной убежденности в истинности разъяснений. И такие ответы – «увещания», по слову Апостола Павла, должны быть

приправлены терпением, кротостью и, главное, любовью к собеседнику. «Цель (такого) увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести, и нелицемерной веры» (1Тим. 1,5). И мы, служители будущие и настоящие Престола Славы, для того «помилованы», чтобы Иисус Христос показал и в нас, как в самом Апостоле, «все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной» (1Тим. 1,16). В таком долготерпении следует изучать как все наше знание и, в частности, ознакомиться с опытом пастырствования по жизнеописаниям выдающихся священнопастырей, по трудам известных пасторологов, ибо своего личного опыта начинающий священное поприще еще не имеет.

Во всей этой подготовительной деятельности в пресвитера в исходных ее основах Пастырское богословие не дает готовым весь потребный материал, но предлагает нам только некую методологическую схему деятельности, в которой приемы и навыки изменяются с изменением исторических особенностей церковной жизни, и в зависимости от того, где именно проявляет себя пастырь: в алтаре ли как совершитель Таин, на амвоне ли как проповедник, в самом ли храме как требоисправитель, в своем ли доме или в домах больных и т. п.

Принимая во внимание громадность и трудность материала образовательного значения и высокую духовную ответственность во всех действиях, предстоящих пастырю, а также и постепенность накопления житейско-пастырского опыта, который дается лишь в конце многих лет работы, наши знаменитые авторитеты Пасторологии, как св. Григорий Богослов, св. Григорий Двоеслов или св. Иоанн Златоуст, а в России – блаженной памяти о. Иоанн Сергиев и другие рекомендовали воздерживаться от хиротонии очень молодых людей. Исходя из этого весьма важного соображения, практикой Русской Православной Церкви установлен примерный возраст в 25 лет для хиротонии во диакона и только около 30 лет – для пресвитера.

В главе 3-ей Первого Послания к Тимофею св. Апостол отвечает как бы прямо нам, ныне живущим, на наш тревожный вопрос: можем ли мы все же желать епископства (или пресвитерства)? Прежде чем изучить ответ Апостола, прикинем со всяким вниманием к нашей собственной совести, исследуем нашу прошлую жизнь и все то настоящее наше душевно-духовное расположение к поднятию на наши плечи бремени Христова, о котором Сам Спаситель говорит, что оно легко, что иго Его – благое. Примерим наши личные данные к тем определениям звания священнослужителя, которыми богато изобилует Священное Писание и Предание, и поищем в себе то, что им вполне или пока отчасти отвечает в

нас. Вот эти определения.

Пастыри суть продолжатели земной спасительной миссии Сына Божия – Его заместители. Совершая Божественную Литургию, они говорят в первом лице от имени Самого Иисуса, как бы замещая Жертву. Они, далее, свидетели Христу, соль земли, избранные, учителя людей, сотрудники Христовы в устройении спасения, совершители всех богоустановленных Таинств, низводители Святого Божиего Духа, благословляющие все и вся Его Именем, целители болезней, изгонители бесов, воскресители мертвых, сослужители ангелов, земные ангелы, род святых, царственное священство, иереи по чину Мелхиседекову, Апостолы, благовестники покаяния и Царствия Божия, пророки, подобные древним глашатаям пришествия Божия на землю, носители преизбыточествующей благодати Господней, собеседники святым, молитвенники за весь мир, облеченные Духом для отпущения и связывания грехов человеческих, старейшины Церкви, Ее устроители и хранители, образ для всех верующих в слове, в жизни, в любви, в духе, в вере и чистоте своей; хранители таин Царствия Божия; единые со Христом, как гроздь Лозы; братья Его; благословенные Отца Небесного, сосуды любви к ближним и ко врагам; они – сыны Всевышнего, боги по благодати; блаженные, миротворцы, смиренные, дерзновенные, гонимые от мира, исповедники, щедрые и нищие, покорные земным властям, слуги всем, наипаче Богу; пламенеющие духом, терпеливые, страннолюбцы, победители зла добром, постники и воздержники во всем, радующиеся; святые как члены Тела Христова – Церкви Его; посредники между Богом и людьми; непорочные, трезвящиеся, целомудренные; они благочинны, честны, правдивы, не пьяницы, не бийцы, не гневливы, не сварливы, не корыстолюбивы, домоправители мудрые, трудолюбивы; они – посланники Церкви и ангелы Ее ... Высотою служения, величием, силою и славою божественною епископы и пресвитеры превосходят всякую славу земную, их имена начертаны на скрижалях неба – в Книге Жизни.

Вот почему каждый пастырь и каждый кандидат священства, исполненный благоговейного ужаса и совершенного смирения, обязан неусыпно, бдительно вникать в свою душу, проверяя каждую свою мысль, каждое делание на вышеприведенных определениях, всегда памятуя огромную ответственность свою пред Судом в День страшный Господа нашего Иисуса Христа, где будет он истязан о святом Залог, данном ему в незабвенный и светлейший и блаженнейший час его хиротонии.

Всякий иерей или архиерей по хиротонии обязательно поставляется к служению своему в определенном ему храме и приходе или, в случае

епископства, на заранее намеченную кафедру. Первый должен подчиняться своему архиерею, а второй – знать своего правящего главу Поместной церкви. И каждый такой посланник Божий должен верить во Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь и твердо, ясно знать, что эта Церковь единая в отличие от всех, как-либо «подобных» или претендующих на такое подобие, так называемых церковных образований или организаций эклизиологического характера, союзов людей, находящихся в стороне от истинной Церкви, противящихся Духу Святому, чаще всего несродных Ей по их гордыне и своемыслию.

Содержание понятия Церкви и Ее существо раскрываются наукой Догматического богословия и Церковного права, выходя за пределы Пасторологии. Тем не менее, нам здесь следует указать лишь те элементы, из которых слагается понятие Церкви – как слова Самого Господа Иисуса ученикам, сказанные по дороге в Гефсиманию, о Лозе и Ее гроздьях, как основание Церкви в определении Апостола Павла.

4. Понятие о Церкви

Первым наиважнейшим долгом каждого православного христианина, а тем более каждого священнослужителя, является укоренение в своем сознании идей Церкви. Истинное понимание Церкви давно ослаблено христианским Западом. Спорить о существовании Церкви, анализировать различные Ее определения и т. п. можно без конца и бесплодно до тех пор, пока человек не вошел, не вжился всем своим существом в соборное общение со Христом, окончательно не полюбил Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, земно-небесную.

Основное зло современности, ее разъедающая язва, – это даже не столько маловерие во Христа Иисуса, сколько непонимание или легкомысленное отношение к учрежденной Им Его единоспасающей Церкви, что наблюдается как в среде мирян, так, увы, и самого духовенства.

Все мы стоим под знаком затяжного кризиса церковного сознания. Иные исповедуют Христа, отъединенного от Церкви Его земной, другие толкуют Церковь, как дело «человеческое», как некое общество или союз одинаково мыслящих, третьи толкуют о «Церквах»: римской, лютеранской, реформатской, англиканской, пресвитеранской, евангелической и т. п., – и молятся о соединении всех Церквей (как и мы), четвертые просто отбрасывают всякую форму церковности, ища своего спасения для вечной жизни в измышленных ими домыслах о Церкви Небесной, как единственной реальности.

От такого брожения умов рождается великий и губительный мировой соблазн, отвращающий от Церкви тысячи и тысячи людей. Эти соблазненные уходят на «страну далече», погружаясь в суеверие, сектантство, иогоизм, буддизм, оккультизм, теософию и прочее. Возникают лже-христы и лже-пророки, расхищающие стадо Христово, которое мы, духовные, верные сыны Матери-Церкви призываемся Ее Главою защищать, собирать и охранять, как овец от волков, памятуя, что в таком деле Господь с нами во вся дни.

Как же должны мы уяснить себе самим и пасомым существование Святой Церкви? Оно дано нам в постижение и исповедание даже до смерти мученической как святой и нерушимый догмат, прежде всего, и дано свыше как залог веры и верности. Никео-Цареградский символ запечатлен словами духовных отцов Собора: «изволися Духу Святому и нам».

Великий Павел, премудрый Богособеседник по внушению Духа питал этих отцов своими Посланиями к Коринфянам (1-ое, гл. 1,18) и Ефесянам (гл. 1,10,23 и гл. 5, 23–27, 30–32) в особенности.

Один из блестящих эkkлeзиологов Православия А.С. Хомяков именует (на основе анализа этих Посланий) Церковь «Откровением Божественной Истины на земле» и дает такое Ее определение: «Церковь не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати³².

Мы, чада Церкви – Тело Ее, соединяемое любовью с Ее Главою, скрепляемое братской любовью всех его частей, то есть, нас самих. Церковь, по Апостольскому слову, «столп Истины, а Истина – Сам Христос» ([Ис. 14, 6](#)), пребывающий со Отцем и Духом. Иначе, Церковь есть вечная икона Пресвятой Троицы. Такое постижение Церкви не открывается рационалистическому мышлению, но дается всем, истинно живущим в Церкви, в порядке Божественного благодатного откровения. Учение наше о Церкви, как о Телe Христовом, отнюдь не есть какая-либо метафора или аналогия; Тело это есть подлинная, высшая реальность нашего опыта и жизни в Ней. А эта жизнь есть жизнь Богочеловека ([Ин. 14,6](#)).

По учению св. Апостола Павла, Церковь предстает как Невеста Христова, оживотворяемая Христом, как вечно в Нем живая. Правильнее было бы поставить вопрос: не что есть Церковь, а Кто есть Церковь. Существо одухотворенное, «часть» Божества по благодати, содержащая всю полноту Истины, как руководимая Самой Истиной. Связь наша со Христом и друг с другом осуществляется во святейшей Евхаристии, в литургической молитве каждого о каждом и о всех. Эта молитва есть как бы кровь, обращающаяся в Телe Церкви, она – Ее жизнь и выражение Ее жизни, она – глагол Ее любви, вечное дыхание Духа Божия.

Каждый клирик, каждый кандидат священства должен освоить такую мысль о величайшем Доме Церкви, где он пребывает, где он готовится трудиться ради своего совершенного обновления и спасения других. Тогда он сумеет опознать и освоить все псевдоэkkлeзиологические названия, все замены и подмены Церкви «церквами», сумеет разобраться в правости и неправости предлагаемых ему различных призывов, во всей искусственности рационалистического подхода к тому, что превышает всякую «мудрость мира сего». Недаром для нас жили невидимые для мира и великие в очах Божиих отцы Церкви, Ее подвижники, Ее святые иерархи, иереи, преподобные, исповедники, благовестники и мученики, постигшие тайну Христовой Церкви своей молитвой, своею кровью, слезами

покаяния, сподобившиеся великих даров Святого Духа за их неуклонное пребывание в Теле Христовом. Эти праведники предваряют нас всех в вечном Царстве Божией славы, в Торжествующей Церкви Небесной.

На основании сказанного нам легко узнать, находимся ли мы в Церкви. О нашем бытии в Ней свидетельствует и в том совершенно удовлетворяет нас:

1) непрерывность Апостольского преемства благодати священства, неизменно сохраняющегося в нашей Церкви;

2) непрерывность догматических и канонических основ вероучения и устройства Церкви;

3) взаимопризнание и молитвенное общение всех поместных патриархатов и митрополий с их клиром.

К этим объективным, историко-догматическим и каноническим качествам Единой истинной Православной Церкви уместно добавить субъективное указание на то, что в росте нашей «веры – внутреннего знания» возникает богооткровенная сердечная убежденность о пребывании в Церкви и в нас Духа Святого, от Отца исходящего, неотлучно и повсюду и всегда действующего в жизни Таинств церковных, очищающего и освящающего через них нашу жизнь в ее цело³³.

Глава II. Пастырство ветхозаветной церкви

1. Пророк Божий Моисей – основатель Ветхозаветного священства

Когда мы говорим о Ветхозаветной Церкви, о её священстве, то невольно вспоминаем и имя великого пророка Божия Моисея, жизнь которого была посвящена целиком и полностью на служение Богу, на служение своему народу. И это не случайно, ведь пророк Божий Моисей – основатель Ветхозаветного священства. Как Новозаветная иерархия имеет своего Основателя Христа Спасителя, так и Ветхозаветная иерархия имеет основателя в лице пророка Моисея. Жизнь пророка Моисея поэтому представляет собой интерес и содержит в себе много поучительного и назидательного для всего пастырства в целом. Вникая в его жизнь, мы видим в нем человека большого духа, исключительной духовной красоты, пастырской жертвенности. Его образ вырисовывается перед нами, как образ человека крепкой веры, горячей любви, твердой воли, сильного решительного характера, пастырской ревности и высокой целеустремленности.

Говоря о святом пророке Божиим Моисее как основателе Ветхозаветного священства, следует сказать, что он был избран для этого с момента своего рождения. Родился он в ту мрачную эпоху, в то тяжелое время, когда израильский народ находился в чужой языческой стране, когда он стонал под многовековым игом египетского рабства. Как и всем еврейским младенцам, ему угрожала страшная смерть, но он был спасен Божественным Промыслом.

При дворце фараона Моисей получил отличное по тому времени образование. Свидетельствуя об этом, святой первомученик и архидиакон Стефан говорит: «И наказан бысть Моисей всей премудрости египетской: бе же силен в словесех и делех» ([Деян. 7,22](#)). И действительно, ему как приемному сыну царской дочери были открыты все пути к усвоению и изучению египетской науки, культуры и искусства.

Никогда еще языческий мир не достигал такой высоты своего развития, какой он достиг во времена Моисея. Об этом свидетельствуют многочисленные памятники, которые дошли до наших дней. Многочисленные археологические находки, величественные древне-египетские пирамиды удивляют и приводят в изумление многие умы современного человечества.

Сорок лет прожил Моисей при дворе египетского фараона. Его

окружал развращенный, огрубевший языческий мир. Он видел все богатства и материальные ценности древнего Египта. Он также видел и роскошную, с излишествами жизнь язычников, которая заключалась в удовлетворении всех телесных чувств, похотей и страстей. С другой стороны, Моисей не мог не видеть и тяжелой жизни своего родного богоизбранного народа, который сильно страдал в языческом рабстве. Проникнувшись любовью к своему народу, он скорбит, его сердце раздирается при виде всего этого. Горесть, бедствия своего народа очень сильно отразились на психологии Моисея. Он не мог согласиться с тем, что его окружало. Обладая всеми качествами истинного пастыря, он понимал все духовные запросы и потребности своего народа, они ему были близки и дороги; поэтому он всегда готов был отозваться на зов его. Несмотря на то, что Моисей занимал при дворе одно из видных мест и пользовался всеми благами его, он испытывал чувство скорби и печали. Он готов был пожертвовать всем, даже своей жизнью, для того, чтобы помочь, чтобы спасти свой народ от тяжелого рабства.

Хотя Моисей и воспитывался в языческом духе, хотя его и окружал языческий мир, он сумел сохранить в совершенной чистоте отеческую веру, веру в Единого Истинного Бога. Он сберег в чистоте душу свою от идолопоклонства. Проникаясь все более и более глубочайшей убежденностью своих идей, своей веры. Он изо дня в день приходил от силы в силу. Как носитель правды Божией он ясно созерцал своим духовным взором Того, в Кого верил и Кому служил. Вот почему, находясь среди грубого идолопоклонства, Боговидец Моисей не усомнился. Он не поколебался в своей вере, он устоял перед всеми соблазнами и искушениями, он был тверд. Он, «Невидимаго. Яко видяше, терпяще», – говорит св. Апостол Павел ([Евр. 11, 27](#)). Эти слова характеризуют хождение Ветхозаветного пастыреначальника перед Богом с самой лучшей стороны.

Известный церковный проповедник Е. Берсье говорит, что «святой пророк Моисей мог рассчитывать на самое высокое положение в Египте. Ему предстояла блестящая будущность. Для него готов был царский трон. Он мог стать властелином, он мог владеть всеми богатствами Египта³⁴. Сейчас перед ним было два пути: путь временной славы и почестей и путь скорбей и самоотвержения, путь тяжелый и тернистый. И он пошел по второму пути. Он не увлекался блеском придворной жизни, он пожелал лучше страдать со своими единоплеменниками, чем властвовать с врагами своего народа. Он решительно и добровольно, без всяких насилий и принуждений отказывается от всех преимуществ своего исключительного

положения при дворе фараона и разрывает всякую связь с Египтом. Он предпочитает страдание вместе с народом Божиим, «нежели имети временную греха сладость» ([Евр. 11, 25](#)).

Любовь и преданность своему народу, желание послужить и помочь ему в беде, повели святого пророка Божия Моисея по пути скорбей. Унижения и поношения. Истинный служитель Божий предпочел поношение Христово выше всяких благ и земных богатств. Будучи водим Божественным Промыслом, он удалился в пустыню и здесь, ведя строгий образ жизни, обдумывал положение своего народа, постоянно готовился к предстоящему подвигу. Пустыня стала для него особой духовной школой. Здесь в уединении, среди полного безмолвия святой пророк был с Богом. Здесь он еще более духовно возрос, духовно укрепился, именно здесь он назначается пастырем – вождем и освободителем израильского народа.

Получив Божественное повеление, пророк Божий Моисей становится во главе народа Божия. И став на этот ответственный и тяжелый путь, он не проявил ни тени страха за свою личную безопасность. Наоборот, мы видим только смирение его, он считает себя недостойным этого высокого назначения. Он готов идти навстречу любым трудностям, он готов идти на любые подвиги, даже на смерть ради своей идеи, ради общего блага. Полный святых дум, святой веры, надежды на милость Божию, он говорит народу: «Держайте, стойте и зрите спасение, еже от Господа» ([Исх. 14,13](#)). Быть спокойным – вот первое действие твердой веры пред лицом испытания.

Везде и всюду проявлял он постоянную заботу о попечении о благополучии своего народа. Душепопечительство о своем народе всегда преобладало в нем над попечением о самом себе. В любую минуту он готов был положить душу свою за народ свой. Так, прося помилования у Бога своему народу, он прямо говорит: «Молюся Ти, Господи, согресиша людие сии грех велик и сотвориша себе боги златы. И ныне, аще убо оставиши им грех их, остави, аще же ни, изгладя мя из книги Твоя, в нуже вписал еси» ([Исх. 32, 31–32](#)).

Благодаря силе веры и любви, кротости и смирения, благодаря высокой целеустремленности, святой пророк Моисей был допущен к близким сношениям с Богом. Если вспомнить события, происходившие у подножия горы Синай. То они ясно свидетельствуют и указывают на то, как близко стоял пророк Моисей к Богу по отношению своего народа. Эти события указывают на то, что пророк Моисей был единственным посредником между Богом и всем израильским народом и Пастыреначальником его священств³⁵. Описывая события, происходившие

у подножия горы Синай, святой Григорий Богослов говорит, что весь народ не имел столько сил, чтобы выносить видимое и слышимое, и потому всеми приносится общее прошение Моисею, чтобы он стал посредником закона; и народ не отказывается, как Божию велению, верить всему, что ни возвестит Моисей по научению свьш³⁶.

Мы знаем, что до Моисея не было иерархического священства. В те времена патриархальное священническое служение не было и не могло быть отдельным служением, потому что Церковь еще не выходила за пределы семейной жизни, вся власть, связанная с этим служением, была сосредоточена в одном лице – главе семьи. Но во времена пророка Моисея, когда Церковь представляла собой уже весь народ израильский, когда верующие образовали большое религиозное общество, выделяется особое пастырское служение. Святой пророк Моисей учреждает новое иерархическое священство, которое состоит из трех степеней. Он учреждает новое священническое сословие служителей Божиих при Скинии. Колено Левия как колено избранное для священнодействия было отделено от всего народа и введено к исполнению своих обязанностей особым обрядом посвящения. Это избранное колено было призвано к тому, чтобы хранить Закон Божий в его неповрежденности и чистоте, учить ему народ, наблюдать за его исполнением, судить по нему и, наконец, совершать богослужение и смотреть за священными предметами. Но и не все левиты имели одинаковые права в совершении богослужения. В самом колене Левином делается особенный выбор. Аарон и его род, как цвет всего колена, обозначается процветшим жезлом и выделяется для священнодействий в прямом смысле этого слова. И если на племени Левином в целом лежала обязанность смотреть за исполнением Закона, то на племени Аароновом обязанности более высокие – особые религиозные действия, средоточием которых были жертвы. В потомстве Аарона в свою очередь также делается выбор: старший в роде получает право первенства и с ним право входить во Святое Святых, тогда как остальные священники могли совершать свое служение только во Святынище ([Числ. 18, 1–7](#)).

Выполняя волю Божию, святой пророк Божий Моисей посвящает брата своего Аарона первосвященником, а сыновей его – священниками. Остальные левиты были назначены служителями. Они охраняли здание Скинии со всеми ее принадлежностями, поддерживали чистоту в ней, прислуживали священникам во время богослужения и вообще отправляли низшие религиозные обязанности, находясь в полном подчинении священников. Ко всему этому нужно заметить еще и тот факт, что от

призванных к священническому служению требовалась особенная святость жизни и строгое внимание и благоговение к своим обязанностям. Священнослужители должны были соблюдать особую телесную и душевную чистоту и избегать всего того, что могло бы отвлечь их от внимания к высокой цели своего служения. Так появилось Ветхозаветное иерархическое священство, основателем которого был великий пророк Божий Моисей. Его исключительные пастырские качества – живая вера в Бога, любовь к Нему и Его народу, жертвенность, твердость и верность долгу – делают его пастыреначальником Ветхозаветного священства и ярким образцом для Новозаветных пастырей.

2. Время появления у евреев жертвоприношений и идея, заключенная в них

В идеальном райском состоянии Адам имел непосредственное общение с Богом, «ходящим в раю» ([Быт. 3, 8](#)) и не имел нужды в посредственном общении через кого-либо или чего-либо. «Необходимость в посредственном общении явилась лишь после грехопадения, когда Адам, убоившись, «скрылся от лица Господа Бога» ([Быт. 3, 8](#)) Своег³⁷.

Грех прародителей стал средостением между Богом и человеком. Нужно было непременно преодолевать это средостение, чтобы снова заслужить милость Божию и примирение. Средством к такому примирению в первый же период жизни падшего человека явилось жертвоприношение и молитва. Так о сыновьях Адама – Каине и Авеле – Библия говорит, что они приносили жертву Богу от плодов рук своих ([Быт. 4, 3–4](#)). И милость Божия почилла на одном из этих жертвоприношений. При размножении потомков Адама жертвоприношение перешло в руки старейшего в роде. И быть жрецом значило быть посредником между Богом и своим родом. Такими жрецами – посредниками явились ветхозаветные патриархи: Авраам ([Быт. 22, 13](#)), Исаак ([Быт. 26, 25](#)), Иаков ([Быт. 31, 54](#)).

Идея посредничества лежит в основе священнослужения, так как священнослужитель в существе своем и есть посредник между Богом и человеком, небом и землей. В патриархальном периоде еврейской истории это посредничество основывалось на праве первородства или старшинства в семье. Оно не носило характера установленного Богом иерархического священства, а было делом благочестивой традиции истории.

Митрополит Филарет о ветхозаветных жертвах говорит, что «Бог в одно время научил человека и приносить в жертву животных, и обращать кожу их в одежду, дабы сими жертвоприношениями он был вразумлен убивать в себе скотоподобные вожделения и страсти, имея также пред очима будущую Жертву победоносного семени Жены и верою облакался в заслуги и крепость Его³⁸.

Замечательны суждения по этому поводу святителя Иоанна Златоуста. Он говорит: «Жертвы не были угодны Богу, как совершавшиеся не по Его желанию, а лишь по Его снисхождению. Совершавшимся жертвоприношениям Он придал образ соответствовавший будущему

домостроительству Христову... Он выражает образ Христа и оттеняет будущие события³⁹.

3. Богоустановленное иерархическое священство. Избрание и посвящение

После выхода евреев из Египта на горе Синае еврейский народ вступил в союз («Завет») с Богом через особое избрание, выделение его из среды других народов на служение Богу.

«Если вы будете слушаться голоса Моего и соблюдать Завет, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля. А вы будете у Меня царством священников и народом святым» ([Исх. 19,5–6](#)).

Еврейский народ, как видим, призывался к святости пред Богом, к тому, чтобы каждый из народа был чист и свят как священник пред лицом Всесвятаго Бога. Евреи понимали, что от них требовал Бог, но, сознавая свою греховность, свою неспособность входить в непосредственное общение с Богом, взмолились Моисею так: «Говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, чтобы нам не умереть» ([Исх. 20,19](#)).

Таким образом, народ сам пришел к мысли о необходимости особого посредничества между ними и Богом, то есть, необходимости пастырства. Не всякий из евреев мог быть священником. На «службу священства» было избрано Богом колено Левино, род Аарона ([Числ. 18,1–7](#); [Исх. 28,1–29](#)). После избрания следовало особое посвящение через следующие действия: омовение, возложение священнических одежд, помазание елеем, окропление елеем и кровью жертвенных животных, семидневное пребывание у дверей Скинии и торжественные жертвоприношения в восьмой день ([Лев. 8,2–36](#); 9,1–24).

4. Основные обязанности Ветхозаветного священства⁴⁰

В чем заключались основные обязанности Ветхозаветного священства? В его служении.

«И сказал Господь Аарону: ... и ты, и сыны твои с тобою наблюдайте священство ваше во всем, что принадлежит жертвеннику и что внутри за завесою, и служите; вам Я даю в дар службу священства, а посторонний, приступивший предан будет смерти» ([Числ. 18,7](#)).

На первом месте священства, как видим, поставляется служение при Жертвеннике, то есть, принесение жертв Богу от лица верующих со всеми, сопровождавшими жертвоприношение обрядами ([Лев. 16⁴¹](#)).

На втором месте – служение за Завесою, то есть, во Святилище. Обязанности служения здесь состояли в следующем:

- а) курение на жертвеннике кадильном ([Исх. 30,1–8](#)),
- б) возжение светильников ([Лев. 24,1–4](#)),
- в) приготовление хлебов предложения ([Лев. 24,5–8](#)).

Кроме указанного служения на обязанности священников было учительство народа и право суд⁴². Дело учительства выражалось в том, что священник через каждые семь лет читал народу весь Закон ([Втор. 31, 10–13](#)), и народ «от уст его искал закона» ([Мал. 2,7](#)), а также поучал их уставам Моисея ([Лев. 10,11](#)), умению различать священное от неосвященного и нечистое от чистого, что находится в прямой связи с учением о жертвах.

Учительству пастыря – священника в Ветхом Завете придавалось особо высокое значение. За неисполнение этой обязанности пророк Исаия называл молчащих священников и духовных руководителей народа резкими обличительными словами: «немыми псами», «бессмысленными пастырями» ([Ис. 56, 10–12](#)) и т. д.

Следующей важнейшей обязанностью пастыря являлась молитва за народ. «И будет сие вам, – сказал Господь Аарону и сынам его, – законное вечное, ежели молитися о сынах Израилевых и о всех гресех их» ([Лев. 16,34](#); [Числ. 15,25](#)). Молитвенно «предстоя пред Господом и служа Ему» ([Втор. 18, 5](#)), пастырь должен постоянно просить помощи у Бога в выполнении своего высокого назначения: «созидать Дом Божий и быть в нем стражем» ([Пс. 126, 1](#)).

5. Качества Ветхозаветных священников

Многообразие и важность обязанностей Ветхозаветного священства требовали от него высоких и физических, и духовно – моральных качеств. Прежде всего священник должен быть законорожденным ([Втор. 23, 2](#)) и не иметь никаких физических недостатков. Являясь из рода Ааронова и вырастая в священнической среде, он должен с юных лет набираться «духа премудрости и разума» ([Исх. 11,1–2](#)), затем – «знаний и благоразумия» ([Иер. 3, 15](#)). Он должен был готовиться не к формальному выполнению своего служения через принесение жертв и совершение обрядов, а к глубокому и всестороннему руководству всей морально – духовной жизнью народа. Свою подготовку к пастырскому служению священник должен проходить согласно требованиям Господа: «Я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения, нежели всесожжений» ([Ос. 6, 6](#)).

Высокому уровню этих требований должны были соответствовать и высокие внутренние качества священств⁴³. Наш анализ священнического служения в Ветхом Завете следует завершить упоминанием служения Первосвященнического, сосредоточившего в себе вышеуказанные служения Левитского священства.

6. Особенность Первосвященнического служения

Ветхозаветный Первосвященник наиболее полно осуществлял в своем служении идею посредничества между Богом и народом и являлся ближайшим прообразом Единого Ходатая Бога и человеков – Христа Спасителя. Будучи представителем своего народа пред Богом, он один только носит «имена сынов израилевых на наперстнике судном у сердца своего» ([Исх. 28, 29](#)). И только он один был удостоен особой близости к Богу, получив право раз в год в Скинии входить во Свята Святых. Здесь он совершал курение «пред лицом Господним» – Ковчегом Завета. Крышку этого Ковчега Завета он кропил кровью и этим очищал самого себя и дом свой ([Лев. 16, 17](#)), а также Святое Святых (33 ст.), Святилище (16 ст.), Жертвенник (18–19 ст.), священников и народ (33 ст.). Через это очищение весь народ делался чистым «от всех грехов пред лицом Господним» (30 ст.).

7. Служение пророков

В Ветхом Завете некоторые обязанности священников выполняли пророки. Еврейский термин «пророк» (Нави) имеет два смысла: широкий и узкий. В широком смысле пророком называется человек, получающий определенное откровение от Бога. Таковым был, например, Авраам, получивший откровение от Бога быть жрецом народов как старший в роде ([Быт. 20, 7](#)).

В узком (собственном) смысле пророками назывались такие лица, которые, получая откровение от Бога, должны были сообщать его народу как слушателю. Таковы были все пророки от Моисея до Малахии и Иоанна Крестителя.

Но надо сказать, что они не могли заменить и не заменяли Аароново священство с его особыми правами и обязанностями, а лишь дополняли его в деле духовного руководства жизнью еврейского народа. Передавая народу откровения воли Божией, они от лица Бога учили, обличали, вразумляли, просвещали народ, призванный жить под верховным водительством (троекратией) Самого Бога. Обличения и вразумления касались не только народа, но нередко и его священства. Таким характером отличались обличительные речи особенно пророков: Иезекииля (23,1–2), Иеремии и Исаии (56,10–11), Малахии (1,6–12; 2,1–3), Михея (3,5–11).

«Пророческому слежению, – говорит проф. А⁴⁴ Ветелев, – был свойственен дух пастырского руководства внутренней духовно – моральной жизнью еврейского народа». Пророки были «совестью» этого народа на всех путях его жизни и личной, и общественной.

Таким образом, обязанность учительства, духовного руководства Ветхозаветное священство разделяло с особыми избранниками Божиими – Ветхозаветными пророками, которые специально были призываемы Богом на это великое служение.

Глава III. Пастырство новозаветной церкви

1. Иисус Христос – Основатель Новозаветного пастырства

Чтобы начать и проходить свое высокое равноангельное служение, пастырь Церкви нуждается в таком примере, который бы увлек его своей красотой и величием на путь пастырского подвига, который был бы для него путеводной звездой на трудном крестном пастырском пути, который освещал бы ему этот путь. Значение личного примера в религиозной жизни не только отдельных людей, но и целых народов, огромно. Преподобный Сергей Радонежский у русских, преподобный Иоанн Рыльский у болгар, Франциск Ассизский у католиков, – на протяжении веков продолжают жить в умах и сердцах миллионов людей, возбуждая в них самые возвышенные чувства, подвигая их на величайшие дела. Пыль веков нисколько не затмила их светлых, вдохновляющих образов и ржавчина жизни не подточила силы их влияния.

Надо ли доказывать, что для пастыря Церкви таким примером должен служить прежде всего образ Пастыреначальника Иисуса Христа? Думаем, что это для всех ясно.

Иисус Христос – первый в подлинном смысле величайший и совершеннейший Пастырь, родоначальник пастырства. Служение пастыря, служение Христу и делу Его – продолжение дела Его. Может ли копия отдаляться от своего оригинала, особенно когда этот оригинал идеален в своем совершенстве? Может ли человек не взирать постоянно на Пастыря – Богочеловека, не поучаться от Него и не вдохновляться Им?

Сам Иисус Христос считал Свое служение пастырским, а Себя Пастырем, и притом истинным Пастырем – это выражено Им многократно в Евангелии. Кроме классической в этом отношении 10-ой главы Евангелия от Иоанна пасторалисты обращают внимание на иные места. Так, проф. С.А. Соллертинский видит указание Спасителя на Свое пастырство в Его сравнении Себя с пророком Ионою, проповедовавшим у Ниневитян ([Лк. 11,30–32](#)), а также в многократном именовании Себя «Сыном Человеческим»; это название Спаситель обыкновенно употребляет в тех случаях, когда Он изображает процесс доведения Им людей до состояния святости, потребовавший от «Сына Человеческого» «неусыпной проповеди, сеяния Слова Божия, заботы о спасаемых, смирения, унижения и даже осуждения Себя на незаслуженную

смерть⁴⁵. А 10-ая глава Евангелия от Матфея свидетельствует, что Иисус Христос не только Сам пастырствовал, но, сжалившись над толпами народа, что они были «изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря» ([Мф. 9,36](#)), привлек к сотрудничеству Себе в качестве сопастырей Своих Апостолов, в лице же их и всех последующих продолжателей этого дела. И это последнее достаточно ярко отмечено в Его речи ([Мф. 10](#)), заключающей в себе явно эсхатологические подробности, уходящие своим исполнением дальше времен Иисуса Христа и Апостолов, ко всем продолжателям их дела. Апостолов Иисус Христос привлек к Себе именно с той целью, чтобы сделать их пастырями. «Идите за Мною, – говорит Он Петру и Андрею, – и Я сделаю вас ловцами человеков» ([Мф. 4,19](#)). «Сделаю» указывает на действие рассчитанное, соединенное с известными усилиями, а в связи со следующими словами «вас ловцами человеков» – означает действие воспитательное. Как видно из Евангелия и как мы уже об этом говорили, воспитание Иисусом Христом Апостолов для пастырского дела состояло: в сообщении им величайших тайн Богознания («вам дано ведети тайны Царствия Божия»), в даровании им силы для священнодействий и, наконец, в преподавании им практических мудрых советов, необходимых для успеха дела. В качестве же могучего воспитательного средства Апостолам Небесным Учителем предложен Его собственный пример. «Я дал вам пример, образец, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам» ([Ин. 13,15](#)), – заповедал Христос Апостолам. Апостолы понимали свой долг всегда иметь пред глазами пример Учителя – это видно хотя бы из слов Апостола Павла: «С терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на Начальника и Совершителя веры Иисуса» ([Евр. 12, 1–2](#)), а также из пастырских посланий Апостола Павла.

Возникает, однако, вопрос: в состоянии ли вообще обыкновенный пастырь, наделенный ограниченными человеческими силами, подражать в своем пастырствовании Христу? Ведь Христос – Богочеловек, безгрешный, а мы, все прочие пастыри – люди, зараженные грехом, немощные и слабые. И если в состоянии, то в каком отношении и в какой мере может пастырь подражать своему Пастыреначальнику?

Абсолютно бесспорно то, что Христос Спаситель превосходит всех Своих последователей и всех пастырей, продолжателей Его дела, гораздо более, чем гений – своих подражателей, чем совершенно здоровый – больных и расслабленных и т. п. Но, с другой стороны, мы не должны забывать слов Апостола Павла, что Иисус Христос «подобно нам искушен (был) во всем, кроме греха» ([Евр. 4, 15](#)). При всей Своей божественности

Он подобен нам, Он плоть от плоти и кость от кости нашей. Разница между Ним и нами в отношении человечества та, что мы представляем собою человека, каким его сделал грех, а Он явил в Своем лице человека, каким последний должен стать. В лице Спасителя дан идеальный человек, к возвышению до которого мы все должны стремиться, как и завещал Спаситель, сказав: «Кто Мне служит, Мне да последует» ([Ин. 12,26](#)), и как свидетельствует Апостол Петр: «Христос ... оставил нам пример, дабы мы шли по следам Его» (Петра, 11,21).

«Пастырям в лице Спасителя, – говорит проф. Милов, – дан образец идеального пастыря, всегда верного Себе Самому и цели Своего служения⁴⁶. Как идеал, на все времена для пастырей всех времен и народов данный в лице безгрешного Божественного Учителя, образ пастыря должен быть именно таким, каким он дан – безгранично широким, разносторонним, всеобъемлющим, всесовершенным. Иначе он перестал бы быть идеалом и потерял бы для пастырей свою пленяющую красоту и вечную обязательность. В лице Иисуса Христа дан такой образец пастыря, что, конечно, равняться с Ним никакой отдельный пастырь не может, но взирать на Него, учиться от Него, посылно подражать Ему может и должен решительно всякий пастырь, несмотря на свои собственные немощи, искушения и грехи. Надо кроме того помнить, что «как Сам Он (Иисус Христос) претерпел, был искушен, то может и искушаемым помочь» ([Евр. 11, 18](#)). В лице Иисуса Христа дается пастырю не просто пример, но и живая, вечно действующая божественная Личность, с Которой пастырь теснейшим образом в своем пастырстве связывается и от которой он может постоянно черпать живую благодать. Наконец, не охватываемый отдельным пастырем образ Пастыреначальника может быть охвачен и осуществлен целым в совокупности пастырством.

В инославной пасторологической литературе описанию пастырства Спасителя примерным способом уделяется много внимания. Осуществляется эта задача двояким путем. Одни пасторалисты, говоря о пастырстве Спасителя, шаг за шагом отмечают его подробности и затем показывают, как найденное в пастырском служении Христа может быть применено в современной пастырской работе. Другие посредством экзегетического анализа некоторых глав Евангелия ([Мф. 4–7](#)) стараются определить самую сущность пастырствования Спасителя и затем вывести из него соответствующие указания для современного пастырства.

Мы примем в качестве руководящего принципа уже установленное положение в Православном богословии – в пастырском служении Христа Спасителя будем различать вечное и временное, существенное и

второстепенное, общее для всех и личное, индивидуальное. Разграничить эти понятия нетрудно. Существенное и вместе вечное в пастырстве Христа, – что Он целью Своего служения ставил: приведение людей к Богу, сообщения людям Своего учения, принятие, усвоение и осуществление которого делало их сынами и наследниками Царствия Божия; наконец, освящение людей. Второстепенное и временное, – что Он жил и действовал среди евреев более 1900 лет тому назад в обстановке, свойственной тому времени и национальным особенностям того народа, среди которого Он жил, занимался плотничеством, проповедовал три с половиной года, учил (преимущественно притчами). Общее в Его великом примере, – что Он подвигался на дело служения любовью к падшему человеку и самоотвержением, что Он стремился исцелить «всякую болезнь и всякую немощь в людях»; личное, индивидуальное, – что Он слепым возвращал зрение, глухим слух, больных делал здоровыми, мертвых воскрешал, что Он был не просто человек, а Богочеловек.

Вечное, существенное, общее в пастырстве Спасителя обязательно всегда и везде для всех пастырей; все прочее может быть, смотря по условиям и времени, применительно и неприменимо к пастырской практике.

Если Иисус Христос обычно путешествовал пешком или на осле, то это еще не значит, что передвижение на автомобилях и самолетах, теперь столь распространенных, для пастыря абсолютно недопустимо, как совсем недавно думали многие православные люди. Если чудотворения у Христа Спасителя, обладавшего по Своему богочеловечеству чудодейственной силой, были явлением обычным, хотя Иисус Христос не позволил Себе «искушать Господа» ([Мф. 4,6–7](#)), то попытки некоторых современных пастырей чудотворить без воли на то Господа, являются не только наивными, но и дерзкими и даже кощунственными. Если Христос, применяясь к настроению, развитию и нуждам Своих слушателей, чаще всего пользовался приточной формой речи ([Мф. 13,10–17](#)), то это еще не значит, что такой же формой собеседования должен преимущественно пользоваться и всякий вообще пастырь.

Сказанного, представляется нам, достаточно, чтобы ответить на вопрос: как же относиться к примеру Христа Спасителя – Пастыреначальника? Прежде всего пастырь должен усвоить из этого примера существенное и вечное, то есть, если сказать языком великого апостола Павла, – «чудотворения, какие были во Христе Иисусе» ([Флп. 11,5](#)) и «ум Христов», какой имели Апостолы (1кор. 11, 16), то есть, то настроение любви и самоотвержения, с которым Христос совершал

пастырство, и Его учение, которые дают основу и материал для пастырского подражания, душепопечения и душевождения.

При наличии существенного и главного второстепенное само собой становится ясным. Человеку, имеющему ясное мировоззрение и определенное настроение, меньше приходится колебаться в выборе решений, чем не имеющему ни того, ни другого. Все же и во второстепенном, и во временном пастырь не может не искать руководства и образца в примере Пастыреначальника. Как можно чаще, при каждом недоуменном случае он должен задавать себе вопрос: а как бы поступил в таком случае Иисус Христос? И дальше в Евангельской истории искать ответа на этот вопрос. Это вторая обязанность. И третья: не присваивать себе тех прав, которые принадлежат Богочеловеку и которые, если и даются когда частично людям, то всякий раз Самим Богом, по Его особой милости и изволению.

а) Чаение Мессии и пришествие в мир Искупителя

Ветхозаветное священство вместе с Синайским Законодательством явилось только «тенью будущих благ» ([Евр. 10, 1](#)). Оно не могло «сделать совершенным ветхозаветного человека. Устами праведного Иова этот человек вопиял: «О, если бы я знал, где найти Его... Я изложил бы пред Ним дело мое» ([Иов. 23,3–4](#)). Устами пророка Давида он покаянно и сокрушенно взывал: «Для чего, Боже, отринул нас» ([Пс. 73, 1](#)), «Тебя жаждет душа моя» ([Пс. 62, 2](#)). Устами пророка Исаии он жаждал «Еммануила» ([Исх. 7,14](#)), Который «взял бы на Себя немощи его, понес болезни» и «раной Которого исцелился бы» ([Исх. 53,4–5](#)).

И вот «в последние дни», сказав: «се, иду» ([Евр. 10, 9](#)), пришел наконец Христос Первосвященник... и со Своею кровию однажды вошел во Святынище и приобрел вечное искупление ([Евр. 9, 11–12](#); сделал «совершенными освящаемых» ([Евр. 10, 14](#)), то есть, верующих в Него.

Итак, пришел Христос, чтобы быть и Жертвой и Священником, быть «Приносящим» жертву и «Приносимым» в жертву. Искупительный подвиг Спасителя явился основным делом Его земной жизни. Этот подвиг как подвиг Богочеловека исключителен, единичен, неповторим. Пастырь, однако, призван подражать Пастыреначальнику.

Конкретно наш пастырь может подражать Пастыреначальнику в идеи «служения». «Сын Человеческий пришел не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить» ([Мф. 20,28](#)).

б) Идея «Служения» роду человеческому

Посланничество Христа Спасителя приближалось к концу. В то время, когда Он созерцал Свой Крест, ученики Его мечтали о славе Его. «Их возбужденное воображение ожидало резкой перемены, «теофании», которая преобразовала бы Того, в Котором они признали обещанного Израилю Мессию. Крайняя скромность Иисуса Христа всегда была для них предметом соблазна⁴⁷. Постоянно они просили Его объявить о Себе, проявить все Свое величие, показать, наконец, что Он – Сын Божий.

По этому-то поводу Христос Спаситель и произнес слова вышеуказанного текста, который показывает, какая неизмеримая бездна отделяла мысль Христа от мысли Его Апостолов. Был ли Он понят ими? Очевидно, нет. Это слово – «служитель» – проникало медленно в их ум. Теперь попробуем посмотреть, хорошо ли и мы сами проникаем в смысл этого слова? Идеал земного величия заключается в том, чтобы нам служили. Нигде, может быть, этот идеал не был осуществлен с таким тщеславием, как на Востоке. Во все времена восточные страны были странами повержения одного человека пред другим, странами рабского унижения. По известному знаку сгибались головы и толпа преклонялась. Эти знаки унижения, которыми мы теперь возмущаемся, там – вещь обыкновенная.

Итак, можно утвердительно сказать, что Христос Спаситель открыл человечеству совершенно новый идеал величия и совершил в этом порядке вещей неизмеримо большой переворот, полагая такое простое начало: «Сын Человеческий не пришел для того, чтобы Ему служили, но для того, чтобы послужить».

Прежде чем развить эту мысль, следует рассеять сомнение, которое возникает, вероятно, у многих. Иные задают вопрос: известно ли было в мире, который мы называем языческим (до христианства), величие добровольного унижения, как, например, указывают на Будду. Можно искренно сознаться, что буддизм представляет нам в лице основателя его трогательный тип человека, который, будучи великим, отдал все; будучи бедным, сделался богатым и тогда задался собственным унижением, как целью своей жизни. Зачем унижается Будда? Вследствие утомления, ненависти к существованию, лечения к ничтожеству, увлечения, которое производит на него, как и на весь Восток, учение о том, что все стремится к исчезновению. Из этого убеждения необходимо вытекает презрение ко

всему видимому, бесстрастность в страдании, стремление к Нирване. Зачем Христос Спаситель унижается? Чтобы служить человечеству, то есть, чтобы его поднять, спасти и возратить ему жизнь вечную. Из этого убеждения должны выйти победа над злом и непоколебимая надежда. В действительности это две религии, два мира: один засыпает во мраке ночи без пробуждения, другой весь освещен великолепием дня без конца. Следовательно, мы имеем право утверждать, что Христос Спаситель прообразовал нравственный идеал, сказавши: «Я пришел служить».

Он не ограничился тем, что высказал этот принцип, Он жил, следуя ему. Он служил Богу Сам непосредственно в лице Своих братьев. Этим духом проникнуты все Его мысли, слова и дела. Он мал с малыми, сообразуя свет с их скудным пониманием, терпеливо вынося их ограниченность, медленность, предрассудки, их грубые чувства, недостаток веры. Он служит, действуя там, куда Бог послал Его, не спрашивая Своей собственной воли, не стремясь к успеху, но к послушанию. Он умывает ноги Своих Апостолов, между которыми и Иуда. Картина восхитительная, и мы не знаем, чем нам больше восторгаться: унижением нашего Учителя или блестящим доказательством любви Его к человеку, хотя и самому падшему. Он служит, наконец, в Своей предсмертной борьбе, в Своих жестоких мучениях. Он «был послушлив даже до смерти» ([Флп. 11,8](#)).

Таким образом, Крест был самым лучшим объяснением глубокого выражения: «Самый большой тот, который служит».

Итак, когда дело идет об оценке нравственного величия, мы предоставляем без всяких колебаний первое место тому, кто жертвует собой. Герой дикого племени – тот, кто одним жестом может приговорить к смерти и кто украшает свою палату окровавленными головами неприятелей; герой, которым восторгались многие, даже христианские народы, представляется в образе грубого завоевателя, располагавшего полновластно жизнью себе подобных. Мы против этого унижительного восторга и считаем, что как бы человек ни был велик в своей славе, но если им владеет грубый косный эгоизм, мы не считаем его великим. Велик тот, кто служит. Герой-пастырь, полагающий душу свою за овец своих. Герой-врач, который, пренебрегая опасностью заразиться, идет на борьбу со смертельной эпидемией; ученый, который отдает всю свою умственную силу для того, чтобы обогатить человечество новым открытием; воин, жертвующий своей жизнью для спасения своего Отечества.

Кто бы поверил, однако, что великое учение Христа Спасителя подвергалось и подвергается часто нападкам; придавали идеи «служения»

недостойный смысл, говорили, что Евангелие есть учение о рабстве. Насколько нужно быть ослепленным, чтобы обвинять в рабстве Того, Который перед Иродом, перед Пилатом, перед толпой, перед всякой властью был непоколебимым свидетелем истины, Того, Который добровольно поставил Себя на место притеснения, чтобы их дело сделать Своим, Того, Который нанес удал невольничеству в самом его сокровенном корне, утверждая равенство всех людей перед Богом.

По мысли Евг. Берсье, «служить – это глубоко отличительная черта дела Иисуса Христа. Из этого слова, которое для обыкновенного человека выражало унижение, Он составил Себе славу и средство, которым Он покорял и покоряет сердца⁴⁸. И когда мы, друзья мои, сидим здесь как кандидаты на священство, учимся, трудимся, мы готовимся «послужить». Не бойтесь этого слова, оно прекрасно, оно благородно, оно чрезвычайно спасительно. Выполнение этого слова даст вам высокое место в жизни, сделает вас желанными всюду, и даже не сочувствующие вашей идее, которым вы будете служить против их воли, молясь за них, оценит по достоинству ваш подвиг. Как хочется пожелать всем вам – делом исполнить эту идею великого служения и тем уподобиться нашему Господу Иисусу Христу, ибо все Его пастьрство – сплошное служение людям и Богу.

в) Пастьрство в широком и узком смысле слова

Если пастьрство Христа понимать в широком всеобъемлющем смысле, то есть, как Пророческое, Первосвященническое и Царское служение, то такое пастьрство является предметом Догматического богословия и не может быть предметом подражания со стороны наших пастьрей.

Если же пастьрство Христа понимать в узком, прямом, специальном смысле, то под ним надо понимать преимущественно учительство, тайнодействие и душепопечительство Спасителя. Это и есть то «доброе пастьрство», которое Христос приписывает Себе в притче о «дворе овчем» и «пастьре добром» ([Ин. 10,1–11](#)), та пастьрская любовь, которую Он настойчиво (трижды) требовал от апостола Петра, как необходимого условия для пастьрства ([Ин. 21,2–17](#)), и которую Он Сам проявил к «погибшим овцам дома Израилева», уча их, исцеляя всякую болезнь и немощь ([Мф. 4,23](#)), питая духовно и телесно ([Мф. 14,13–21](#)).

Как бы ни были божественно высоки и чудодейственны любовь и

пастырская душепопечительность Спасителя, все же им может и должен в меру своих сил подражать пастырь. Это подражание, однако, следует понимать не как внешнее восприятие Христа как Образца любви, а как внутреннее приобщение к Божественной Любви Спасителя для благодатного питания, духовного возрастания и возрождения ею. Пастырство нашего пастыря есть, таким образом, пастырство во Христе, в Его Божественной Любви и благодатной силе.

Довольно ясно пишет о пастырском служении проф. Сокольский. «Дело священников, – говорит он, – просвещать людей светом небесной истины, разгонять тьму заблуждений и суеверия, возносить бескровную Жертву Богу, совершать великие тайны... низводить на людей спасающую благодать Духа и ходатайствовать за них пред Богом, руководить их на многотрудном пути их духовной жизни, остерегать от разных соблазнов, преткновений, поднимать ослабевающих и падающих и вести их в Царство Божие⁴⁹.

Пастырство можно рассматривать как продолжающееся пастырствование Самого Пастыреначальника, Спасителя, доселе спасающего грешного и заблудшего человека, как Главы, доселе действующей в Церкви, как Источника доселе неиссякаемой благодати Божией. Христос доселе сопастырствует пастырям, действуя в них Своей любовью и благодать⁵⁰.

Пастыри воспринимают Христа и как «Сына Человеческого», и как Сына Божия, и как Учителя, и как Искупителя, и как Ходатая, и как Судию. Словом, воспринимают как постоянно действующую в Церкви Христовой «Божью Силу и Божию Премудрость». Вот таким Господом Христом – Пастыреначальником и животворится наше благодатное пастырство. Такой образ Господа Христа нельзя словами рассказать, красками нарисовать, звуками изобразить, ибо Он не есть нечто зримое и внешне осязаемое, а есть внутренняя любовь и благодатная сила, не изобразимая, но реально действующая в живой душе пастыря, делаая его благодатным сопастырем Христа.

Итак, наше пастырство есть пастырство во Христе, как «добром пастыре». В этом добром пастырстве и призван, по мере сил, подражать Христу наш пастырь. Ему и посвящается наше Пастырское богословие.

Как создается у пастыря внутреннее восприятие Пастыреначальника? Как входит Он в душу пастыря Своей Божественной Любовью и благодатной силой, располагая пастыря сопастырствовать Ему – единому вечному Пастырю⁵¹.

Наша человеческая немощь и скудность может ответить на эти вопросы лишь в самых общих чертах, исходя из Евангельских сказаний о Спасителе, учении святых отцов и собственного духовного опыта.

2. Пастырство в свете пастырствования Господа Иисуса Христа

Пастырь может быть рассматриваем, как представитель Господа Иисуса Христа на земле, облеченный от Него силой и властью. Иисус Христос, по учению Слова Божия, есть Ходатай между небом и землей. Посредником же между Христом и паствой (между Богом и человеком) является пастырь. Пастырь – носитель благодатных даров и молитвенник за верующих. Он сопастырствует Христу как постоянной и вечной Главе Церкви, имея от Него полномочия «вязать и решить», приносить Евхаристическую жертву ([Лк. 22,19–20](#)), просвещать и крестить ([Мк. 16,15–16](#)), быть в постоянном единении с Богом ([Ин. 17,11–21](#)), возносить молитвы ([Мф. 6,9–13](#)), любить народ ([Мф. 5,44](#)), быть «солью земли», «светом мира» ([Мф. 5,13–14](#)), то есть, быть «добрым пастырем» стада Христова. В этом добром пастырстве пастырь должен подражать Христу Пастыреначальнику. В связи с этим воспитание и образование пастыря рассматривается параллельно и на фоне основных моментов жизни и пастырствования Христа Спасителя.

а) Детство, отрочество и юность Спасителя ⁵²

В Евангелии немного сохранилось сведений о жизни Господа нашего Иисуса Христа до вступления Его на дело общественного служения. Но то, что сохранилось, весьма поучительно. Светла и блистательна жизнь Богочеловека. Он родился по закону всего живущего в этом мире. Св. Евангелист Лука повествует: «Отроча растяще и креплящися духом, преспеваше премудростью и возрастом и благодатью у Бога и человек» ([Лк. 2,52](#)). Здесь выражена вся прелесть и свежесть детства Иисуса Христа. Дитя своей кротостью радует Бога и людей. Об отрочестве Христа свидетельствует в Евангелии единственный факт, повествуемый Евангелистом Лукой: отрок Иисус изображается сидящим среди учителей слушающим и вопрошающим их ([Лк. 2,46](#)). Подобно всякому израильскому дитяти, Он рос в суровой религиозной атмосфере древних народных пророков. В синагоге Назаретской Он изучал Закон и Пророков.

Воспитательно – образовательное значение для Иисуса Христа 30-летнего подготовительного периода в Евангельских сказаниях обойдено

молчанием. Об этом периоде мы можем судить на основании общих выводов из отмеченных Евангелиями фактов земной жизни Спасителя. Тридцатилетняя жизнь Спасителя до выступления Его на дело общественного служения, несомненно, была суровой школою сосредоточенного уединения, где совершалось изучение Слова Божия, опытным изучением благодати Божией в физической природе и в человеке, сплошным подвигом молитвы и нераздельным единением с Небесным Отцом. Об этом говорят факты из жизни Спасителя, отмеченные Евангелием.

Уединение. Пустыня, как место уединения, подобно пророку Илии. Евангелие свидетельствует многочисленными фактами об унаследованной с детства любви к уединению: изучение Слова Божия под тихим кровом дома Иосифа, 40 дней поста и молитвы в пустыне. Спаситель часто укрывается от следующей за Ним толпы и даже от учеников Своих и проводит целую ночь в открытом месте, иногда в пустынном месте какой-нибудь горы. Уединение и пустыня были условием и средством воспитания у Спасителя глубокой сосредоточенности в деле выполнения Им небесного посланничества.

Природа (физическая). Иисус Христос любил природу в ее простоте и естественности, как творение Отца, свидетельствующее о Его присущей силе и Божестве, о благодати и премудрости Божией. Это отношение к природе у Спасителя запечатлено характером религиозности, (а не интересом научного исследования естествоиспытателя). Лучи солнца говорили Спасителю о любви Отца к миру ([Мф. 5,45](#)). Виноградная лоза говорила о законе, по которому жизнь может истекать только из жизни. Иссохшая смоковница – о бесплодии. Полевая лилия, птицы небесные – о премудрости и любви Божией. Созерцание величия физической природы возводило ум и сердце к представлению значения человека: «Что же такое человек, что Ты помнишь о нем, сын человеческий, что Ты внимаешь ему» ([Пс. 8, 4](#)).

Изучение природы человека. Испытание. «Испытан..., чтобы искушаемым помочь». Ему диаволом в пустыне были предложены грозные вопросы для разрешения избрания пути служения и выявления благодатных даров и силы: путь ли народных чаяний или путь жертвы, начертанный Отцом; царь ли иудейский или муж скорбей, Агнец Божий, закалаемый за грехи мира ([Лк. 4,13](#)).

Молитва. Неоднократно Евангелие повествует о молитве Спасителя на земле: «И утро, ноци сущей зело, восстав, изыде и иде в пусто место, и ту молитву деяше» ([Мк. 1,5](#); [Лк. 6,12](#)). Молится пред избранием

Апостолов, молится у гроба Лазаря, в саду Гефсиманском. В молитве Иисус Христос возвышался до единения с Отцом. Здесь Он почерпал силы для прохождения Своего пути. Таким образом, главным средством в деле воспитания и приготовления к служению у Иисуса Христа были: уединение, природа, самоуглубление и молитва.

б) Основные средства воспитания пастыря

Положительными данными по вопросу о приготовлении к пастырству из изучения жизни Пастыреначальника являются: изучение Слова Божия, внутреннее созерцание, уединение, уяснение высшего смысла жизни, природы («след Божий») и человека («образ Божий») и молитвенная беседа с Небесным Отцом. Приготовление к пастырству по примеру Пастыреначальника необходимо и должно быть приготовлением весьма серьезным. Пастырство есть искусство из искусств, по определению св. отца Церкви... Самоуглубление, самовоспитание, самоисправление и связь с Богом – основные моменты воспитания кандидата священства.

в) Крещение как посвящение на Пастырское служение

По мере приближения крещения Спасителя все сильнее и определеннее говорил о Нем Иоанн Креститель окружающему народу. Он делает о Нем громогласнейшее свидетельство, чтобы уступить Ему место и отойти в сторону. «Вот грядет Тот, Кто «сильнее меня, я недостоин понести обувь Его. Он будет крестить вас (не водой, как я, а) Духом Святым и Огнем» ([Лк. 3,11](#)). «Лопатой» Он очистит гумно Свое, соберет пшеницу и «огнем неугасимым сожжет солому» (3,12).

С великим смущением и возбранением Креститель встречает предложение Иисуса Христа креститься у него. Однако. Однако, подчиняется «всякой правде» и крестит Его. Крещение ознаменовалось явлением всей Святой Троицы. Как момент зачатия Сына Божия ознаменовался явлением всей Святой Троицы⁵³, так и выход Спасителя на общественное служение ознаменовался таким же Богоявлением.

Крещение Спасителя не есть очищение Его от грехов, ибо Он безгрешен. Оно есть исполнение «всякой правды», то есть, воли Божией о взятии на Себя Христом грехов мира, что символически и должно было изобразиться крещением в водах Иорданских, как крещением смерти. Спаситель выразил это впоследствии в таких словах: «Крещением Я

должен креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится» ([Лк. 22,50](#)).

Крещение Спасителя есть вместе с тем торжественное объявление о Его Божественном достоинстве. Оно, наконец, есть видимый знак посвящения Его на общественное служение (пастырство) и обнародование о Нем ([Ин. 1,31](#)⁵⁴).

Посвящение совершалось в струях Иордана рукой Иоанна Крестителя и благодатной силой Святой Троицы: Отца, подтвердившего Его Сыновство – Возлюбленного Сына; Духа Святого, осенившего Иисуса Христа благодатию служения под видом сходящего голубя, и Сына, принявшего «благоволение» Отца и благодать служения от Святого Духа ([Мф. 3,16–17](#)).

Итак, Крещение Христа Спасителя явилось началом Его пастырского служения. Небесное помазание (харизма) в водах Иорданских посвятило Крещаемого на это служение. Во время совершения Крещения Иисус Христос «молился» ([Лк. 3,21](#)), чтобы Отец Небесный благословил предстоящий подвиг очищения, искупления и освящения людей «от греха их».

г) Посвящение пастыря

Наш пастырь получает посвящение на пастырство в таинстве священства (хиротонии). В этот момент он вспоминает и о посвящении Христа, и молитву Спасителя за всех просвещаемых, крещаемых, спасаемых Им Самим и Его пастырями. Вне благодати Божией, обильно даруемой при хиротонии, для пастыря нет священства. «Без Меня, – говорит Господь, – не можете ничего творить» ([Ин. 15,5](#)). Основная задача всей жизни пастыря заключается в том, чтобы сохранить и преумножить эту благодать.

Крещение Спасителя есть крещение в смерть за грехи мира. Творя в храме святое Таинство крещения, пастырь молится об очищении и освящении крещаемых им.

При каждом освящении воды он молится об этом «Иордановом» освящении и, освящая святой водой других, освящается и сам е⁵⁵.

д) Подвиг в пустыне

Искушения дьявола сопровождали всю деятельность Иисуса Христа как человека и направлены были к разрушению всей Его пастырской

деятельности. Искуситель пытается разрушить деятельность Искупителя в самом начале ее. У св. Евангелиста Марка искушения следуют сейчас же за крещением Спасителя (1–12). По контексту речи Евангелиста Луки дерзкий поступок диавола с его искушением по началу действия совпадает с волею Богочеловека. «Поведен был Духом в пустыню», конечно не духом диавола, а Духом Святым, исполненным в Крещении (4,1).

Пустыня. Конец сорокадневного поста. Взалкал, изнемог. Плоть дала себя знать духу. И в этот-то момент приступает искуситель.

Первое искушение. Иисус възалкал... «Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебом» ([Мф. 4,3](#))... Диавол как бы говорил так: «Ты выходишь к людям, но что Ты им даешь? Вот дай им хлеба, сытую привольную жизнь, одели их земными благами, и они все пойдут за Тобой"... Господь знал, что временные блага не дадут счастья человеку, и сказал: «Не хлебом одним будет жив человек». Кроме того диавол хитро толкал Спасителя на своеволие. В. Сокольский говорит, что диавол предлагал Иисусу уступить ему только хотя один ра⁵⁶. Похоть плоти – лишь канва, повод, а искушения, узор – это выдвинуть на первое место волю человеческую над волей Божественной, последнюю подчинить первой (то же, что у прародителей: «будете яко божи»); человеческое сделать целью, а Божеское превратить в средство. Однако, почему диавол указал Спасителю на камни? Отвечая на этот вопрос, Фаррар говорит: «Муки голода чувствуются тем сильнее, когда они поддерживаются добавочными терзаниями живого воображения... Сама форма и вид этих камней придавали искушению большую силу⁵⁷. Иначе говоря, сатана хотел в корне убить идею пастырства, толкая Спасителя на подмену духовного материальным. Спаситель же показал, что исполнение воли Божией и искание вечных ценностей составляет смысл всей человеческой жизни.

Второе искушение. «... берет Его диавол во святой Город и поставляет Его на крыле храма и говорит Ему: если Ты – Сын Божий, бросься вниз...» ([Мф. 4,5–6](#)⁵⁸).

Искушение первое остается во всей силе, только переносится из области плоти в область духа. Диавол понял, что исполнение воли Отца есть то, что наполняет всю душу Искупителя. Диавол внушает всякую мысль о чуде, чем пытается отделить Чудотворца от людей и в корне разрушить пастырскую деятельность. «Диавол хочет уловить Иисуса в свои сети тончайшими путями, потому все свои искушения подтверждает

якобы волей Божией, исполнение которой возлюбленно и желательно для Иисуса Христа⁵⁹. Здесь диавол желал выдвинуть на первое место волю Иисуса Христа и тем нарушить волю Божию. Иисус Христос отражает диавола Своим желанием исполнить действительную волю Божию.

Третье искушение. Сознвая, что Иисус всецело подчинил Свою волю воле Божией, диавол испытывает последнее средство. Здесь диавол открыто заявляет цель и, следовательно, сущность всех искушений.

Весь мир со всею славою после грехопадения человека был, в большей степени, во власти диавола, и он мог делиться своею властью и передавать её другому, что и предлагает в **третьем** искушении: «Если Ты Сын Божий, вступи́м в союз, и я дам Тебе все Царства мира и славу их» ([Мф. 4,8](#)). Здесь сатана прямо предлагал Иисусу перейти на его сторону (В.Сокольский). Но Иисус знал, что без Голгофской жертвы невозможно нравственное развитие личности, невозможно уничтожение прямых следствий грехопадения. Иисус Христос как Пастырь не отделяет Себя от людей, а все искушения перенес по человечеству, диавол же предлагал Иисусу как раз обратный способ действия: начать пастырское служение с конечных целей человеческой жизни и подчинить человеческому Божественное, вечное временному. Иисус Христос отражает диавола словами: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» ([Мф. 4,10](#); [Лк. 4,8](#)). У св. евангелиста Луки говорится, что диавол «отошел от Иисуса до времени». Очевидно, что эти искушения не оставляли Человека – Иисуса и впоследствии. Где раз была борьба, там она может и снова повториться. И только терпением можно добиться искусства побеждать искушения. Из последующей жизни Господа видно, что диавол искушал Его и через самых преданных учеников. «Отойди от Меня, сатана», – сказано было апостолу Петру. Название человека диаволом применяется и к Иуде ([Ин. 6, 70–71](#)). Искушения диавола направлены были на человеческую природу Иисуса Христа и как на человека, и как на пастыря.

е) Первоначальные пастырские искушения

Первый вид искушения в грубом виде захватывает пастыря, когда его начинают увлекать не высота и идейность пастырского служения, движут им не возвышенные соображения и порывы, а материальные выгоды и удобства пастырского положения в своем отвратительном виде, когда пастырем овладевает страсть сребролюбия и корыстолюбия, обращающая высокое пастырское служение в ремесло и направляющая помыслы и энергию пастыря преимущественно на получение больших доходов от своего занятия; между тем, главное же его дело – спасение душ, искоренение из них всякого зла, приближение их к Богу. Пастырь всегда должен помнить, что высшая культура – это культура человеческого духа, достигаемая христианизацией его. От этой последней зависит благосостояние народа и возвышение его культуры материальной, внешней. Внешняя культура без христианской культуры духа, что тело без души. Работая поэтому над воспитанием, возвышением и просвещением светом Христовым человеческих душ, пастырь тем самым будет создавать благодатную почву для примирения и благотворного действия и материальной культуры. И эту духовную величественную работу во всем масштабе может произвести только пастырь, располагающий ему одному дарованными благодатными средствами, если он отразит вражеские козни, извращающие идею и цель пастырского служения. Пастырь должен помнить, что у него есть свой царственный путь, и по этому пути он должен прежде всего идти.

Второй вид искушения захватывает пастыря, когда он начинает упиваться обладанием и властью: искать их ради них самих и в них находить удовлетворение своему властолюбию.

Решая этот вопрос, проф. Певницкий спрашивает: «Можно ли ныне говорить о власти священника и требовать её применения? Не только можно, – отвечает он, – но и должно... Конечно, власть его не внешняя, не материальная, а духовная и нравственная⁶⁰.

Искушение это принимает более благовидную, прикровенную форму, когда пастырь стремится усилить свой авторитет якобы для блага Церкви, чтобы повелевая, пользуясь мерами прещения и наказания, привлекать людей к добру. И в этом случае пастырь становится на ложный путь, ибо насильственно никого преобразить нельзя; внутреннее просветление, преображение человека может совершиться только при участии его

собственного сознания и воли и непременно через крест и страдания. Что же касается участия в данном процессе личности пастыря, то со стороны последнего прежде всего требуется любовь и готовность до смерти послужить делу спасения пасомых. Это не значит, что пастырствование совершенно исключает властвование. Но пастырское начальствование должно быть особенным. Пример истинного пастырского превосходства явил Христос Спаситель. Евангелист замечает, что народ дивился учению Его, «ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» ([Мф. 7, 29](#)). Евангелисты сообщают также, что Иисус Христос властно изгнал торгующих из храма ([Ин. 2, 13–21](#)). В том и другом случае сила Его власти заключалась в соответствии Его слова и действий с истиною и утверждалась на Его внутреннем авторитете, которого не могли не признать и враги. Его необыкновенная властность соединялась с самоотвержением, так как Он никогда не искал другой воли и славы, как только воли и славы Отца; с любовью и милосердием, так как Он действительно был таким, как говорит о Нем св. Евангелист Матфей, что Он «трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит» ([Мф. 12, 20](#)). Его власть была религиозно-моральной, имеющей опору в Его высочайшей личности. Это – высшая власть, какая только может быть в мире. Поэтому, хотя она не опиралась ни на какую материально-принудительную силу, ей беспрекословно подчинялись, как это было указано выше, и толпы народа, и даже имевшие законническую власть и внешние средства для её осуществления начальники храма, книжники и фарисеи, несмотря на всю враждебность их ко Христу Спасителю. О такой власти говорит апостол Петр, когда внушает пастырям: «Пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду» ([1Петр. 5, 2](#); 5,2–3).

Третий вид искушения грубо проявляется у пастыря, когда он пытается изображать собою чудотворца, выдавая случайно совпадения за якобы совершаемые им чудесные явления, когда это делается с нечистым расчетом снискания себе славы и преклонения пред ним пасомых. Менее, но все же грубо пастырь поддается этому искушению, когда он, вместо духовного влияния своей личностью – верою, любовью, словом и подвигами, старается привлекать к себе пасомых внешними эффектами: своим видом, голосом, манерами, уподобляясь более актеру, чем истинному служителю Христа, и в существе дела ищет не славы Божией и спасения духовных чад, а собственной суетной славы и выгоды. Это о таких пастырях говорил Христос, что они приходят в свое имя, а не во имя

Отца, и ищут людской славы, а не славы Отчей ([Ин. 5,44](#)). Более тонко это искушение представляется, когда вообще пастырь преимущественным методом своего влияния избирает отыскивание чудес в своей жизни и в жизни окружающих, чтобы ими поражать воображение других. Чудо составляет естественный атрибут христианской религии и всегда сопровождает ее. Таинство причащения, в котором на протяжении двух тысячелетий из одной чаши, одной и той же лжицей и больные и здоровые сподобляются Святого Тела и Крови, является одним из чудес, совершающихся ежедневно на наших глазах. Этого чудесного до полной очевидности явления как будто не хотят у нас замечать. А между тем, чудо совершается ежедневно, во всех концах земли, на глазах всех: здоровые и больные, иногда одержимые страшными болезнями, один за другим, перемежаясь, пьют и едят из одной и той же чаши и не заражаются, не заболевают. Сила веры и Божественной благодати сказывается сильнее всяких человеческих средств. Вспоминаются слова Господа о верующих в Него: «... и если что смертоносное выпьют, не повредит им» ([Мф. 16,18](#)). От времени до времени чрез Своих верных служителей Господь являет и другие чудеса. Однако, и в наше время, как во время Христа, людей приводить к Нему нужно не чудесами, которые все же подавляют личность, но не дают еще совершенной, истинной веры, а перерождением душ и сердец обращаемых, что достигается горением духа, пламенной верой и истинной любовью священника, его духовным авторитетом и подвигом жизни. Всякий же свой успех, как и чудо, если бы оно при этом совершалось, пастырь должен приписывать не себе, а Богу, чрез его недостойнство действующему. «Каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых», – говорит апостол Павел ([1Кор. 4, 1](#)). И в другом месте заявлял он: «Не я живу, но живет во мне Христос» ([Гал. 2,20](#)). И всегда он, подобно другим Апостолам, вменял себя в ничто, приписывая Богу все великое в своих делах и трудах.

Христу Спасителю, чтобы получить обладание миром, предлагалось поклониться дьяволу, то есть, вместо воли и закона Божия признать волю дьявола и его дьявольские законы жизни⁶¹. У пастыря, поставившего своей целью властвование, обладание, превозношение, достижение цели сопровождается большей или меньшей изменой Богу и поклонением дьяволу. Прямо то и другое выражается, когда пастырь, став на путь стяжания, превозношения и властвования для достижения цели дерзко нарушает Божии законы и ни пред чем не останавливается. Но чаще всего эта измена Богу проявляется в человекоугодничестве, когда, чтобы властвовать над слабыми, пастырь начинает заискивать и пресмыкаться

пред сильными и великими мира, когда, по выражению святителя Григория Богослова, пастыри бывают «по отношению к слабым, как львы, а по отношению к сильным, как собаки, всюду сующие свой нос и пресмыкающиеся», или же в попустительстве и приспособляемости, когда, чтобы не лишиться благоволения и «щедрых милостей» своих пасомых, они становятся без меры милостивыми и снисходительными ко всем грехам и даже к преступлениям и⁶². Апостол Павел говорит: «Если бы я... угождал людям, то не был бы рабом Христовым» ([Гал. 1,10](#)). При человекоугодничестве пастыря, в какой бы форме оно не выразалось, его служение совершенно извращается. Центр тяжести тогда переносится с Бога на людей; пастырь начинает служить тогда только людям, а вернее – самому себе, так как конечной целью его служения в таком случае является его собственная выгода. Высокое благородное служение тогда омирщается, становится низким, земным, греховным.

ж) Средства борьбы с искушениями

Иисус Христос готовился к искушениям молитвой и постом, а отражал их словами Священного Писания ([Мф.4,4](#); [Лк. 4, 8](#) и др.). В примере Пастыреначальника указываются, таким образом, пастырю средства для отражения подобных искушений. Поскольку эти искушения направлены духом злобы к тому, чтобы душу пастыря отвлечь от небесного мира и привязать её к миру греховному, материальному, то средства эти являются одновременно средствами для дальнейшего нравственного, аскетического воспитания пастыря. Призванный вести других по пути спасительной жизни сам сперва обязан позаботиться о собственном спасении и совершенстве.

Итак, средствами для борьбы с дьявольскими искушениями и для личного нравственного совершенствования пастыря служат: молитва и пост, исповедь и чтение Слова Божия.

Молитва и пост. Молитва и пост – строго заповеданные и необходимые для пастыря спасительные средства ([Мф. 17,21](#)). Без молитвенного рвения пастырь, что соль осолившаяся, которая от разложения потеряла свою силу и уже не только не может других охранять от подобного разложения, но и сама начинает действовать разрушительно; без молитвы пастырь, что птица без крыльев, что рыба без воды, что огонь без горючего вещества, или, по выражению апостола Иуды, он – облако без воды. Истинные пастыри главное внимание уделяли молитве. Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Господь молился, чтобы научить и нас молиться⁶³. «Молитва – великое оружие, великая защита⁶⁴.

Молитва вводит пастыря в атмосферу небесной жизни, дает содержание и силу его духу. Она соединяет его с членами Торжествующей Небесной Церкви и тем спасает его от одиночества и уныния даже в тех случаях, когда на земле, возможно, все покидают его. И тогда внутренний голос, подобно Елисею, подскажет молящемуся пастырю: «Не бойся, потому что тех, которые с ними, больше, нежели тех, которые с ними. И молился Елисей и говорил: Господи, открой ему глаза, чтобы он увидел. И открыл Господь глаза слуге, и он увидел, и вот, вся гора наполнена конями и колесницами огненными кругом Елисея» ([4Цар. 16–17](#)). Молитва давала силы святителю Григорию Богослову говорить недовольным им за его ревность, прямоту и строгость: «Поставьте над собой другого, который будет угоден народу, а мне отдайте пустыню, сельскую жизнь и Бога!⁶⁵ И

Христос Спаситель в прощальной Своей беседе, после молитвы к Небесному Отцу, говорил Своим ученикам: «Вы все рассеетесь каждый в свою сторону и Меня оставите одного, но Я не один, потому что Отец со Мною» ([Ин. 16, 32](#)). Наконец, молитвенность пастыря делает его особенно близким и дорогим для паствы. Молитва ведь, душа религии, канал, соединяющий два мира – земной и небесный. Владеющий даром молитвы пастырь – не только раздаятель благодатных даров, которыми он наделен при хиротонии, но и естественный посредник между горним и дольным мирами, способный низводить на верующих сугубую благодать Божию.

Пастырь обязывается к двум видам молитвы: общественной и частной. Совершение общественного богослужения – служебный долг пастыря, дающий ему возможность вводить своих пасомых в атмосферу религиозной жизни, низводить на них благодать Божию, как бы реально соединять их с небом. Небрежность пастыря в исполнении этого долга – тяжкий грех. Но и частная ежедневная молитва является обязательной для каждого пастыря. Это согласно утверждают все пасторалисты. Совершающий ее с должным вниманием, настроенностью и серьезностью пастырь ежедневно исполняется нового рвения и воодушевления к исполнению своего служения, все более и более вводится в дух своей должности. Молитва не позволяет ему коснеть во грехах, приносит ему истинное утешение, наполняет его сердце радостью и душу миром. Учители благочестия различают три вида молитвы: молитву воли, молитву ума и молитву сердца (чувства). Верующий сначала молится только потому, что он признает важность и обязательность молитвы. У него нет пока ни пламенного молитвенного настроения, ни необходимых религиозных представлений, но он молится. Это – волевая молитва. По мере упражнения он начинает вдумываться в смысл молитв, проникаться их мыслями, приобретает способность сосредоточивать все свое внимание на предметах молитвы. Это уже молитва ума. Наконец, он достигает высшей ступени молитвы, когда, молясь, начинает переживать содержание молитвы; когда, например, молитва о прощении грехов вызывает у него покаянные слезы, славословие Господа – восторг и радость и т. п.

Псалмопевец говорит, что он постом изнурял душу свою ([Пс. 34, 13](#)). Для чего? Чтобы стать победителем греха. Спаситель постился ([Мф. 4, 2](#)), святые Апостолы, святые подвижники. А пастырь? И он должен поститься. Пост телесный и духовный. Пост в пище, питии, словах, удовольствиях, воздержание в брачной жизни и во всем, что может очернить пастырскую душу и лишить ее благодати Божией. Митрополит Филарет говорит: «Да будет праздником не только то, чтобы ты был свободен от тяжких дел, но

чтобы ты был свободен от приятной работы чреву⁶⁶.

Воспитание себя в молитве и посте – задача пастыря.

Исповедь. В тесной связи с молитвою и постом должно стоять ежедневное испытание пастырем своей совести для познания своих грехов и ошибок, требующих исправления и искоренения. Частое испытание совести приводит пастыря к познанию самого себя и служит могущественным средством для предохранения от разных зол и, между прочим, от искания суетной славы. Ежедневное самоиспытание от времени до времени, (чем чаще, тем лучше) должно сопровождаться исповедью пред духовником. По учению святых отцов, покаянием совершается исправление наше от грехов, вновь нами соделанных. И поскольку после крещения нет другого средства ко спасению по благодати и дару, кроме подвигов и трудов, обращения и слез, кроме исповедания грехов и удаления от зла, то и дарован нам этот великий дар. «Слезы да будут врачеством смеха, – говорит свт. [Василий Великий](#), – вместо пляски преклони колена, вместо рукоплесканий ударяй себя в грудь⁶⁷.

Духовник избирается самим духовенством из священников, отличающихся «духовным рассуждением, просвещением и честною жизнью» и утверждается епархиальным архиереем. Этот духовник ведет особую исповедную ведомость. Ни разу в год не бывшие на исповеди священнослужители должны быть, согласно указа Св. Синода 1806 года, отсылаемы в монастырь на месяц. Но по требованию обстоятельств священнослужитель обязан исповедоваться и гораздо чаще. «Учительное известие» в служебнике выражает общецерковный взгляд, когда в числе «приготовлений» пастыря к достойному совершению литургии оно указывает: священник «должен очистить совесть свою исповедью, если чувствует в чем-либо ее зазрение».

Исполнение самими священниками долга исповеди – огромное средство в деле их духовного совершенствования и достойного предстояния пред престолом Божиим. Пренебрежение пастыря этим делом, кроме огромного вреда пастырскому делу и Церкви, ничего другого принести не может. Скажем прямо: для верующих оно не может не быть соблазнительным, а для самого священника – неразумным, вредным и опасным. Без частой исповеди пастырь может духовно уснуть, и никто не сможет разбудить его. Возможно частое испытание и очищение совести особенно необходимо пастырю, чтобы он с незапятнанной душой мог приступить к совершению Таинства евхаристии, от которой он должен почерпать благодать и силу для благословенной своей деятельности.

Чтение Слова Божия. «Духовное чтение есть сестра молитвы», – говорит один пасторалист. Мы добавим: и самоиспытания. Когда мы молимся, мы беседуем с Богом; когда мы читаем, тогда Бог беседует с нами. В нем (духовном чтении) особенно нуждаются те, которым вверено духовное руководство верующими. Они пекутся о других, их обучают и наставляют; но их самих (священников) никто не учит и никто не напоминает им об их ошибках. При чтении добрых книг пастырь легко, как в зеркале, увидит все свои ошибки, заблуждения и прегрешения, сравнивая свое настроение и поведение с настроением и подвижничеством тех, которые высоко стояли на свещнице Христовой. Если читаешь светские журналы и газеты, извлекая из них полезное для себя, как для гражданина, и христианина, и семьянина, то наипаче читай Евангелие и писания святых отцов, так как грешно христианину, читая светские сочинения, не читать богодухновенных писаний. Ты следишь за событиями во внешнем мире, не упускай же из виду и твоего внутреннего мира души: она ближе и дороже тебе. Читать только газеты и журналы значит жить только по плоти, а не по духу. Все мирское с миром и кончится. И мир переходит и похоть его, а творящий волю Божию пребывает во век.

Некоторые пасторалисты считают обязательным для пастыря установление и разумное соблюдение доброго распределения дня. У пастыря должны быть строго урегулированы все дневные занятия и упражнения, касающиеся как его личной, внешней и внутренней жизни, так и его пастырской должности. Если, в виду особых обстоятельств, пастырю пришлось нарушить принятый распорядок, то он обязан немедленно опять его восстановить. Без такого порядка жизнь пастыря бывает подобна реке без русла. С таким взглядом нельзя не согласиться. При точном распределении времени жизнь пастыря идет размеренным, разумным темпом. Необходимые обязанности не остаются невыполненными. Из дня в день повторяемые добрые упражнения не только обращаются в привычки, но и при серьезном и вдумчивом к ним отношении становятся все более одухотворенными и возвышенными. Только при регулярном упражнении возможно совершенствование. Возьмем в пример молитву. Как научится молиться тот, кто редко молится, а то и совсем не молится. Но упражнение в молитве, как мы уже говорили, научит молиться. Такого же успеха пастырь может достигнуть и в отношении навыка других занятий, соединенных с его званием, если к приобретению навыка в них приложить разум, усердие и настойчивость.

При всем этом надо заметить, что и на почве указанных спасительных

средств пастырю, особенно молодому, легко впасть в новые искушения, и последние могут оказаться горше первых. Так, в молитве пастырь может перенести центр тяжести с качества на количество. Пост у него может оказаться безмерным и, вместо успокоения и умиротворения, вызывать раздражительность, сварливость и другие болезненные состояния духа; не смирять и одухотворять, а расслаблять, расстраивать, обессиливать тело, делая его неспособным для исполнения задач духа. Самое чтение, как средство духовного развития и самообразования, может обратиться у него в самодовлеющую цель, в своего рода страсть, может занять весь его досуг, не оставив ему времени для исполнения живого пастырского дела. Самая вера пастыря в полную зависимость человека от воли Божией, может перейти в полное отрицание значения человеческих усилий и средств.

Благоразумие и мудрость должны быть постоянными спутниками всех дел и упражнений пастыря сохранять меру во всем. Будь умерен во всех религиозных делах, – советует о. Иоанн пастырю, – ибо и добродетель в меру, соответственно своим силам, обстоятельствам времени, места, трудами предшествовавших, есть благоразумие. Хорошо, например, молиться от чистого сердца, но коль скоро нет соответствия молитвы с силами (энергией), различными обстоятельствами, местом и временем с предшествовавшим трудом, то она (молитва) уже будет не добродетель. Поэтому Апостол Петр говорит: «Покажите в добродетели разум (то есть, не увлекайтесь одним сердцем), в разуме воздержание, в воздержании – терпение» ([2Петр. 1, 5–6](#)⁶⁸).

Три вида искушения указывают на три соответствующие способа воинствования дьявола: сам человек (плоть), внешняя окружающая среда (мир) и дьявол или, по выражению св. Евангелиста Иоанна Богослова, похоть плоти, похоть очес и гордость житейская ([1Ин. 2,16](#)).

И у пастыря все искушения сводятся к одному: жить по закону самолюбивого «я», а не по Закону и требованию воли Божией. Внутренне же настроение Пастыреначальника, долженствующее стать неизменным настроением пастыря, выражается в уничтожении собственного «я» до полного слития с волей Божией. Пастырю необходимо иметь усилие отказаться от себя и во всем предпочесть своему «я» волю Божию. Вследствие этого у пастыря является три вида искушения: чрез самого себя, чрез внешнюю окружающую среду и через дьявола. После посвящения пастырь должен выдержать искушение от дьявола и победить его в своей свободной воле. Но испытания преследуют пастыря во всей его деятельности. Никакого нравственного идеала не бывает без личной борьбы с собой, с внешними влияниями и дьяволом.

Первые искушения юного пастыря являются от самого себя. Желание «теплого местечка», плата за требоисправление. Христос не зачеркивает нужду, материальные потребности; в молитве Господней имеется прошение о хлебе насущном, но это прошение является четвертым, что указывает на необходимость заботу о материальных благах подчинить попечению о духовных сокровищах жизни человека. «Ищите прежде Царствия Божия...».

Преосвященный Антоний, например, фиксирует три искушения юного пастыря:

1) заучиванием догматов заменять христианскую этику; (то есть, учить Евангелию, а самому жить иначе);

2) со всеми «поладить» вместо благовестия Царствия Божия (инстинкт самосохранения и человекоугодия);

3) вырисовываться личным авторитетом и производить впечатление своею личностью (ложная святость⁶⁹).

Диавол всячески ухищряется совратить пастыря с пути борьбы с грехом и злом в себе самом и в своей пастве. Он идет на все козни, соблазняя его то «хлебом» (деньгами), то властью (протоиерейством, настоятельством и др.), то семейно – хозяйственными изобилиями или, наоборот, недостатком, лишениями и скорбями. Духом уныния, разделения, рассеянности он отвращает от молитвы и благоговейно – сосредоточенного совершения богослужения. Восходящих на вершины подвига благоговейными предложениями (вплоть до явлений в образе «ангела света») он «низвергает вниз», в бездну греха и порока. Сидящих у подошвы горы, «внизу» успокаивает соблазном «малых дел» («где уж нам, мы люди маленькие»), роднит с суетой века сего, туманит чревоугодием, духовно расслабляет, пока, наконец, не превращает в бездушных наемников, остающихся на службе в Церкви Христовой лишь ради прибытка.

Острота искушений Спасителя есть острота искушений каждого пастыря. Острота неослабевающая в течение всей жизни пастыря. Чем сильнее ревность пастыря, тем сильнее на него нападает диавол. И особенно часто это нападение бывает в первые годы пастырской деятельности молодого священника, когда у него возникают на приходе трудности. Под влиянием их батюшка готов впасть в тоску, в уныние. Появляется мысль бежать в лучший приход.

Бывает, заедет к такому батюшке его друг и ведет с ним такую беседу.

– Что же, прихожане, быть может, тебя ругают? – Нет.

– Быть может, они в тебя плюют или бьют? – Нет, что ты.

– Быть может, они тебя распинают, терновый венец на голову возлагают? – Батюшка понял иронический смысл речи друга, устыдился своего малодушия, усилил молитвенное бдение и труд и тем избавился от искусителя – диавола. Отпала нужда в другом приходе.

Часто молодой священник от первых успехов на приходе впадает в самообольщение, в гордость. Ему кажется, что он на верном пути и впереди ему мерещатся только лавры. Чтобы смирить такого пастыря и не дать укрепиться ему в горделивой надменности, Господь иногда отступает от него, предоставляя его естественным силам. И тогда искусные сети диавола улавливают его и ведут от одного поражения к другому. Пастырь после каждого падения начинает чувствовать великую скорбь души. Ему не мил мир. Он готов бросить все и бежать туда, где нет людей, соблазнов, где он может остаться только с Богом. Но он не может это сделать, так как неумолкаемо слышит в душе голос: «паси овцы Моя». И тогда, «пришед в себя», остается на месте. Остается для того, чтобы в труде, терпении, посте и молитве найти великую поддержку в «духовной брани».

Христос победил «князя мира сего» в Своей собственной жизни и осудил его, чтобы дать вечную жизнь всякому верующему в Него. Пастырь стада Христова также призван к тому, чтобы препобеждать исконного врага человеческого рода и способствовать победе над ним и своей пастве.

3. Учительство Пастыреначальника

а) Особенности проповеди Спасителя

Сын Божий сошел с неба на землю, чтобы человека поднять до небес, соединить с Богом, «обожить» (св. Афанасий Великий). Совершить это чрезвычайное дело можно было лишь искупительным подвигом Спасителя, Его самозакланием. Эта великая жертва могла быть оправдана лишь другим чрезвычайным обстоятельством: полным пониманием Учителя со стороны учеников и народа, верой в Него, готовностью перестроить всю свою жизнь ради Него.

«Поэтому, – по словам проф. [А. Ветелева](#), – пред искупительным подвигом Спасителю предстояло совершить радикальное изменение в умах и сердцах испорченного грехом ветхозаветного человека. Это должно было сделать и Слово и чудеса Его, и любовь к народу и вся чудодейственная сила чистоты, мудрости, смиренной кротости, чарующей обаятельности, которые исходили от всего Неземного облика Его⁷⁰.

«Блаженно чрево, носившее Тя», – мог только сказать народ, слушая Его, созерцая и пленяясь Им ([Лк. 11,27](#)).

Христос Спаситель был не просто учитель – теоретик. Он был основателем Новой религии, Небесного Царства, Творец «нового человека» ([Еф. 4,22–24](#)). Поэтому Он и выступал с Своей проповедью, требуя от людей и пламенной веры, и жертвенной любви, и полного переворота во всем строе внутренней личной жизни. Все личное в жизни человека должно было перестроиться на общественное; греховное – на чистое, святое; земное – на небесное; затхлое, старое – на светозарное, новое.

«Вы слышали, что сказано древним... А Я говорю вам...» ([Мф. 5,21](#)). Так, восполняя старое, ветхозаветное, Христос решительно, властно утверждал новое, новозаветное. Исцеляя слепых, возвращая к разумной жизни бесноватых, вскрывая тайну блудливых, привлекая к Себе грешников, Он творил из них новых, беззаветно преданных Ему людей. И это не случайно, так как Он и пришел «не праведников, а грешников призвать к покаянию» ([Мф. 9,13](#)) и спасению. Открывая уста для проповеди, в одних случаях Он рассчитывал на ум, в других – на сердце или волю слушателя.

Для раскрытия Своего учения Христу необходимо было только одно

условие – иметь народ, желающий Его слушать, а где это происходило и когда, не имело решительно никакого значения, везде и всегда Он был Пастырем, учившим делом, словом и даже молчанием. Святой Евангелист Матфей предваряет «нагорную беседу» словами: «увидев народ... Он, отверзши уста Свои, учил их» ([Мф. 5,1–2](#)).

Время для учительства не имело никакого значения. С четырех часов пополудни и до позднего вечера ([Ин. 1,35–39](#)). С самарянкой Он беседует в двенадцать часов пополудни ([Ин. 4,6](#)), с Никодимом – глубокой ночью и т. д.

Догматика Пастыреначальника начиналась с амартологии (учение о грехе). У слушателей Спасителя грех первого человека был налицо, и Ему не было необходимости разьяснять сущность греха. Грех первых людей состоял в принятии для жизни своей воли и в непослушании Отцу Небесному. Адам и Ева, а в них и все человечество поставили свою волю выше воли Божией, отчего и произошел их разрыв с Богом. Естественным следствием такого разрыва с Богом было лишение благодатного общения с Ним. Результатом этого была смерть духовная и смерть телесная. Царство Божие противостало царству сатаны.

Амартология естественно переходила в христологию и сотериологию, то есть, в учение о спасении. Цель пришествия Христова – искупление всех, чтобы все составили всемирное царство с единым Главую. Христос возводит к Богу, возвышая их над миром, в обители вечного блаженства Отца Небесного. Путь Свой Христос и предлагал взять: «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ... ибо иго Мое благо и бремя Мое легко». Христос ценит не плотскую принадлежность к известному народу, а обладание теми духовными качествами, какие делали человека подданным Царствия Божия. Царство Божие внутри всякого человека ([Лк. 17,20–21](#)). Христос соединил духовное с чувственным, человеческую природу с Божественной; «как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино» ([Ин. 17,21–23](#)). Новая тварь..., для нового человека требуется и новое рождение от воды и Духа. «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» ([Ин. 3,5](#)).

Евангелие признает вечную жизнь лишь продолжением жизни настоящей, так как человек здесь на земле созидает в себе то настроение, которое будет содержанием его жизни за гробом. Страдания богача и блаженство Лазаря ([Лк. 16,25](#)), справедливо вознаграждают каждого за его земную жизнь. На Страшном Суде праведники исповедуют свое стремление к милости Божией, а грешники – свое удаление от Бога. Таким образом, сотериология соприкасается с эсхатологией⁷¹.

б) Послание на проповедь Апостолов

При всем исключительном значении Своего собственного учительства Христос считал необходимым избрать на дело благовестия и особых лиц и заняться подготовкой их сразу же после избрания. Подготовив, Он послал их на проповедь ([Втор. 1, 23–25](#)). Это посланничество Христос предварил тем, что дал им «власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь» ([Мф. 10,1–8](#)).

Вот краткий перечень наставлений и указаний, данных двенадцати ученикам: идти «наипаче к погибшим овцам дома Израилева» ([Мф. 10,6](#)), проповедовать «приближение Царства Небесного» (7 ст.), проявлять полную нестяжательность и безмездность (ст. 9–10), руководствоваться высоким достоинством своего учения в отношении места проповеди (ст. 11–15), быть мудрыми, простыми, осторожными (ст. 16–17).

Предупреждая и ободряя, Христос Спаситель указал им, что в минуту опасности Дух Отца «будет говорить» в них (ст. 19–20) и что не должно быть боязни и страха в сердцах их ([Мф. 10,28,30–33,38–40](#)).

Как видим, Христос указывал ученикам Своим на предстоящее им дело проповедничества, как на великий личный и общественный подвиг. И что же? Апостолы пошли и проходили по селениям, благовествуя и исцеляя повсюду ([Лк. 9,6](#)). А когда возвратились, то «рассказали Ему, что они сделали» ([Лк. 9,10](#)).

Кроме Двенадцати, около Христа находилось и от Него просвещалось много других учеников. Из них Учитель выделил 70 «и отправил по двое на проповедь» во все те места, «куда Сам хотел идти», сказав им: «жатвы много, а делателей мало» ([Лк. 10,1–2](#)). Эта вторая проповедническая группа также получила наставления от Учителя ([Лк. 10,3–16](#)). И когда посланцы возвратились, то с радостью говорили: «Господи! И бесы повинуются нам о Имени Твоем» (10,17).

Из особенной заботы Спасителя о подготовке проповедников видно то исключительное значение, какое Он придавал проповеднической деятельности.

в) Последние Заветы Спасителя Апостолам (и всем пастырям Церкви)

В самом конце Своего общественного служения (перед Вознесением)

Спаситель снова посылает учеников проповедовать, но уже всем народам и в новых условиях. «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» ([Мф. 28,19–20](#)). В этих словах Спасителя содержится указание на два вида учительства: миссионерское, состоящее в возвещении людям неведомой им истины, и внутренне – церковное, представляющее раскрытие уже ранее сообщенного учения.

Свой призыв к этому двойному учительству Христос, благословляя, закончил словами: «И се, Аз с вами есть во вся дни до скончания века» ([Мф. 23,20](#)). Это обетование касается не только участия Христова в жизни Церкви вообще, но и соучастия в самой проповеди Его преемников.

Касаясь благословения Спасителя Апостолов а в лице их и всех пастырей Церкви, митрополит [Филарет Московский](#) говорит: «Какой бесконечный поток благословения Христова открывается пред нами. Он возносящийся начинает благословение и... теперь продолжает невидимо благословлять всех нас... Апостолов, святителей – всех пастырей. Таким образом, все принадлежащие к Святой Соборной Апостольской Церкви делаются причастниками единого благословения Иисуса Христа и Отца Его⁷².

Апостолам предстояло совершать подвиг учительства такого масштаба, в свете которого вся их предыдущая проповедническая деятельность могла рассматриваться всего лишь как предварительная ученическая подготовка к предстоящему главнейшему делу их земной жизни.

Иисус Христос явился в мир с новой истиной ([Ин. 1,14–17](#)). Это была необычайная, неведомая истина о вечной жизни, о Царстве Небесном и о путях и средствах к его стяжанию ([Мф. 4, 17](#)). Выступая с этой истиной, Христос имел необычайный успех, так как эта истина оказалась самой человеческой, самой нужной истиной, истиной о спасении человека.

Другая причина неотразимой проповеди Спасителя заключалась в том, что она была отражением полного единства мысли Спасителя и Его жизни, слова и дела. Никакого разлада или промежутка не было между делом и словом в личной жизни Спасителя. «Дела, которые Я творю во имя Отца Моего, они свидетельствуют о Мне» ([Ин. 10, 25](#)).

Третьим секретом покоряющей силы учения Спасителя была Божественная любовь, которой растворено было каждое слово Его. «Жалость» к народу снедала сердце Спасителя ([Мф. 14, 15,32](#)); к овцам, не имеющим пастыря ([Мф. 9, 36](#)), к жатве, не имеющей делателя ([Лк. 10, 1–2](#)), к нищим духом, плененным грехами. И многое другое помогало в

проповеди Спасителя (чудеса и пр.).

Итак, истинность содержания проповеди, единство дела и слова у Проповедника, сострадательная любовь, внутренняя властность Слова при изобилии чудес, сопровождавших благовестие – вот отличительные свойства проповеди Спасителя.

Чему может подражать пастырь в проповеди Спасителя, чему он должен от нее научиться? Он должен научиться сострадательной любви к людям, питаясь ею от своего Пастыреначальника, от любви к Нему, от готовности следовать Ему.

Проникаясь христианской любовью к Богу и людям, пастырь будет одухотворять, духовно поднимать и жизнь свою, и тогда все меньше и меньше будет разница между словами и делом и в его проповеди.

4. Душепопечительство Спасителя

а) Душепопечительство к Апостолам

В Апостоле Петре преобладает сангвинический темперамент. Сангвиник живет преимущественно самым процессом ощущения, протекающим перед его внешним взором жизни, непосредственным восприятием внешних явлений. У него нет углубленности во внутреннюю сторону жизни и устойчивости воли. Спаситель нежно и осторожно обращает взор Апостола Петра от внешнего, материального к внутреннему, духовному и направляет к твердости и устойчивости его воли ([Ин. 1,42](#)).

У святого Апостола Иоанна меланхолический темперамент. Меланхолик живет преимущественно внутренними чувствованиями, способен и к бурным порывам («Воанергес»). Господь часто отделяет от Двенадцати Иоанна и сближает его с практически – деятельным Петром и ставит в особенно близкие отношения к Себе. Иоанн склоняет на грудь Спасителя свою голову. Он один и у Креста Голгофы. К меланхоликам относится и Нафанаил. Он осмотрителен и осторожен. Источник его недоверия к Филиппу – глубокое доверие к Слову Божию. Господь его не укоряет за недоверие, а называет истинным израильтянином, в котором нет лукавства ([Ин. 1,46–47](#)). Господь таким людям раскрывает наиболее глубокие тайны Своего лица и дела. Он вводит их предпочтительно перед другими в ближайшее общение с Собою. Предостерегает от крайностей и увлечений.

Апостолы Фома и Филипп – флегматики. Здесь духовная жизнь сосредоточена преимущественно на деятельности рассудка. Флегматик обладает своеобразными, устойчивыми и независимыми взглядами. Господь ограничивает излишнее доверие к своему рассудку Фомы и возвышает веру в восприятии истины над знанием.

Иуда Искариотский – холерик. Практик, делец. Власть и деньги – вот к чему он стремится. Быстрое решительное действие воли. Разочарование в образе Мессии делает Иуду вором, обманщиком и предателем. Господь старается осветить односторонность практического мышления Иуды путем расширения его духовного кругозора, указанием на иное отношение к предметам ([Ин. 12,8](#)); с полотенцем и водою Христос склоняется к ногам Иуды, озаряя светом Своей любви его жестокосердие.

Всех вообще учеников Христос Спаситель часто спрашивал, поняли ли они Его, и постепенно их возводил к «единому на потребу»⁷³.

б) Душепопечительство ко всем людям

«Мое учение не Мое, но Пославшего Меня» ([Ин. 7,16](#)), «Я ничего не делаю от Себя» ([Ин. 8,23](#)), «Я и Отец одно» ([Ин. 10,30](#)), – так говорит Христос, свидетельствуя этим единство Своей жизни и душепопечительности с Отцом Небесным. По воле Отца, по Его неизреченной Любви к людям был послан в мир Сын Божий, дабы «всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную».

Основным проявлением этой Божественной Любви Отца и Сына явилась Голгофская жертва, примирившая Бога с человеком и создавшая новые отношения Бога к человеку и человека к Богу. В жертвенной любви и заключается вся суть душепопечительства Спасителя в течение всего Его общественного служения.

Это служение началось с призыва к покаянию ([Мф. 4,17](#)). Покаяться значит перемениться, из грешника сделаться достойным Царства Небесного. Но как подойти к душе грешника, чтобы расположить его к духовному обновлению? Нужно разглядеть в ней зародыши добра и побудить их к произрастанию.

Иисус Христос как Сердцеведец видел эти спасительные зерна в каждой душе человеческой и соответственно воздействовал на нее. Так Никодима, алчущего духовной истины, Он призвал к «рождению свыше» ([Ин. 3,2–4](#)); Закхея, подвинутого верой влезть на дерево, чтобы видеть Христа, Он пожелал встретить в его доме, чтобы создать в нем решимость от веры перейти к спасительному делу: раздать полимения нищим и вчетверо оплатить обиженным ([Лк. 19,2–9](#)). В простых бесхитростных людях Он видел здоровую нравственную основу для духовного обновления и приближал их к Себе ([Ин. 1,45–50](#)). Поэтому и общество грешников и мытарей Он предпочитал обществу праведников ([Лк. 19,10](#); [Мф. 9,13](#)), общество нуждающихся во враче предпочитал обществу считающих себя здоровыми ([Мф. 9,12](#)).

Проявляя разнообразие в душепопечительстве к окружающим людям, Христос таковым же был и в Своем учении. Проникновенной душепопечительностью согреты Его слова о потерянной драхме и пропавшей овце ([Лк. 15,4–7](#)). Теплотой отеческой ласки и душепопечительной любви проникнута Его притча о блудном сыне ([Лк.](#)

[15,20–24](#)). В ней Христос раскрывает тайну взаимоотношения Бога с грешным человеком. Грешник должен лишь «прийти в себя» и сделать шаг к Отцу, чтобы неизреченная любовь Божия сделала все остальное для его спасения.

Непостижимой высоты душепопечительность Спасителя достигла на Голгофе, когда Он молился за распинателей ([Лк. 23,34](#)), заботился о Матери ([Ин. 19,25–27](#)), открыл вход в Царство Небесное покаявшемуся разбойнику ([Лк. 23,40–43](#)) и отдал душу Свою «за други Своя», за весь род человеческий.

Термин душепопечение введен в употребление святым Григорием Двоесловом. Он соответствует терминам: «строительство душ», «непрерывное попечение о спасении паствы»⁷⁴, сораспятие, сострадательная любовь и пр. Все эти термины означают всю полноту пастырской любви и заботы о спасении паствы. Душепопечительство не выражается в каких-либо определенных специальных приемах или способах воздействия на паству. Оно пронизывает все виды общения пастыря с паствой, являясь их душой и движущей силой. Пастырь призван всегда и во всем «чревоболезновать» о пастве, жить ее скорбями и духовными неудачами, стараясь помочь превозмогать их. Таково существование душепопечения пастыря. Овладевая его душой сначала в качестве мотива, побуждая к пастырской деятельности, оно постепенно укрепляется в воле и сердце пастыря и переходит в движущую силу всей его жизнедеятельности. Со дня на день укрепляясь, эта сила переходит в норму, нерушимый закон для пастыря. Он уже не может не «болезновать», не может не находиться в постоянных «муках рождения» о каждом чаде своей паствы, «доколе не изобразится в них Христос» ([Гал. 4,19](#)). Это апостольская высота душепопечения. Однако, все пастыри к этой высоте призываются. «Не мерой» ([Ин. 3,34](#)) дает Бог Духа.

Укажем некоторые правила, которые могут помочь в развитии пастырского душепопечения.

1. Никогда никому ни в каких пастырских потребностях не отказывать; зовут ли причастить на дому больного, просят ли совершить в храме требу, подают ли записочку о упокоении или о здравии, – все принимать к сердцу и на все откликаться с радостью.

2. Если что-либо нельзя сделать самому, просить сделать сослуживца.

3. Если нельзя сделать сегодня (например, причастить больного), не поленился сделать завтра, если больной не в смертельной опасности.

4. Исповедь частную (индивидуальную) всемерно поддерживать, принимая сердечное участие в душевных страданиях ближнего, и тем

обогащать свою душу опытом духовного руководства и попечительства.

5. Тяжелые душевные страдания ближнего держать в сердечной молитвенной памяти пред Богом, вплоть до исхода болезни.

6. Сораспинать, по мере сил, свою душу Богу и ближнему и все скорби и духовные нужды ближнего воспринимать молитвенно в Боге и переживать, как свои собственные.

7. Меньше всего думать о вознаграждении (деньгах) при исполнении своих пастырских обязанностей. Если будет молитвенность, внутреннее соучастие в скорбях ближнего и добросовестное выполнение треб, то будет и хорошее и даже сверхзаслуженное вознаграждение. Деньги – не причина, а следствие душепопечения. Поэтому каково душепопечение, таково и вознаграждение.

Опытный пастырь может указать еще множество подобных правил, но дело, конечно, не в правилах, а в желании и решительности неотступно заниматься душепопечением. Будут последние (желание и решимость), и отпадет нужда в правилах. Любящая душа пастыря сама подскажет ему, что сделать и как сделать в каждом отдельном случае.

Что случается на приходе

1. К умирающему больному был приглашен для причащения священник. Из – за большого стечения церковных дел он не мог в этот день явиться, пообещав быть завтра. Пришло завтра, а просьба была забыта. Через три – четыре дня священник увидел того, к которому его звали, но уже в гробу, в храме при отпевании. Как мог чувствовать себя священник, отпевая того, кого он не напутствовал в жизнь вечную по своему небрежению?

2. Обливаясь слезами, подошла женщина к священнику с просьбой отслужить панихиду сегодня, в сороковой день смерти ее любимой дочери. Батюшка отказался служить отдельную панихиду, а общую отслужил так, что некогда было сосредоточиться и утешиться молитвой. Обиженная до глубины души женщина выбежала из храма... Как можно расценить поведение батюшки?

3. К идущему в храм священнику подошла скорбящая мать. Давая записочку, она слезно умоляла его помянуть умирающую ее дочь на ектении. Сунув записочку в карман, батюшка поспешил в храм. Стоя за Литургией, женщина вслушивалась, когда батюшка перечитывал имена болящих. Она пламенно верила, что если имя ее больной умирающей

дочки будет произнесено пред Престолом, больная непременно выздоровеет. Но батюшка забыл просьбу скорбящей матери... Возвращаясь домой разбитая, она услышала еще в дверях стон умирающей: «Мама, ты просила священника о мне помолиться? Вот я умираю..». Вошедши в дом, мать вдруг от душевного потрясения падает на пол... и вместе с дочкой умирает... Спрашивается, какой молитвой замолит священник свое нерадение?...

5. Качества Пастыреначальника как пример для пастырского подражания

а) Внешне-физические

Святое Предание хранит историю чудесного появления в Церкви Христовой Нерукотворенного Образа Христа Спасителя. Все попытки живописца – посланника эдесского князя Авгаря «написать» (зарисовать) Богочеловеческий Лик Христа, говорит Предание, оказались безрезультатными. Когда Он (Христос) говорил, одна женщина, повествует Евангелие, возвысила голос из народа, сказала Ему: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие» ([Лк. 11,27](#)). Мытарь Закхей при созерцании Лица Христа погребает в себе «человека ветхого» и облачается в «человека нового»: «Се пол – имения моего раздам нищим и аще кого чем обидел, возвращу четверицею» ([Лк. 19,8](#)). Евангельская жена – грешница у ног Спасителя разбивает ценный алавастр мира, благоухание которого распространяется на всю вселенную и не иссякает в века...

Таков внешний Лик в земной жизни Пастыреначальника, который, по словам пророка, «красен добротой паче всех человек»...

б) Внутренние – душевные

Что же можно сказать о внутренних, духовно – нравственных качествах Пастыреначальника как Образа для пастырского подражания? Они – эти качества, как идеал, неизмеримы, неисчислимы и языком человеческим невыразимы. По словам акафиста Спасителю, «ветия многовещанные», как рыбы безгласные, недоумевают говорить (9 Икос), то есть, умом и языком человеческим невозможно изобразить как красоту и величие, так и полноту духовно – нравственных ств Пастыреначальника – этого духовного Солнца правды... Мы дерзаем здесь, как пример для подражания будущим пастырям, показать лишь некоторые из лучей этого Солнца.

Личность Сына Человеческого всецело религиозно – нравственная. Он пришел на землю затем, чтобы уничтожить вражду между человеком и Богом, вражду, посеянную в наших прародителях искушением диавола и преслушанием воли Божией первым Адамом, и примирить человека с

Богом. Физическая природа всюду и всегда говорила Ему о величии и благодати Божией, о том, что везде след творения Отца. В человеке Он искал образ и подобие Божие, людям благовествовал приближение Божия Царства – победу зла добром, проклятия – благословением и смерти – жизнью вечной. Единственной целью Его было: «да сотворю волю Пославшего Мя», это Его «брашно» ([Ин. 4,34](#)), то есть, пища, чем была духовная настроенность всей Его земной жизни. Послушание воли Небесного Отца – это самая главная черта характера Пастыреначальника. У Него полнейшее единение с Отцом, Он пришел не Сам от Себя, но Отец Небесный послал Его ([Ин. 8,29](#)). «Не Моя воля, но Твоя да будет...» Любовь к Небесному Отцу – вторая черта Его характера. Ночью на горе, в саду Гефсиманском, на Кресте, – Он всегда ищет в молитве единения с Своим Отцом. «Отче, в руке Твои предаю дух Мой», – так закончилась Гефсимания и Голгофа. Такова Его любовь к Небесному Отцу.

Третья черта характера Спасителя – любовь к людям. Пастыреначальнику Христу близки человеческие нужды и потребности. Он был любящим Сыном ([Ин. 19,26](#)), верным другом ([Ин. 11,5](#)), трудился в мастерской Иосифа. Петру, после призвания его «ловить человеков», позволил возвратиться на рыбную ловлю ([Лк. 5,10–11](#)). Те, которые исполняют Его веление, – Его истинные друзья ([Ин. 15,14](#)); те, которые слушают Слово Божие, – Его мать и братья ([Лк. 8,21](#)). Цель Его вочеловечения есть всемирное единство людей ([Ин. 17,21](#)). Религиозно – нравственное чаяние Пастыреначальника было необъятно, всемирно, общечеловечно. Когда Он говорил о человеке – Он всегда говорил о нем в отношении его к Богу. В каждом из людей Он видел храм Божий, хотя часто пустой и полуразрушенный. В фарисеях Он не терпит не человека, а фарисейства. Он знал человека и проникал в самые сокровенные помышления сердечные. Полное беспристрастие как к врагам, так и к ученикам ([Ин. 13,37,38](#); 6,26). Он умыл ноги Иуде, равно возлежал на вечери как у фарисея ([Лк. 8,37](#)), так и у мытаря ([Мф. 5,29](#)); допускает к Себе язычника и израильянина ([Мф. 8,5–6](#); [Мк. 25,29](#)). Как «пастырь добрый» Христос положил душу Свою за всех людей. На Голгофе Он на Кресте распростер руки Свои для объятия всех труждающихся и обремененных.

Отсюда четвертая черта характера Спасителя – жертвенность, черта, которая отличает в сущности доброго пастыря от наемника. «Наемник бежит» ([Ин. 10,12](#)), когда видит опасность для себя. А пастырь истинный не может убежать от своего стада, потому что ему овцы свои. Он страдает...

Жертвенность – отличительная и вместе специфическая черта людей идейных, глубоко убежденных в правоте своего дела, людей сильных и высоких душой.

Пастыреначальник, как нельзя лучше, со всей яркостью показал на Себе, как надо пастырю отдавать себя, чтобы вечно жили другие. Жертвовать собой, чтобы оправдать вину виновных. Добровольно вкусить яд наказания за грехи людей, делая их «сынами Отца Небесного по благодати искупления». Поистине жертвенность Спасителя была прекрасной и в высшей степени спасительной для всего мира и поучительной для пастыря.

В Пастыреначальнике, как в идеале, нашли воплощение и все прочие наилучшие черты человеческого характера: господство духа над плотью, подчинение человеческого божественному, временного вечному, чистота всего существа, отсутствие греха и страсти и наличие добрых наклонностей, совмещение величественной простоты и смиренного кроткого достоинства.

Религиозно – нравственное мировоззрение на природу и человека, подчинение своей воли ведению Божией воли, любовь от всего сердца, от всей души, от всего помышления, всею крепостью духовных и телесных сил Небесного Отца, любовь ближнего, как образа Божия и подобия, и служение ему, как самому себе..., – вот малая часть тех центральных лучей сияния Первообраза Пастыреначальника – Солнца правды, которыми должна озаряться непрестанно душа православного пастыря.

(Пасторологические тексты из Евангелия: [Мф. 5,13–16](#); [Мф. 10,1–42](#); [Мф. 18,10–22](#); [Лк. 10,1–21](#); [Лк. 15,1–38](#); [Ин. 10,1–16](#); [Ин. 13,31–38](#); [Ин. 14,15,17](#) главы; [Ин. 21,15–17](#) и другие).

6. Жизнь пастыря во Христе и в Его благодатной Церкви

а) Жизнь пастыря во Христе (личная и семейная)

Чтобы быть добрым пастырем Церкви Христовой, совсем недостаточно иметь представления о внешних и внутренних качествах Спасителя, мало знать и Евангельские пасторологические места о «пастыре добром», о любви христианской и пр. Пастырю следует еще постоянно носить в своей душе Образ возлюбленного Пастыреначальника, Господа Иисуса Христа. Носить Его в своем сердце.

Обращаясь к Галатам, апостол Павел спрашивал их: «Кто прельстил вас не покоряться истине, вас, у которых перед глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у Вас распятый?» ([Гал. 3,1](#)).

По словам проф. А. Ветелева, перед глазами пастыря, как перед глазами древних Галатов, должен стоять образ Христа Спасителя. Он может стоять «перед глазами» нашего пастыря в том лишь случае, – говорит далее профессор, – если душа пастыря будет «облечена» ([Гал. 3,27](#)) в Него, будет растворена в «чувствованиях Христовых» ([Фил. 2,5](#)), проникнута к Нему пламенной любовью⁷⁵. Только в этом случае пастырь может жить во Христе и в Его Церкви. Что значит жить во Христе? Вести личную жизнь на месте. Это значит непрестанно молитвенно носить Христа в своем сердце, слушать голос Его в своей совести и руководствоваться Им в своей жизни. Когда говорят, что мы призваны ходить пред Богом, это и значит, что мы призваны жить пред Господом нашим Иисусом Христом. Человек может ходить пред Богом, то удаляясь от Него, то приближаясь к Нему.

Святые подвижники говорят об особых переживаниях души, когда она приближается к Богу. На языке человеческого, говорят они, нет слов выразить то, что творится с душой, когда она соприкасается с Божеством. В теле она бывает тогда или выходит из тела, долго или коротко продолжаются эти сладостные переживания – того она не ведает. Придя в себя, она знает одно: она в Боге и Бог в ней. «Тогда душа и Господь делаются единый дух, единое срастворение, единый ум⁷⁶. Так говорят великие подвижники в своем духовном опыте, переживавшие радость Богообщения.

Особые чувства умиления и духовной радости от внутреннего общения с Богом испытывает лично и пастырь Христов за Божественной литургией. Об этом так говорит благочестивое чувство одного из наших пастырей, переживавшего это внутреннее Богообщение. Приступая к Божественной литургии, сознавая себя творцом и совершителем величайшего из таинств, он то приходит в священный трепет, то умиляется и восторгается, то опять трепетно повергается ниц пред Искупителем, то дерзновенно ходатайствует за свою паству, прикасается к святой трапезе или умильно взирает на нее. Перед ним за каждой литургией живо и реально проходит вся жизнь Богочеловека. Он зрит воплощение Сына Божия, слышит проповеди Его, созерцает Его уничижение. С ним присутствует на Тайной Вечери; Его снимает с Креста, с мироносицами плачет у Его гроба; с сонмом небожителей стоит у Его жертвенника и трепетно со апостолами внушает Его святое Тело и Пречистую Кровь.

Испытывая все это неоднократно, пастырь преисполняется любовью ко Христу. «Ты – мой Бог, Ты – мое радование», – шепчут невольно уста служителя Божия. Алтарь становится для него небом, трапеза – Престолом Божиим, а святые Дары – драгоценностью, превосходящею весь мир со всеми его благами. Любить Господа, жить в Нем, раствориться в Нем так, чтобы не ощущать себя, не быть собой, а стать частицей Его, краешком Его риз, дуновением Его дыхания, следом Его ног, – вот желание такого пастыря. Жажда Бога снедает его, как мучает жажда уставшего путника среди знойной пустыни. Жажда и алкая Бога, он день и ночь устремляется к Нему. Ему не нужны внешние побуждения к молитве; молитва творится в его сердце непрестанно. Эта молитва создает вокруг пастыря как бы некоторую духовную броню, сквозь которую диавол не может проникнуть со своими кознями.

В душе пастыря в зависимости от ее состояния встает то благостный, кроткий и милующий образ Христа – Учителя, каким Он дан в Евангелии до крестного подвига, то страждущий образ Голгофского Страдальца, каким Он дан на предпоследних страницах Евангелия, то воскресшего во славе.

Первый образ преисполняет душу пастыря великой любовью ко Христу и Его чадам духовным, второй образ располагает его к спасительному крестоношению во имя Креста Господня, третий – вдохновляет. К этому крестоношению зовет Сам Спаситель: «Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе, возьмет крест свой и по Мне грядет» ([Мф. 16,24](#)).

Святой Иоанн Златоуст говорит: «Когда мы знаменуем себя крестом,

тогда... Божественным взорам Всевышнего предстоит уже не наше позорное чело, покрытое греховным бесславием, но увенчанная тернием глава Богочеловека⁷⁷.

Апостол Павел увещевает Коринфских христиан носить в своем сердце образ Голгофского Страдальца и сораспинаться Ему в своей жизни. «Не судих ведети что в вас, точию Иисуса Христа, и Сего распята» ([1Кор. 2,2](#)). Сам он говорит о себе, что «носит язвы Господа Иисуса на теле своем» ([Гал. 6,7](#)).

«Отличительный характер его Посланий, – говорит проф. Я.К. Амфитеатров, – есть тон глубокострадальческий или состраждущий, где видна некая живоносная мертвость⁷⁸.

Как в самой Евангелии центральное место занимает Гефсиманское борение и Голгофское искупительное страдание Иисуса Христа, так Крест – Крестный Образ Спасителя должен занимать первенствующее место в душе пастыря, особенно в среду и пятницу каждой недели, в дни постов, особенно Великого, и в дни Страстной седмицы. Крест Христов в сердце пастыря своей благодатной силой помогает великому крестоношению и в личной жизни пастыря.

Личная жизнь пастыря во Христе непременно должна вылиться в семейную жизнь по Христу, то есть, личный, живой пример доброй пастырской жизни должен повлиять положительно на всю семью священника.

Что значит семейная жизнь пастыря во Христе? Это значит, что семья пастыря должна жить чисто церковной жизнью. В ней господствует дух Христов. Жена священника, дети и другие члены семьи также любовью горят к Нему. Они неизменно читают святое Евангелие Христово, любят апостолов Христовых, любят Матерь Иисуса Христа, любят святых мучеников, преподобных, праведных. Они любят и стремятся чаще принимать Божественные Тайны Христовы. В минуты скорбей и неприятностей они читают Спасителю акафист, поют молебны и прочее.

Семья священника – малая Церковь, утвержденная во Христе, всегда мирна, тиха, трудолюбива, молитвенна, благодатна. И какое великое счастье для батюшки, когда его семья, как и он, живет во Христе, Им питается, Им духовно согревается, Его любит и искренне чтит.

Как известно, в семье огромное значение имеет мать. Сколько счастья, радости, тишины доставит батюшке и детям матушка, если она будет проникнута мирным духом Христовым! Тогда и священник не будет расстроен, но всегда тих, спокоен, молитвенен, и дети будут расти

психически здоровы, веселы, жизнерадостны.

Таким образом, личная и семейная жизнь пастыря во Христе – вот идеал, к которому должен стремиться пастырь.

б) Жизнь пастыря в Церкви Христовой (богослужения, требы)

Жизнь пастыря Христова складывается из трех основных моментов: жизнь во Христе, жизнь ради Церкви Христовой и жизнь ради паствы.

Мы рассмотрели в кратком обзоре жизнь пастыря во Христе, в его личной и семейной жизни и жизнь его ради паствы, то есть, душепопечение о ней; остается кратко сказать о жизни пастыря в Церкви Христовой. Разумеется, это не есть какая-либо особая и совершенно отдельная жизнь пастыря, то есть, жизнь вне Христа и паствы. Наоборот, жизнь пастыря в Церкви Христовой – это и есть полнота жизни во Христе и пастве, выражаемая в богослужении и требах.

Любовь пастыря ко Христу есть вместе и любовь к Его Телу – к святой Церкви Христовой, Главой Которой Он является. Церковь Христова заложена на Голгофе, на краеугольном Камне – Христе, окроплена Его Святой Кровью и воплощает в Себе все благодатные силы и средства для спасения членов Своих. Здесь всякий шаг, всякий камушек полит кровью или святых апостолов или иных подвижников. Каждый закон и правило внушены Святым Духом. Все Им обвеяно, осенено, освещено. Нет ничего лишнего, ненужного. Все благодатно, крайне потребно и спасительно...

Церковь Христова – источник всяких духовных дарований; в Ней зарождается жизнь человека, растет и совершенствуется. Здесь проистекают обильно телесные и духовные дарования, потребные для временной жизни и необходимые для вечной. Здесь и кладенец духовного разумения, и высшей мудрости, которая «как дар совершен, исходит свыше». Каждое слово Церкви есть результат, с одной стороны, озарения от Духа Свята и с другой, – плод многовекового опыта, труда и великих подвигов отцов и учителей, просиявших миру, как светочи и маяки среди бурного житейского моря.

Каждый обряд, начиная с великих, восторгающих и умиляющих, кончая самыми малыми, есть средство, способствующее духовному очищению и самосовершенствованию. Как пост умерщвляет страсти, крестное знамение поражает бесов, молитва просвещает ум, сердце, так и все прочее, что предлагает наша благостнейшая учительница – Христова

Церковь, установлено для нашего же блага и спасения.

Все это опытно знает пастырь, поэтому Церковь Божия для него есть и питательница, и всеблагая Мать. По собственному опыту знает пастырь, как тяжел путь к духовному восхождению, как трудно подняться от земли к небу. Сколько раз, понадеявшись на свои силы, он срывался с крутизны и падал в бездну на радость диаволу, на скорбь ангелам и для собственных страданий и мук. Теперь льстец уже не прельстит его и не обманет. Он знает, что нет спасения вне Церкви Божией, что тот человек, который пожелает придти к Богу помимо Церкви Христовой, рано или поздно, но будет уловлен врагом, который, если не прельстит его явным грехом, то погубит самообольщением и гордыней. Поэтому после Господа и Спасителя всю надежду возлагает он на Церковь Божию. Состоящая из Богоматери, небесных ангельских чинов, сонмов праведников и из верных, живущих на земле Она является его щитом и ограждением, опорой и утешением. В Ее спасительный ковчег укрывается он от потопления греховного, от бурь и ураганов, которые подымает диавол на его бедную душу. Получивши от Нее многожды руку помощи и щит спасения, он стал Ее преданным сыном и служителем.

«Чем возблагодарить Тебя, многомилостивая Мать – Церковь за те милости, которые являешь на мне окаянном? Что воздам Тебе за ту помощь и водительство, любовь и охрану, которые ежеминутно ощущаю на себе? Ничего не могу воздать Тебе, убогий я и бедный. Если не оскорбила Твоей святости моя нечистота, то прими меня всего с телом и душой. Весь я желаю быть Твоим работ... Возьми мое тело, душу, возьми меня всего» (Молитва из «Пролога»).

Зачатая во времени на небе из светлых духов, Церковь, по милости Христа, ныне восполняется жителями земли, Пресвятая Дева Мария, лики пророков, апостолов, святителей, мучеников, преподобных и праведников, мужи, жены, отроки и дети всех возрастов и сословий радостно принимаются в ряды избранников Божиих. Милость Господня столь безгранична, что и наши грешные имена заповедано ангелам внести в Книгу вечной жизни.

Все это не красивые фразы, не образы, а святая, радующая сердца действительность. Все это «добрый пастырь» видит духовными своими очами; он общается с Небесною Церковью, чувствуя подле себя веяние крыльев ангельских, принимает озарения из сего духовного мира, всей душой тянется к нему и получает от него ответ на свое устремление. Церковь Христова – для него весь мир, обнимающий собою не только нашу планету, но и те неизмеримые пространства, которые Священное

Писание именует одним словом «Небо».

Все это единение духов и душ ангельских и человеческих, как находящихся в надземных мирах, так равно и заключенных в смертных телах, святых воедино в Господе нашем Иисусе Христе, душ, питающихся Телом и Кровью Богочеловека или удостоившихся на небе непостижимого приобщения сущности Божества, связанных взаимной любовью. Эту Церковь Бога Вышнего и возлюбил пастырь единой, нераздельной, превысшей любовью. Проникнутый любовью ко Христу, пастырь с особой ревностью выполняет все церковные богослужения. Для него служить – великое счастье, совершать Таинства – высокая честь. Все церковное доставляет ему истинное наслаждение. Он – пастырь во Христе. Он любит Невесту Христову – Церковь и все Ее убранство; традиции, обычаи ему милы и дороги.

Особенно следует остановиться на требованиях церковных и спросить, какое должно быть отношение пастыря во Христе к требованиям? Самое должное, внимательное, искреннее. Слово «требая» значит потребность, потребность от народа. Они «требуют», просят батюшку исполнить для них духовную потребность. И священник обязан удовлетворить эту «требую». Пастырь, живущий во Христе, всегда готов на потребу. Зимой или летом, ночью или днем, в ненастье или в хорошую погоду, болен он или здоров, занят или свободный, – он всегда идет навстречу духовным нуждам пасомых.

... Вот батюшка приболел. На дворе дождливая ночь, грязь. Входит матушка. «Приехали на потребу, умирает старушка, причастить. Но ты ведь болен. Ехать не можешь, не правда ли?». «Да, конечно», – неохотно соглашается батюшка. И только матушка вышла объяснить приехавшему, что батюшка болен, как за ее спиной послышался голос: «Через пять минут я еду"... Он взял Святые Дары, оделся потеплее и... трясаясь от холода, ухабов неровной дороги, ехал «на потребу». Верная матушка сидела рядом. Могла ли она отпустить его одного? Ведь он болен, да еще такая темная ночь и непогода...

А вот другой случай. Почтенный и образованный батюшка только что отслужил праздничное Богослужение. Сказал хорошую проповедь о любви к ближним. Отдыхает. «Три женщины хотят исповедаться», – входя в комнату, говорит матушка. «Где же они были раньше? – возмущаясь, говорит батюшка. Выходит. «Придите завтра утром, я вас вместе с другими поисповедаю, причащу за Литургией». Женщины мнутя. «Батюшка, это мои дочери, – говорит старшая, – прилетели с Урала. Двадцать лет не причащались. Завтра снова улетают». «Ну вот, утром

поисповедаетесь, причаститесь, – убеждает священник, – и снова летите». Женщины ушли и, представляете, больше не пришли. Двадцать лет не причащались и теперь еще на двадцать лет, а может быть, и навсегда... Спрашивается, кто из этих двух пастырь во Христе и кто наемник, то есть, без Христа?... Да, может быть и пастырь, но без Христа.

Итак, пастырю надо жить только во Христе, в Его Церкви и быть сердцем своей паствы.

Глава IV. Пастырство святых апостолов

1. Созидание Церкви Христовой и подготовка Апостолов к руководству Ею

Говоря о Церкви Христовой, хочется здесь привести высказывание одного видного церковного деятеля о духе Церкви и Ее положении в мире. Некоторые мыслители утверждают, что настоящая, истинно правильная жизнь Церкви Христовой – в стеснении, страдании, унижении, подобно тому, какое положение имел в этом мире Ее Основатель, Господь наш Иисус Христос. Вот, например, что говорит профессор [М.М. Тареев](#) по этому вопросу: «Церковь Христова, – говорит он, – всегда была в унижении, часто в гонении. Это Ее настоящая нормальная стихия. Не во внешней славе, могуществе, великолепии, а во внутренней красоте, терпении, страдании Ее настоящее, неподражаемое величие⁷⁹. Так учат святые отцы и многие церковные деятели.

В дни Своей земной жизни Христос Спаситель объединил вокруг Себя всех верующих в Него, а среди них особо близко поставил к Себе избранные Им апостольские группы (из двенадцати и семидесяти Апостолов). Из верующих в Него должна была образоваться Церковь Христова, а из апостольских групп – первое руководство этой Церковью.

«Созижду Церковь Мою, – сказал Христос Апостолу Петру, – и дам тебе ключи Царства Небесного» ([Мф. 16,18](#)). И Он создал Церковь, «стяжав Ее кровию Своею» ([Деян. 20,20](#)), «возлюбив Ее» ([Еф. 5,25](#)), пребывая в Ней всегда, как Глава в теле Своем» ([Еф. 1,22–23](#)). Созидая Церковь Свою, Христос созидал и тех, кто должен был заменить Его в деле руководства благодатной жизнью этой Церкви.

В Своей прощальной беседе с учениками Он говорит об избрании их Им Самим: «Аз избрах вас... от мира сего» ([Ин. 15,19](#)). В Своей Первосвященнической молитве Он исповедует перед Отцом их божественное посланничество, которое является продолжением Его посланничества. «Якоже Мене послал еси в мир, и Аз послах их в мир» ([Ин. 17,18](#)). Они должны продолжить Его служение по исходе Его от мира.

«Сии в мире суть, Аз к Тебе гряду, Отче Святыи! Соблюди их...» ([Ин. 17,11](#)).

Избрание и предуготовление Апостолов на служение Церкви Христовой имеет свою историю. Оно началось при самом начале общественного служения Спасителя. Апостолы были не просто выделены

из среды верующих, а избраны ([Мф. 3,13–14](#); [Лк. 6,18](#); [Ин. 15,16](#)). Отдельно и особо Христос научил Апостолов, изъясняя им подробно то, что прикровенно говорил народу ([Мф. 13,36–37](#); 15,15), открывая им недоступное другим ([Мф. 16,20](#); [Мк. 14,17](#)), наедине раскрывал им многое о Царствии Божиим ([Деян. 1,3](#)). Только они, в силу особой близости ко Христу, были свидетелями установления Таинства Евхаристии и участниками его ([Мф. 16,20](#); [Лк. 22,14](#)).

По воскресении Своем Христос, по свидетельству Апостола Петра, является «не всему народу, но свидетелям, предызбранным от Бога нам... И Он повелел нам проповедовать людям и свидетельствовать, что Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых» ([Деян. 10,41–42](#)).

Явно выделяя Апостолов на общественное служение Церкви Христовой ([Ин. 20,21–23](#)), Спаситель сообщил им благодатные и особые полномочия и обязанности: священнодействовать ([Мф. 28,19](#)), учить ([Мф. 28,20](#)), вязать и решить (18 ст.) и сверх этого послал им Утешителя и даровал благодатные силы и особые дарования ([Деян. 2,2–4](#)).

С этого момента и начинается служение Апостолов в Церкви Христовой, созидаемой «на основании Апостолов и пророков и на краеугольном Камне» – Иисусе Христе ([Еф. 2,20](#)).

Получив благодатные силы в день Пятидесятницы к совершению своего служения, Апостолы стали проповедовать и созидать «Тело Христово», то есть, Церковь Божию.

Так, Апостол Петр в день святой Пятидесятницы обратился к собравшимся в Иерусалиме с проповедью о Господе Иисусе Христе. И когда «умилившиеся сердцем» спрашивали, что им делать, то Апостол ответил: «Покайтесь... креститесь во имя Иисуса Христа для прощения грехов и получите дар Святого Духа» ([Деян. 2,38](#)). Крестившихся и присоединившихся в тот день оказалось «около трех тысяч». Они пребывали «в учении Апостолов, в общении, преломлении хлеба и в молитве» ([Деян. 2,42](#)).

Так было положено начало Церкви Христовой по вознесении Спасителя. Церковь стала складываться в виде общества верующих во Христа, входящих в единый, благодатный организм Церкви как Тела Христова через: 1) покаяние, 2) крещение и прощение грехов и восприятие благодати Святого Духа, 3) пребывание в учении и молитвенном общении с Апостолами и 4) преломлении хлеба, то есть, Таинство Евхаристии.

Как видим, Церковь сразу же стала создавать свои основные организационные формы для созидания спасения всех, входящих в Ее состав.

Мы видим, как святые Апостолы, будучи преемниками и «сорботниками» ([1Кор. 3, 9](#)) Христа, созидали «Тело Христово», то есть, святую Церковь. Рассмотрим их учительство и душепопечительство.

2. Учительство святых Апостолов

Насущнейшей обязанностью Апостолов, окруженных тьмою неверия, явилось благовестие Евангелия. Апостол Павел говорил: «Христос послал меня не крестить, а благовествовать» ([1Кор. 1, 17](#)). В этих словах Апостола не исключалось крещение как обязанность, но лишь ставилось на второе место. Прежде чем крестить, надо сначала духовно просветить, поучить истинам веры, познать Того, в Чье имя следует креститься. Этот порядок действия указан в словах Спасителя: «Шедше, научите вся языки, крестяще их... учаще соблюдать все, что заповедал вам» ([Мф. 28](#)).

Учить, крестить, вновь учить, – вот порядок действия в учительстве Апостолов. Книга Деяний апостольских и Послания апостольские ярко показывают нам, как шло это учительство, какие трудности встречало на своем пути, как их преодолевало, как созидало «Тело» Христово. Это дивные страницы об обновлении духовном, возрождении целых стран и народов, о их примирении с Богом, друг с другом, о их стремлении и созидании Царства Божия на земле.

Указанные источники (Деяния и Послания) охватывают основные моменты в благовестии Апостола Петра, отчасти Апостола Иоанна и наиболее Апостола Павла. О проповедничестве других Апостолов сказано очень мало.

Как шло благовестие? Из чего оно исходило? Оно исходило из основного факта того времени – из явления в мир Спасителя, умершего за грехи людей и воскресшего для их обновления и воскресения. Вся проповедь Апостолов состояла из свидетельства того, что «видели своими очами, что осязали руками» ([1Ин. 1, 1–2](#)). Апостол Павел говорил Коринфянам: «Я преподал вам то, что и сам принял», то есть, что Христос умер за грехи наши по Писанию и что погребен Он был и что воскрес в третий день по Писанию и явился ученикам ([1Кор. 15, 3–8](#)). Так шло благовестие Апостолов. Оно сопровождалось и чудесами и глубоким влиянием на души слушателей.

На пути апостольской проповеди стояло много препятствий: и суемудрие образованного языческого мира, и злонамеренность и ухищрения врагов христианского учения, и косность религиозно – бытовых традиций еврейского народа, и низкий моральный уровень языческого мира. Но все это преодолевалось явлением «Духа и силы» ([1Кор. 2, 4](#)) в апостольской проповеди, и она успешно распространялась в

древнем мире, создавая крупные церковные центры в Иерусалиме, Антиохии, Коринфе, Риме и других городах.

Отношение Апостолов к благовестию и всему делу служения Церкви характеризуется чертами подлинного христианского пастырства и глубокого душепопечительства.

3. Душепопечительство святых Апостолов

В Посланиях апостольских нашел себе отражение дух высокой отеческой любви и постоянной заботы Апостолов о спасении новопосвященных чад Божиих. Они для Апостолов «дети» ([1Ин. 2,1](#)), «возлюбленные» ([2Петр. 3, 17](#)), «братья возлюбленные» ([Иак. 1,16](#)). Для них у Апостолов «уста отверсты и сердце расширено» ([2Кор. 6, 11–12](#)). Для них они готовы на все подвиги. Чтобы понять трудность и величие этих подвигов, нужно вспомнить обстоятельства, среди которых совершалось душепопечение апостолов. Нужно было не только научать истинам веры новопросвещаемых, но и одновременно отвратить их от прежних языческих верований и еврейских заблуждений, предостеречь от новых лжеучений и ересей, объединить в новое христианское общество, то есть, Церковь Христову.

Вся религиозно – общественная жизнь у народов того времени пришла в бурное движение. От каждого требовалось решение: отдаться ли водовороту новой, духовной, самоотверженной жизни или оставить внутри самого себя старые верования и вековой уклад жизни своих предков. В этой борьбе каждого с самим собой огромную роль сыграло поведение благовестников новой жизни. Они (Апостолы) несли верующим не только благовестие, но и свои души ([1Сол. 2,8](#)), обходясь с ними, «как кормилицы с детьми» (2,7), как любящий отец, готовый просить, убеждать, умолять каждого из верующих «поступать достойно Бога» (2,11–12). Апостолы были для «всех всем», плача с плачущими, изнемогая с изнемогающими и немощными, чтобы «спасти, по крайней мере, некоторых» (1кор. 9, 22).

Прощаясь с ефесскими пресвитерами в Мелите, Апостол Павел говорил им: «Вы знаете, как с первого дня пребывания в Азии я работал со всяким смиренномудрием, со многими слезами, среди искушений от злоумышленных иудеев... Ни на что не взирая и не дорожа своей жизнью, с радостью совершал поприще мое и служение... Уча всенародно и по домам, не упускал возвещать вам всю волю Божию» ([Деян. 20,18–27](#)).

Высшего предела пастырская душепопечительность достигла у Апостолов, когда они терпели страдания, невзгоды, раны, мучения и угрозы смертью за благовестие Евангелия и за любовь к своим чадам. Об этом так говорит Апостол Павел, обращаясь к Коринфянам: «Был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти». И далее подробно описывает то, что претерпел за имя Божие, благовестие, за

любовь к возлюбленным чадам ([2Кор. 11, 23–32](#)).

Тайна любви апостольской к людям заключалась в тайне их любви ко Христу, в их непреодолимом желании, чтобы и в них изобразился Христос. «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос» ([Гал. 4,19](#)).

Для Апостолов «во Христе сокрыты все сокровища премудрости и ведения» ([Кол. 11,3](#)) и сама жизнь. Просвещая и наставляя верующих, апостолы призывали их к развитию в себе внутренней, духовно – сознательной, благодатной жизни, чтобы жить во Христе и со Христом. «Испытывайте самих себя, что Иисус Христос в вас» ([2Кор. 13, 5](#)).

Тайной, «сокрытой от веков и народов», и открытой в последние дни, является тайна о том, что «Христос есть в вас» ([Кол. 1,27](#)) и «вы Христовы» ([1Кор. 3, 23](#)).

Апостолы указывают также и на тайну будущего, ожидающего всех, живущих во Христе: «Не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» ([1Кор. 2, 7–9](#)). Какая великая милость дается человеку в этой земной жизни и какие неизреченные радости ожидают его в будущей жизни, если он сохранит верность и преданность Христу. Ради этих чрезвычайных обетований следует оставить соблазны и «дела плоти» и пленять всякое помышление в послушание Христу ([2Кор. 10, 5](#)).

«Чтобы не я уже жил, но жил во мне Христос» ([Гал. 2,20](#)).

Вся сила пастырской любви и самоотверженности апостольской душепопечительности сводилась к основной заботе: умудрить каждую душу ко спасению через веру во Христа, «открыть всем домостроительство тайны спасения, чтобы уразуметь превосходящую разумение любовь Христову и исполниться всею полнотою Божества» ([Еф. 3,9,19](#)).

Наряду с заботой о духовном питании верой во Христа, Апостолы старались устроить весь распорядок жизни верующих на началах любви христианской. Каждый из верующих, движимый этой любовью, приносил к ногам Апостолов все, что имел, чтобы поделиться с неимущими. Так возникло материальное равенство братской любви, ибо «имели все общее» ([Деян. 2,44](#)). «И каждый день единомысленно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа» ([Деян. 2,46–47](#)).

Для создания верующему народу всех удобств в христианском общении было установлено Апостолами служение диаконов и диаконское в дополнение к иерархическому институту (епископов, пресвитеров) и к институту чрезвычайных служений (пророков, благовестников и пр.).

Так создан был руками Апостолов и благодатию Божию дом Божий, «который есть Церковь Бога живого, столп и утверждение истины» ([1Тим. 3,15](#)).

4. Учение святых Апостолов о качествах пастыря (по пастырским Посланиям Апостола Павла)

В Посланиях Апостола Павла мы находим подробный перечень положительных качеств пастыря и целую методику советов для стяжания этих качеств. Рассмотрим этот раздел темы по следующим вопросам: общие качества пастыря по учению святых Апостолов; семейная жизнь пастыря и советы юному пастырю.

а) Качества пастыря

«Аще кто епископства желает, доброго дела желает» (1Тим. 3,1).

Святитель Григорий Двоеслов, укоряя страсть к священству тщеславных и недостойных, говорит: «Апостол говорил так в то еще время, когда каждый представитель церкви своей первый делался жертвой мучителей. Значит, тогда похвально было желать епископства и потому уже, что с ним соединялась и явная опасность подвергнуться тягчайшим страданиям⁸⁰.

Говоря объективно, мы тоже можем претендовать на славную участь апостольских времен и потому, по Апостолу, желая епископства (пресвитерства), доброго желаем. Но, одного желания недостаточно. Необходимо иметь и соответствующие качества.

По этому поводу хочется привести замечательные слова одного благодатного старца (схиигумена Анастасия), сказанные им своему ученику молодому священнику: «Не ищи, чадо, ни Рима, ни Иерусалима, а уготовь дом души твоей, и к тебе придут не только Петр и Павел (явление преп. Сергию), но и Сам Господь с Пречистой Своей Матерью и сонмом святых ангелов⁸¹.

Каковыми же качествами должен обладать пресвитер? Епископ (пресвитер), прежде всего, должен быть «непорочен». Порок есть высшая, последняя стадия в развитии греха (помысл – грех – порок). Кто впал в порок (страсть), тот потерял власть над собой, сделался рабом греха. Как же может управлять другими тот, кто утратил власть над самим собой? Как звать к святости, когда сам с головой погряз в чаду греха и порока?!

Пресвитер должен быть «единой жены муж». Муж должен единожды жениться, и женой его должна быть непорочная девица. Это потому, что

соединение двух существ происходит по образу единения Христа с Церковью, которые едино, нерасторжимо и непорочно. Всякий муж, имевший связь с несколькими женщинами, и женщина, познавшая нескольких мужчин, растлеваются, развращаются телом и душой, утрачивают целомудренное, чистое, святое отношение к людям. В них вселяется дух порочности, нечистоты, грязного, греховного помысла, борьба с которыми очень затруднительна.

Как человек с такой порочностью, растленностью в душе может руководить верующими, в большинстве женщинами?!

Должен быть «трезв» умом, сердцем и телом (не пьяница). Трезвомыслящий не легко поддается соблазнам и искушениям. Он здраво, чисто, недвусмысленно смотрит на вещи и относится к людям в трезвости и собранности ума и сердца.

Должен быть «целомудрен», то есть, цел умом, прост и не раздвоен сердцем. Для целомудренного все кругом целомудренно, то есть, все чисто, все любезно, все достохвально и достойно Бога. В каждом мужчине целомудренный видит брата во Христе, в каждой девушке – сестру во Господе, в каждой женщине – мать или бабушку во святыне Духа. Такие чувства должны сопутствовать пастырю на протяжении всей его жизни.

Должен быть «честен». Честен в своих мыслях, в труде, в отношении к людям, к Богу, к своему знанию. Честный значит добросовестный, исправный, строго исполнительный, послушный Богу, требованиям совести и служебного пастырского долга. Честный не присваивает чужого, нелицеприятен и справедлив ко всем. С ним легко жить и работать, ему легко и радостно подчиняться. Пастырю помогает быть честным сознание, что он ходит постоянно пред глазами всевидящего, справедливого Бога.

Должен быть «не корыстолюбив» (не сребролюбец). Всякая корысть возникает от угождения чреву, от животной самости. Корысть – идол, который встает между душой человека и Богом. Корыстолюбец – идолопоклонник. Эта страсть – одна из самых страшных и опустошительных. Пастырь, более чем кто-либо призванный служить единому Богу, должен всемерно преодолевать склонность к стяжательству. Уже раньше было сказано, что материальное вознаграждение – не цель в работе пастыря, а следствие. Чем выше труд, тем выше и доброхотнее его вознаграждение.

Должен быть «не сварлив» (не бийца), но тих и миролюбив. Сварливый не расположен к людям, он не доверяет им и ненавидит их. «Ненавидящий же брата своего есть человекоубийца» ([1Петр. 3, 15](#)). Сварливый, обычно он же корыстолюбивый, ищет только «своего» и пасти

хочет только себя самого, «господствуя над достоянием Божиим» ([1Петр. 5,3](#)), то есть, паствой и над своими сослуживцами, если они ему подчинены по положению. А между тем, пастырю должны быть свойственны противоположные качества: миролюбие и тихость. «Нетленная красота кроткого и молчаливого духа» ([1Петр. 3,4](#)). Мир с Богом, с паствой, со своими сослуживцами, со своей совестью, – вот что украшает и венчает труд пастыря.

Должен быть «страннолюбив». Страннолюбие – то же, что и человеколюбие. Все мы «странники и пришельцы» на земле, все дети единого Отца Небесного, члены одного организма – Церкви Христовой, все граждане земли и неба. Все заповеди для нас объединяются в одном слове: «люби», то есть, принимай в свое сердце всякого, с кем ты имеешь дело. Пастырь предельно будет счастлив, если он, сердечно любя людей, будет помогать им преисполняться Христовой любовью друг к другу. Пастырь без любви – то же, что пастырь без Христа.

Должен быть «не гневлив». Гнев, как и вино (обильно потребляемое), выводит человека из нормального состояния и делает бурным, опасным и страшным. Человек в таком состоянии способен на резкие движения, грубые слова, пагубные поступки. При гневе и алкоголе теряется человеческое достоинство, помрачается образ Божий в человеке. Состояние гнева и опьянения предосудительно для всякого человека, а тем более пастыря, призванного быть «образцом в слове, в житии... чистоте».

Должен быть «не двуязычен», то есть, не двуличен, не лицемерен, не лукав, не коварен. «Христос среди нас», – говорят друг другу служители алтаря Господня. Чтобы искренне, от души сказать эти ответственные, обжигающие слова, нужно иметь добрые, братские, искренние отношения. Они будут таковыми, если каждый из священнослужителей не свое будет искать, а только Божие, и постоянно будет озабочен тем, чтобы быть достойным своего священного звания.

б) Семейная жизнь пастыря

Проф. В. Певницкий говорит, что «религия христианская есть религия любви и примирения ([Ин. 14,27](#)), отсюда и пастырская забота – водворение мира и порядка: в семье, приходе, в обществе⁸².

Замечателен взгляд святителя Иоанна Златоуста на семейную жизнь священника. По его словам, «в семье священника должна царить определенная для порядка иерархия, то есть, муж должен разумно

главенствовать, имея соучастницей жену в управлении и воспитании детей⁸³. Но не одна власть характерна в отношении пастыря к семье. Здесь пастырь проявляет и отеческую любовь, не балуя, но умеренно строго относясь ко всем членам семьи. Все это пастырь делает не в силу его необходимого долга, но в духе отеческо-пастырской любви, без которой никогда не устоит ни одна семья.

Особенная сложность семейной жизни современного священника заключается в создании мирного контакта священника со своей женой. Наличная жизнь дает нам массу печальных эпизодов или прямо трагедий полного развала пастырской жизни. Враг спасения, желая развалить тот или иной приход, направляет ядовитые стрелы прежде всего на семью священника. Знает коварный, что духовное возрождение прихода тесно связано с семьей пастыря. Если семья священника слажена, мирна, организована, таким будет и весь приход, а если наоборот, в семье священника нет согласия, нет мира, любви, взаимодоверия, то обречен на крушение и весь приход.

Корень несогласия (в семье пастыря), как показывают жизненные примеры, кроется обычно в зазорном поведении жены священника. Она именно, как слабое существо, легче поддается демонским искушениям (Быт. 3, 6). Бывает, что в первые дни семейной жизни она будто ангел, но потом становится не лучше демона, раздражая, нервируя священника, недовольствуясь не только семейным, но и церковным строем жизни. Чтобы избежать всего этого, надо в самом начале семейной жизни священнику взять, по слову Златоуста, разумное главенство в семье, чтобы матушка не «задавалась» слишком, чтобы не «лезла» во все вопросы церковноприходской жизни. Чтобы она и любила, и боялась своего батюшку, и уважала его как священника Божия. В противном случае, при слабом попустительстве и изнеженной набалованности матушки, она возьмет инициативу в свои руки и будет «командовать» не только в семейных, но и общецерковных вопросах. При таком положении вещей не жди ничего доброго в жизни священника. Эта жизнь примет уродливый характер, далеко не умный, а главное, не церковно – благодатный.

Но чтобы поставить семейную жизнь священника по законам «иерархии», то есть, при разумном главенстве батюшки в семье, надо иметь одно условие. Надо, чтобы сам глава семьи (священник) вел себя во всем безукоризненно, то есть, чтобы он во всем был для матушки и детей добрым примером. И молитвенным, и выдержанным, и не многословным, и не ленивым, не суетливым, не малодушным и прочее. Видя наличие всего этого у своего батюшки, жена его, естественно, будет уважать,

слушаться и ставить детям в пример.

Семейная жизнь пастыря – показатель всего дела пастырства. Только пастырь, «хорошо управляющий своим домом, детей содержащий в послушании и честности... может хорошо пещись о Церкви Божией».

Семейная жизнь пастыря и вся его домашняя обстановка представляет из себя как бы малую домашнюю Церковь. Храм с прихожанами – большую общественную Церковь. Нельзя быть хорошим пастырем во второй Церкви, будучи плохим в первой. Если пастырь не молитвенен, неспокоен, сварлив и небдлагателен дома, то откуда у него возьмется желание и силы, чтобы быть другим в храме Божиим? Дух пастыря един и неделим. Он должен быть «верен в малом» (в своей семье), чтобы быть «верным», искренним и честным и в большом (то есть, в храме). Такая «верность», честность и искренность, питаемые живой верой в Бога, являются основой душепопечительности пастыря.

в) Заветы Апостола Павла юному пастырю

Имея в виду юность Тимофея, Апостол Павел говорил ему, что никто не будет «пренебрегать» этой юностью, если для всех он будет «образцом словом, житием, любовью, духом, верой и чистотой» ([1Тим. 4,12](#)). На этих словах святого Апостола Павла считаем нужным остановиться особо, так как они касаются непосредственно нашего кандидата священства и вместе нашего юного пастыря. Тем более, что эти золотые, полные великого пастырского смысла слова начертаны будут на внутренней стороне того «беленького» крестика, который украсит юную грудь нашего молодого «батюшки».

О слове юного пастыря

Синтез всего того, что предстоит нашему юному пастырю, как его первоначальная задача в отношении к себе и пасомым, заключается в словах святого Апостола Павла к Тимофею: образ буди верным словом, житием, любовью, духом, верой, чистотою ([1Тим. 4,12](#)). Пастырь на виду у всех, как свеча, поставленная высоко. Он открыт критике. Проповедь, дела, отношение к ближнему, горение молитвенное, вера его и целомудрие, – все это видят люди, замечают, и всякое отклонение от пастырских качеств жестоко судят. «Горе тому, чрез кого соблазн приходит», – говорит Господь. Такой иерей может поистине быть назван душеубийцей! Горек и

страшен будет суд Божий над ним.

Святитель Григорий Двоеслов с грустью упоминает о таких пастырях, которые одной рукой созидают, другой – разрушают. «Устоявшуюся воду пивасте и останок ногами вашими возмущаете, и овцы Мои попраием ног ваших живяху и возмущенную воду ногами вашими пияху» ([Иез. 34,18–19](#)). Сами пастыри пьют чистую воду, когда они почерпают учение из источника истины, но эту же самую воду, – говорит Святитель, – мутят своими ногами, когда позорят своею порочной жизнью святые правила. Пасомые жаждут чистого учения, а вынуждены бывают пить мутную вод⁸⁴.

За мою учебную пастырскую практику приходилось встречать и «добрых пастырей» и «наемников», или же таких, до сознания которых не дошел страх Божий, чувство страшной ответственности перед Пастыреначальником, то есть, пастырей беззаботных, иереев бытового, так сказать, штампованного типа. Знал я горевших, знал и угасших, и чадящих знаю. Люди истинной святости прошли пред моим очарованным взором; скромные, неутомимые делатели школы и жизни, простые и ученые, строгие и радостные, ходатаи и молитвенники, кроткие и молчаливые, «горячие и холодные» (Апок.), равно и такие, которых «изблевать» угрожает Господь из уст Своих. И все они в сущности своей – служители Слов⁸⁵.

Истоком человеческого слова является Логос, Слово Превечное, содержащее полноту Премудрости и Всемогущество творчества. Как внимательны, как осторожны должны быть пастыри Христовы ко всему их словесному учению! И как благоговейно должно быть наше отношение к каждому слову Божию, звучащему в храме!

Святой Апостол Павел пишет Тимофею: «О! Тимофей!.. Отвращайся негодного пустословия и прекословий, лжеименного знания, которому предавшись некоторые уклонились от веры» (6,20,21). Пустословие разрушает веру, выстуживает душу, как сквозняк, кощунствует над великим даром Божиим – словом мудрости. По мирскому немудрые, попросту глупые люди любят на каждом шагу нарушать заповедь Божию. «Не приемли имени Господа Бога твоего всуе», и говорят: «ей, Богу» – в подтверждение правды их слов. Такие не знают, что уродуют несмысленно древний монашеский диалог. (Два инока при встрече говорят: «спасайся, брат!», а приветствуемый отвечает: «ей, Богу споспешествующему!...»).

Учительная, проповедническая деятельность юного пастыря осуществляется в беседах о том «едином», что «есть на потребу» в

Таинстве покаяния, при разборе грехов кающегося для его душевного врачевания, но особенно в проповеди с амвона. И хотя искусство проповеди является предметом особой дисциплины – Гомилетики, постараемся все же кратко определить здесь, как именно начинающий пастырь должен служить примером для верующих в его слове проповедника.

Проповедник, возглашающий слово истины, должен со всем разумением и мужеством делать это святое дело. «Проповедуй Слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием» (2Тим. 4,2,5). На этом пути всегда встречались и будут встречаться пастырю различные противники. Это предусматривает Апостол и наставляет Тимофея (а через него и всех нас) быть бдительными во всем; перенося скорби, совершать дело благовестника (Там же, 4). Скорби же приходили и будут приходиться всегда, тем более, что в наше неустойчивое время люди стали: «самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы... неблагодарны (Богу), нечестивы, недоужелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержанны, жестоки, не любят добра, предатели, наглы, напыщенны» (Там же, 3,2–4). Будут встречаться проповеднику и «раздраженные умом, невежды в вере, всегда учащиеся, но никогда не могущие дойти до познания истины» (Там же, 3,7,8). Будут и были одержимые, недоброжелатели, имеющие власть порицать проповедников, творить им неприятности и т. п. И Апостол, приводя в пример собственные страдания за Слово, утешает всех, следующих по его пути: «Для слова Божия нет уз» (Глава 2,8; 11–14). Оно не оковывается цепями, звучит и будет звучать до скончания века, проникая сквозь толпу тьмы и невежества, подобно невидимым космическим лучам, ибо преобразующая сила его, исходящая от Бога-Слова, безмерна!

Постоянно помня, что пастырство есть путеводство к вечной жизни, проповедник должен всячески избегать, так называемых, злободневных, мирских тем временного характера и и абсолютно и заранее отказаться от всякой политической тематики, как именно не входящей в его духовную целенаправленность.

Излюбленных некоторыми священниками догматических тем не следует касаться на первых порах священнослужения, ввиду их сложности и трудности их усвоения (и самого изложения). Проповедь есть, главным образом, живая беседа к сердцу, а не только к уму слушателя; преимущественный характер – нравственный, она обращается к доброй воле человека, ищущего спасения для вечной жизни; догматические

проповеди уместны в специальной среде слушателей – богословов, студентов семинарий или академий.

Люди нашего времени во всех народах сделались до предела нервными, растерянными, подавленными трудностями и скорбями запутанной сложной жизни. Они колеблются в вере, в уповании на безграничную Божию милость всепрощения, ищут иных путей к выходу из трагедии жизни. Некоторые утратили доверие к священству, к целительным средствам Святых Таинств и в безнадежности и метаниях своих хотят получить от пастыря преимущественно утешение и ободрение и новую силу для борьбы со своими грехами. Здесь проповедник должен быть сугубо кроток, предельно ласков, внимателен и заботлив. Должен указать, что «надлежит быть соблазнам», что «в мире скорбни» будут души человеческие, и призвать человека к терпению и мужеству, ибо Христос победил мир!.. Проповеди утешения пользуются особой любовью мирских членов Церкви. Особую внимательность, полную любви, должен показать пастырь на заупокойных литургиях, где скорбь и горе утративших любимых, близких часто доходит до ропота на волю Божию! Осиротевшие забывают, что и их ожидает кончина, что наша земная жизнь со всеми святыми в Царстве Троичной Славы!..

Проповеди чисто учительные, посвящаемые описанию и толкованию евангельских событий или притчей Господа Иисуса Христа хорошо, так сказать, вдвигать в реку времени первого века, давая ему особый колорит, характеризуя природу, нравы и обычаи насельников Палестины. Такой способ очень оживляет слово пастыря, конкретизируя проповедь и чудеса Спасителя, приближая ее к настоящей живой действительности.

Проповедь, перегруженная цитатами, менее действенна, чем та, в которой основные цитаты подтверждают лишь самые важные ее моменты.

Форма проповеди предпочтительна устная, а не письменная. Молодой пастырь в живом своем слове легче и полнее передает свою веру, своим темпераментом легче привлечет внимание к теме. Но как для устной, так и для письменной проповеди пастырю рекомендуется тщательная подготовка дома. Голосовые средства в обоих случаях надо соразмерить с размерами храма и количеством молящихся, а продолжительность проповеди, даже наиболее одаренного Богом пастыря, отнюдь не должна превышать 15–20 минут! Надо научиться вкладывать в малое время наибольшее и живое содержание.

Весьма важно в нравственном приложении дать краткий, но яркий пример из жизни какого-либо святого, особенно который вышел из простых людей, из народной гущи и достиг святости. Яркий пример

действует неотразимо и запечатлевается в душе навечно.

О жизни юного пастыря

Принимая от Пастыреначальника чрез возложение рук архиерея высочайший дар священства, юный пастырь никогда не смеет забыть давшего его. Никогда и нигде его личная, семейная, общественная и церковная жизнь не должны стать, хотя в малейшей мере, поруганием святейшего имени Иисусова! Жизнь его не только не может быть «зазорной», но должна иметь еще до хиротонии доброе свидетельство от внешних, по смыслу канонического требования, предъявляемого к кандидату. Иначе сказать, молодой пастырь должен удовлетворять тем общим условиям этичности, которые исполняются даже простыми и не церковными мирянами. Здесь мы разумеем элементарную честность с самим собой и людьми, неуклонное правдолюбие, верность данному слову, воздержанность в чувствах, простую житейскую мудрость, незлобие и все те черты доброго члена общества, которые отличают человека от бессловесного животного. Это, так сказать, «негативная порядочность» человека, результат мирской морали.

«От христианина же, а особенно от пастыря, – говорит протоиерей Соболев, – Господь наш не порядочности только требует, а святости и совершенства⁸⁶.

Каждый только что рукоположенный священник, когда минуют первые дни несказанной радости празднества хиротонии, и жизнь начнет ему предъявлять свои требования, каждый пусть спросит себя со всею строгостью: как мне жить теперь? Как вести себя, чтобы жизнь вечная открылась во мне и чрез меня – в людях?... Как спастись самому и спасти людей от вечной смерти?...

Прежние навыки житейские, «порочные привычки», бывшие в связи с сомнительными друзьями, прежние интересы – тяготенья к мелочному и не существенному, старая манера «жить-поживать», – все это должно не только отойти «на второй план», но просто умереть для служителя Престола Божия! Новый человек должен родиться из ветхого. Все – новое! Теперь – только главное – «единое на потребу», «благая часть», избранная душою. Такому отрыву от старого в юном пастыре много поможет его неложное послушание прещениям Церкви, заключенным в своде канонов. «Известие Учительное» будет сберегать и предупреждать пастыря. Усиленное чтение святоотеческих трудов по Нравственному богословию,

[Игнатия Брянчанинова](#), епископа Феофана Вышенского, митрополита [Филарета \(Дроздова\)](#), архиепископа [Иннокентия Херсонского](#), епископа Тихона Воронежского и других, – все это духоносное обилие советов и наставлений создаст вокруг пастыря особую атмосферу, с которой он сроднится, которую никогда не захочет променять ни на какие иные чтения, будь то философская мудрость или художество мастеров литературы. Он не устремится уже по первому зову «приятелей» на праздную болтовню с ними, в которой осуждение человека перемешано с завистью или презрением, где ему удобно бывало величаться, «играя первую роль», или предаваться сомнительным намекам и недомолвкам в обществе женщин, или вину и чревоугодию, нездоровому смеху и вздорным анекдотам – этим убийцам слова. Пастырь постарается не терять более своего драгоценного времени впустую, но каждый час жизни он почтет ответственным, как бы последним, в который он должен служить Богу и людям, не ища своего... Он будет видеть пред собою «белую ниву», слышать вечный глас Спасителя: «Жатвы убо много, делателей же мало...».

На этом пути едва ли не самым трудным делом явится отыскание способа преодолеть свое низовое я, свою собственную, «независимую» волю, поставить богодарованную свободу человека в подчинение «свободе сынов Божиих». Преодолеть остатки самости, несобранности.

Панибратства и фамильярности – пережитков ветхой обывательщины – отнюдь нельзя допускать пастырю в общении с братьями по клиру. Следует помнить, что собрат наш есть, прежде всего, брат во Христе, а потом и человек, приятель или друг...

Со всяким излишеством должно порвать: безумное винопитие, курение, безмерное объядение, песни светские, шутовские карты, пляски и прочее бесчиние в «своей кампании», вдали от мирских глаз, даже должно с гневом отвергнуть пастырю! Мир не видит – Бог видит! Время нашему деланию положено столь краткое, что растрачивать его на угождение бесам мы сугубо не смеем. И особенно важно поставить так дело в самом начале пастырской работы.

Исходя из сознания великого достоинства священного сана, не следует, равным образом, разделять с мирянами их приниженную мирскую жизнь в ее примитивном греховном плане. Пастырь должен всемерно избегать, даже в гражданском платье, посещения домов мирских граждан, разве только посещения тяжело больных и их причащение, соборование и прочее. Отвержение себя и смирение себя, крестоношение и следование за Христом – такова жизнь пастыря в ее основах. А в

перспективе своей она есть постепенное восхождение, преобразование, обожение, Богоуподобление чрез приближение ко Христу, охристовление наше.

Остается добавить немного, касающееся пастырской внешности. Известно ведь, что «люди по платью встречают, а по уму провожают». Всякому кандидату священства известен состав священнической одежды и облачений. Необходимо лишь подчеркнуть, что пастырь, работая в миру, должен быть пред этим миром достоин своего сана. И вот нередко встречается, что, желая не унизить свой сан, священник, особенно молодой, начинает черезчур тщательно следить за своей внешностью. Создает особую, как ему кажется, подходящую походку, взгляд, манеру говорить и т. д. Между тем, эта искусственность легко переходит границу должного и необходимого, где «подобающая походка», жесты переходят в манерничество, речь отдает ханжеством, одежда выдает явное щегольство и желание блеснуть и выделиться, роскошные рясы с грустью напоминают бедные одежды Сына Человеческого. А все вместе взятое создает неприятный образ человека черезчур занятого собой и придающего своей персоне особое значение. «Благообразие лица, приятность телодвижений, стройность походки, нежность голоса, сплетение кудрей, благоухание маслен, драгоценность одежд и все другое, чем увлекается женский пол, может привести душу в смятение⁸⁷.

Сколько молодых пастырей выходило в жизнь с твердым намерением не поддаваться этому искушению. Не удержавшись на золотой середине, они впадают иногда в другую крайность – небрежение к своему внешнему виду. Неряшливостью, грубостью, грязнотой отталкивали от себя верующих, вызывая новые осуждения.

Пастырю рекомендуется следующее:

1. Цвет одежды (рясы) прилично иметь черный или темно-фиолетовый, цвет подрясника может быть различен, хотя и не яркок. Последний, а по местам и ряса, препоясуются расшитым или кожаным поясом.

2. Обувь рекомендуется черная: ботинки, сапоги, последние, главным образом, при богослужении.

3. Головной убор (не богослужебный): темная или синяя с большими полями шляпа, черная скуфья (или темно-фиолетовая) бархатная или суконная.

4. Волосы, борода и усы по традиции носят все духовенство Православной Церкви, причем, в городах – короткие, не ниже плеч; борода, ее длина и размер не регламентированы, но усы обязательно

подстригаются, чтобы не препятствовать причастию Святой Крови.

5. Обручальные кольца отнюдь не носят, принимая во внимание символическое обручение пастыря Святой Церкви. При хиротониях Церковью поются те же, что и в Таинстве брака, песнопения, тем же «образом круга» обходит поставляемый в сан святой престол, как и брачующиеся.

6. Руки пастыря, совершающего Божественную литургию и иные службы и часто преподающего благословение Божие, должны быть всегда безукоризненно чисты, ногти также чисты и ровно подстрижены.

7. Очень важно священнику помнить его обязанность благоговейного отношения к наперсному кресту. Отнюдь не следует без нужды касаться его руками, на земных же поклонах или придерживать его левой рукой, или полагать за борт рясы. Никак не допускать, чтобы крест падал при этом на пол! Миряне замечают такое неблагообразие и соблазняются осуждением пастыря.

8. Во время всех служб никакие разговоры, и громкие, и даже тихие замечания, никакие жесты, не относящиеся к чину служения, совершенно недопустимы. Памятовать должно всегда, что служащий стоит пред Святым Престолом, где покоятся Великие Тайны Тела и Крови Господа Иисуса Христа. Страх Божий да руководит ежечасно Его служителя.

Таковым, в общих чертах, должно быть устройство пастырской жизни пред лицом Бога и людей.

О любви юного пастыря

Научить людей любви, когда они еще не научились молиться Богу, не почувствовали Его в сердце, невозможно. Наука христианской любви отнюдь не есть собрание правил и предписаний и советов, каковые изобилуют во всех учениях «мира сего». Наука о любви есть сама жизнь, жизнь по любви. И отнюдь не следует смущаться «неумением» любить, «недостойнством» и т. п. Все такие колебания – от человеческой гордости, от самолюбия. Не ты любишь, а Бог в тебе любит. Не ты создаешь свое церковное сознание или свою любовь, но Господь! Видя твое доброе произволение к тому, а равно и твою немощь, Сам помогает, Сам творит тебя по Своему подобию, а ты только сумей смиренно, но и твердо отрешиться от малого и ветхого в тебе, сказать Господу: «се, аз – нива Твоя, Ты еси Делатель на ней!».

Откуда начать пастырю стяжание любви? «Достигайте любви,

ревнуйте о дарах духовных!» (Ап. Павел). Начало достижения – молитва покаяния, очищающая сердце. Затем – Таинства покаяния и причастия – и всегда – молитва веры о ниспослании любви. Следует помнить, что святые отцы ставят любовь на вершине нашего пути к Богу, и нельзя достичь вершины, не совершив всего восхождения по ступеням нашего совершенствования. Вначале человек, а особенно пастырь, должен приблизиться к подступам такой лестницы, а затем идти выше. Рекомендуются вначале воспитать в себе любовь ко всему, сотворенному Господом: к природе в ее целом великолепии, ко всему, что живет и движется и дышит. Ведь всякое дыхание хвалит своего Господа! И птицы, и животные, и звери, весь тварный мир, «доныне стенающий и мучающийся» (Ап. Павел) достоин нашего внимания и сочувствия. Святой Исаак Сирин определяет чистоту сердца, как «жалостливую, горячую любовь к птицам, к животным, к зверям»; примеры святых людей укрепляют нас в такой начальной любви: преподобный Макарий, преподобные Сергей и Серафим и другие имели друзьями своими птиц, животных, зверей, отнюдь не гнушаясь ими. Затем любовь поднимается выше. Она простирается ко всякому человеку, «ближнему и дальнему», одиноким, нищим, калекам, больным, даже ко врагам нашим. Тогда человек почтет радостью и душу свою свободно положить за всякого человека: пастырь – за пасомых, пасомые – за пастыря своего, который научил их всей Истине и Жизни, и сам так жил, как «образ верным – любовью».

Как представить себе дело любви? Это, прежде всего, «вживание» в жизнь и душу ближнего, поставление себя самого на его место, понимание его грехов и борьба с ними, как со своими собственными, отождествление себя с ним, желание для него всего того, чего сам себе желаешь, болезнование о нем, как о себе, постоянное стремление к помощи, к поддержке, к несению всех его тягот, нужд, горестей, недоумений, сорадование ему в его духовном росте, в его житейском даже благополучии, вдали от всякой ревности или зависти, или осуждения. Соболезнование ближнему в его болезнях, в одиночестве его, в старости, в растерянности и унынии... Голодает ли он? Жаждет ли он? Напой. В больнице ли? Посети. В темнице ли? Приди и утеши. Умирает ли? Ободри. Будь со всеми, как он. Ибо ты – это он, а он – ты, ибо все мы – единое Тело во Христе Иисусе.

Наконец, помолясь, усилься любить в человеке Самого Христа, принявшего все наши грехи, умертвившего их на Святом Кресте. В каждом встречном старайся разгадать душу, никак и ничем в не брезгуя, не

гнушаясь. Поступай так непрестанно, – и ближнего, и себя спасешь, ибо «любовь покрывает множество грехов».

Что же сказать о пастыре, которого не достигает зов любви? О пастыре внешне примерном, ученом в своем деле, добром хозяине прихода, благотворителе и учителе, не стяжателе, не блуднике или пьянице, но не возрастившем в себе любви к человеку? Вспомни слова апостола Павла о нем: «медь звенящая, кимвал бряцающий». Поистине, пастырь без любви не лучше наемника: сам не любит, и его никто не любит. Страшный автома⁸⁸. И впасть в подобное состояние – да не зарекается никто из нас. Мы погибнем, коль скоро подпустим к себе все слишком обычное, погрузимся в «привычное», в рутину, облечемся в букву мертвящего закона, а не в благодать свободы чад Божиих.

В заключение этих строк поведаю случай из прошлой жизни. Девочка, дочь бедняка, поступившая в школу, сгорала от стыда за свои жалкие лохмотья, за дырявые башмаки, за грязный платок на голове. Худенькая и бледная, она поминутно всхлипывала. Товарищи ее и подруги по классу косились на нее, перешептывались... Урок был посвящен заповеди о любви к ближним. Что тут сказать? Страшно остановить преподавание на одном словесном объяснении этой заповеди, надобно что-то сделать!.. К концу часа преподаватель спрашивает учеников: «поняли ли вы, что есть любовь к ближнему?». Общее молчание было ответом. Так в молчании класс разошелся по домам. А через три дня, в следующий урок преподаватель, оглядывая детей, не нашел бедной девочки на ее задней парте. Она сидела впереди неузнаваемая. Новое платье, начищенные башмаки, новая блестящая косынка! Она не плакала больше, но радостные влажные глаза ее с благодарностью смотрели на соседей. «Кто это сделал?», – спрашивает глубоко взволнованный учитель. Все молчат. «Кто тебя одел и обул?», – спрашивает он девочку. А она показывает на друзей своих пальцем: «Вот они сделали, все они!..» (Это из детской жизни).

Вы сейчас, кандидаты священства, являетесь во многом еще не искушенными в тонкостях пастырского служения. Но будете пастырями. Как только на приходе почувствуют в вас пасомые, какого вы духа, как только увидят, что в вашем лице они имеют дело с искренним, верующим и любящим священником, не сомневайтесь более в ваших силах. Дело ваше сделано: вы – пастырь Христова стада! Вы до конца исполните свой высокий долг.

О духе пастыря

Служить в духе примером для других – к этому также обязывает юного пастыря святой апостол Павел.

Что же есть дух пастыря? Откуда является он? Есть ли он «только энергия», «сила воли», решительность, твердость характера? Или то, что часто называют «темпераментом человека?... И все эти качества не являются ли слишком неопределенными, и не свойственны ли они множеству людей весьма далеких от всякой религиозной жизни? Люди «душевные» (по терминологии Апостола Павла) их имеют и пользуются ими чаще всего в целях своего честолюбия, для подчинения себе более слабых, нерешительных, вялых людей. Но Апостол не этих «вождей» имеет ввиду, когда вводит новое понятие «духовности». «Духовное тело», «духовный человек» – это прямые противоположности «душевному». Пастырь должен быть духовен, духоносен и не так, как все люди, а в мере большей, избыточествующей, чтобы у него было что отдать людям от такого избытка!.. Откуда же он возьмет это богатство, когда он сам подобен во всем братьям своим в их немощах, грехах, в их душевности?

При рассмотрении первых трех условий доброго пастырствования: слова, жизни, любви, поставленных Апостолом его ученику Тимофею, мы видим, как понимает святой Апостол Павел необходимые для церковной работы качества человека, в какой план поставляет он их; и качество духа входит туда же в своей специфичности; слово пастыря не есть слово только человеческое. Его жизнь – как бы ангелоподобна, его любовь ниспосылается ему Божией любовью. Все это позволяет нам утверждать, как некую непреложность, что и дух пастыря исходит из Святого Духа Божия. На временное налагается вечное. Царь Небесный, Господь и Бог наш зовет нас устами Церкви: «Приидите, примите вси Духа Премудрости, Духа разума, Духа страха Божия...» (Тропарь Великого освящения воды). Дух пастыря должен первым отозваться на этот призыв. Как сын отвечает на зов отца, ибо дух человека идет от Духа Божия. Мы, люди, по слову Апостола, – храм Божий, и Дух Святый обитает в нас. И когда мы молимся, мы молимся нашим духом в Духе Божиим. Мы не можем призвать Его Имени, как только чрез Него, в Нем Самом. Ему «изволися» возвещать Церкви всякую истину о вере, утверждать и укреплять нас в Православии. Мы исповедуем Его, как Параклита (Утешителя), и веруем, что Он есть Третья Ипостась Пресвятой Троицы; животворящий, от Отца исходящий, и Сыном посылается, равночестно и

равнославно со Отцем и Сыном поклоняемый всею тварию.

Духом Божиим действует пастырь. Его молитвенно низводит на святое Предложение, да пресуществит, преложит Он Сам предлагаемые Дары.

Первое качество пастырского духа – это благоговение пред всем святым, трепетное почитание всего, учрежденного Церковью, и служения Ей, где все велико и важно и нет ничего, чем можно было бы пренебречь.

Второе качество пастырского духа – это ненависть к неправде, к отцу лжи – диаволу, ко всякой тьме в мыслях, словах, делах. Это неутомимый поиск прежде всего Правды Божией. Это отражение нападений лживого искусителя молитвою и воздержанием, отвращение от обмана, от лести, от человекоугодничества. Пастырь должен пребывать в лучшей своей одежде – в прямоте и честности. Люди ищут этих качеств и если видят их в пастыре, идут за ним, «ибо глас его слышет».

Третье качество духа пастырского есть его молитвенность, Апостол зовет: «непрестанно молитесь». Утром и днем, вечером и ночью может молиться человек, подобно тому, как дыхание его прекращается только со смертью, так и молитва, которая есть дыхание души, не может прерваться без того, чтобы душа наша не «обмерла», не замедлила бы на пути к своему обновлению.

Четвертое и пятое качества духа пастырского, одно влекущее другое, – смирение и глубокий внутренний мир. «Бог гордым противится (то есть, самонадеянным, своевольным, «особающимся на зле»), смиренным же дает благодать». А благодать характеризуется полным миром, из которого не могут вырвать смиренного никакие нападения. Никакое волнение страстное, никакой мятеж мысли не нарушит мира – венца совершенного смирения!.. Здесь уместно вспомнить отца Церкви Русской – присночтимого митрополита Филарета (Дроздова), сказавшего в одной из проповедей, что противоположное смирению состояние духа – «своеволие» человека. Оно есть сумасшествие свободы его. Выпадая из смирения, человек обезумевает, почитая себя законом для себя, и, пользуясь богодарованною ему свободой, свободно, но зловольно налагает цепи на свой дух! Это болезнь и кара Божия всякому индивидуалистическому самоопределению⁸⁹.

Протоиерей А. Соболев говорит: «Должно подчеркнуть, что наше перечисление качеств пастырского духа только условное и дидактическое⁹⁰. Истинно сказать, все качества пастыря есть источники Живой воды Духа, текущие в вечную жизнь. Основное же (о нем мы беседовали ранее) – это дух любви, без которой ничто достигнутое не

будет иметь никакой цены в очах Божиих. Любовь же пастырская присылается Богом, как подобная Подобным, и одаряется непостижимой наградой. «Не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» ([Ис. 64, 4](#)).

Носитель власти Христовой, с строгой кротостью к людям, безжалостный к самому себе, благоговейный, правдивый, молитвенный, смиренный, мирный, любовный, – как не возгорится он, такой пастырь, благодарностью Богу, как не возрадуется обо всех этих великих дарах Его Духа?!

«Духа не угашайте», «Духом пламенейте!», «всегда радуйтесь!», «за все благодарите!», – эти апостольские призывы да станут победным стягом пастыря, в сени которого укроет он бесстрашно своих пасомых, ведя их по пути праведности и мира, и радости в Царствие Божие. Тот же «пастырь», который сам не стяжал этого внутреннего Царствия, достигаемого нашими усилиями, никогда не узрит и Царствия Божия, и грядущего во славе», – так говорит великий Филарет, митрополит Московский.

Время теплохладного пастырствования, обывательщины, привитой столетиями в жизни духовенства, чиновничьего отношения к священнейшим и ответственнейшим нашим обязанностям, казенной семинарщины и сухой академической рассудочности и прочего расслабления Духа, – все это должно быть уделом прошлого.

Структура государственного строя, изменившая в корне жизнь нашей Родины, повлияла и на людей ратного Христова поля. Новое духовенство наше должно быть образцом для всех в слове, в житии, в любви, в духе и вере, и в чистоте!

О вере пастыря

«Образ буди верным... верою...» (Ап. Павла к Тимофею). От пастыря люди теперь ждут веры прежде всего. И не какой-либо иной, но той, которую исповедует Святая Православная Церковь, той, которая содержится в Священном Писании и Предании, которой дышат молитвы и сердца народа.

Что же есть вера вообще, как состояние души? Может ли человек жить без какой бы то ни было веры?

История философских или социологических систем, не говоря уже о собственно религиозных, не знает подобной совершенной изоляции человека, такого немислимого существа, в котором отсутствовало бы

требование религиозного идеала. Человек тяготеет к тому, что превышает его собственные силы, что увеличивает его ценность, что обогащает и живит, не приводя при этом к жизненным противоречиям, воспринимается им, как данность или же как искомая реальность, но ни в коем случае не как миф, как результат воображения, как не сущее. К этому Сущему он стремится, как часть к целому.

Тяга к Целому отнюдь не является монополией или «заблуждением» одних только «церковников», но есть жизненная функция всякой человеческой души, всякой системы мыслей.

«Вера утверждается не на мудрости человеческой, но на силе Божией» ([1Кор. 2, 5](#)), ибо «мудрость мира сего – безумие пред Богом».

Прот. А. Соболев говорит: «Святая Церковь различает четыре рода веры: веру бесовскую (Толкование на Апостола Иакова), лишенную дара любви и ведения, веру человеческую, гадательную, колеблемую сомнениями (Апостол Фома, Апостол Петр), веру Божию, «действуемую любовью» (Апостол Павел), движущую горами, и веру мертвую, словесную, бездеятельную» ([Иак. 11,17⁹¹](#)).

Как же определяет понятие веры сам Апостол Павел? В Послании к Евреям (глава 11)) он пишет: «Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». То есть, ожидаемое нами и предвозвещенное древним, получает в нас свое оформление, становится органической частью нашего существа и существования. Отсюда мы получаем сознание прочности этого ожидаемого (как прочно и достоверно все наше сознание) и, не имея еще в составе нашего духовного опыта, как данность, еще не «видя» обетованного нам, мы уверяемся в его неизбежном явлении, в том, что оно уже есть реальность, что оно уже существует, как замысел в абсолютной реальности Божества...

Святой Апостол Павел отвечает и на вопрос о происхождении веры. Он говорит, что «мы веруем по действию державной силы (Иисуса Христа)» ([Еф. 1,19](#)). И дальше: «благодатию вы спасены чрез веру, и сие не от вас, – Божий дар» ([Еф. 2,8](#)). Державная сила благодати дарует человеку все. Чем живет его дух: упование, любовь, мудрость и веру. Но возвращаем мы веру нашими усилиями в борьбе с нашей косностью, недоверием, маловерием, слабоволием. Господь дает нам дар веры, как приточный талант, а обращаем его в рост мы сами. Поэтому и требует от нас Спаситель иметь «веру Божию», полную, мощную, потому и учит веровать непоколебимо, что получим просимое в молитве ([Мк. 11](#)), возбуждая тем самым нашу свободу веры.

Вера стоит пред юным пастырем, как задача! Она требует от него

ежечасного упражнения в богомыслии, молитве, чтении Священного Писания. Мы можем научиться ей при помощи державной силы благодати и научить вере вверенные нам души. Они, видя веру нашу, не смогут остаться незатронутыми ею. И по вере их будет им явлен Христос.

О чистоте пастыря

Понятие чистоты человека не является специфически – христианской мыслью. Религии древнего Востока уже содержали его в их аскетических учениях, как например, Ведды или буддизм. У индусов чистота была непременным и предварительным условием самоуглубления (интроспекции) для достижения высших степеней духа, управляющего телом. Буддисты доселе сохранили культ о чистоте телесной, как подобии совершенной чистоты их бога. Древне – иудейская религия, и ныне Талмуд, предписывают как телесную, так и нравственную чистоту «избранному народу"... Тяга к «чистоте вообще» свойственна человеку как цивилизованному, так и примитивному дикарю, как например, родна ему тяга к величавой и мирной красоте природы. Не является ли это неудалимое подсознательное влечение чуть слышным, затухшим отголоском позабытого зова: «Адам! Где ты..» Не есть ли оно бледное отражение погасшего Эдемского света, в котором первый человек и общий наш прародитель мог ежеминутно зреть Лик Божий чистым своим сердце?.. В подвальных многовековых галереях Соломонова храма всегда находились большие сосуды для обрядовых омовений, а царь – пророк и поэт поднял представление об обрядовой чистоте, достигаемой водою и постом, на высоту её духовного понимания. В своем пятидесятом псалме он молит Бога уже о чистоте сердца, об обновлении всей души, как бы разрывая тем самым с великой традицией, где чистота обычно понималась как чистоте тела, упражняемого в аскетической гимнастике дыхания, воздержания и управления волею и мыслями. В этом, именно, духовном аспекте понятие чистоты было заимствовано апостолом Павлом и перешло к отцам Церкви, как учение Предания о сущности и условиях чистоты сердца. Эта последняя только и может занимать внимание всякого христианина – подвижника. И хотя весь вопрос в его целом является предметом изучения в специальной богословской дисциплине – Аскетике, мы коснемся его вследствие тех требований, которые предъявляют пасомые к их пастырю.

Жизнь и личность пастыря должны быть чисты, то есть, не должны содержать в себе ничего из того «житейского» обычного неряшества, душевного беспорядка, которое осуждается даже в менее ответственных пред Богом мирянах. Люди говорят: «чистая душа», «нравственно чистый человек», «чистые возвышенные стремления» и т. п.

Чистота природная, о которой говорит Господь в Евангелии ([Мф.19](#)), как о «чистоте скопцов, которые из чрева матери родились так, хоть и является даром Божиим, все же малоценна, малозначуща в очах Божиих⁹². Она есть качество пассивное. Но «есть скопцы, – продолжает Христос, – которые сделали сами себя скопцами для Царствия Небесного». И чтобы никто не подумал, что Господь проповедует здесь просто физическое самооскопление, Он прибавляет: «Кто может вместить, да вместит». Здесь говорится о чистоте, достигаемой свободой человека в процессе его становления, борьбы с собой. Это активная чистота души и духа есть уже великая добродетель, есть такое качество, на которое взирает Бог. Духовная чистота есть, прежде всего, свобода от всего, что оскорбляет благодать Божию и богоподобие человека, свобода от всякой внутренней скверны, исходящей из сердца, откуда «исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» ([Мф. 15. 18–20](#)), свобода от всех страстных влечений души.

Святитель Филарет Московский говорит нам о Деве Марии примерно такие слова: «Посвященная Богу в невинном Своем детстве, чтобы пребывать неизменно чистою, Она стала первым основанием несокрушимым ангельской на земле жизни. Всякий брак рождает только человека и лишь одна чистая девственность была достойна родить Богочеловека» (по памяти).

Всем, а особенно пастырям душ, указывается здесь направление пути для стяжания чистоты сердца. Если тленным людям невозможно достичь высоты и чистоты Девы Нетленной, то ангелоподобная чистота не закрыта от их воли к очищению себя, да узрят Бога (Заповеди блаженства). Здесь смысл монашеского подвига девства. Кому же из пастырей женатых девство закрыто, остается иной подвиг – целомудрия в самом браке. Оно вполне в нем достижимо, если пастырь видит в браке прежде всего таинственную сторону и его великую тайну – союза Христа и Церкви (Апостол Павел) и лишь после этого рассматривает брак, как повеление деторождения.

Есть священнические семьи, где муж и жена, хотя и не гнушаются друг другом (что было бы просто охулением таинства брака!) и рождали детей, но преуспели в совершенном устранении животнo-похотного влечения. «Просвети ... тело мое Твоею страстию бесстрастною» (Вечернее правило). Это вершина земного брака, который и на небесах не расторгается, но в Царствии Божиим, как свидетельствует Сам Спаситель, где люди «не женятся и не посягают», пребывая в чистоте духовного их союза. Там нет и самой греховной плоти. Греховность не может

побеждаться еще и в нашей жизни бдительным, неустанным наблюдением над проявлениями животной жизни нашей природы, контролем над словами и встречами нашими, над чтением газет и книг. Этот контроль нашей совести, по природе чистой и стыдливой, облегчается тем, что мы навикаем избегать праздности и время наше заполнять, по возможности, всем тем материалом жизни и мысли, который выводит нас из затхлого круга повседневных, ничтожных и оскверняющих наклонностей.

Чистота пастырской души пленительна. Миряне чувствуют её, стихает перед ней празднословие, срамословие, смехотворство, лживость. Она вызывает заслуженное восхищение и у не церковных людей, которые просто недоумевают пред сиянием пастырской чистоты. Она приводит в восторг небожителей, которые радуются и дивятся этой чистоте.

Но, с другой стороны, что не чище душой живет юный пастырь, усиленнее неистовствует на него злобный дух. Не имея успеха над самим пастырем, он вооружается против него в лице самых близких людей. Не успевая в этом, он усложняет обстоятельства жизни, «раздувает» семейные и церковные неприятности, обостряет административные отношения и прочее. Словом, диавол беснуется, видя чистоту пастыря, и делает все возможное, чтобы «запачкать» его. Блажен тот священник, который до победного конца сохранит себя в чистоте жизни. Он будет победителем бесовских полчищ и непременно увенчается сугубым неувядаемым венцом вечной славы.

Чтобы юный пастырь был примером для других в слове, житии, любви, духе, вере, чистоте, ему в помощь дается особая благодатная сила.

Дар хиротонии

Юный пастырь имеет великую силу: благодать хиротонии. Лишь бы он не растерял, не развеял, не попрал эту силу. Священник-носитель благодати – может возгревать в своем сердце этот дар, и он будет для него как бы тем палящим огнем, который заставит пастыря всегда живо чувствовать в себе силу, врачующую его духовные немощи и восполняющую слабость его личных сил, благодаря чему он находит в себе силы идти по пути долга священнослужения даже в самые критические моменты жизни Церкви, не вздыхая и боясь, но радуясь.

Наоборот, постепенное погашение дара священства будет ни чем иным, как разладом внутреннего существа пастыря с его долгом, тем разладом, который может привести пастыря к смерти духовной и к разрыву с Матерью-Церковью. Отсюда ободряюще и предостерегающе звучат слова апостола: «Не неради о пребывающем в тебе «даровании», то есть, о дарах Святого Духа, преподанных для пастырского служения. «Не нерадеть» это значит постоянно возгревать эти дары. Так и говорит апостол: «Возгревай дар Божий, данный через рукоположение» ([2Тим. 2,6](#)).

Как возгревать? Святой Апостол указывает целую методику работы пастыря над самим собой. «Вникай в себя и в учение, занимайся сим постоянно», – говорит он, указывая, что самонаблюдение (наблюдение над своей духовной жизнью) и изучение Слова Божия необходимы на пастырском пути.

Добрая, благочестивая жизнь – основа пастырства. Поэтому Апостол далее призывает «упражняться в благочестии» ([1Тим. 4,7](#)) и «держаться образца здорового учения». Последнее особенно необходимо, чтобы «противящихся обличать» ([Тит. 1, 9](#)), «заграждать уста» обманщиков и пустословов (1,10).

Все, что пастырь получил путем предания, должен хранить, как зеницу ока. «О Тимофей! Храни преданное тебе». Не только хранить для себя, но и передавать «верным людям, которые были бы способны и других научить».

Призывая Тимофея быть «бдительным ко всем, переносить скорби, страдания, как добрый воин Иисуса Христа», Апостол дает ему отеческий совет. «Старайся представить себя Богу достойным делателем, неукоризненным, верно преподающим слово истины» ([2Тим. 2,15](#)).

Замечательны по этому поводу наставления святейшего патриарха Московского Алексия, выраженные им при вручении архипастырского жезла епископу Кассиану Угличскому в Троице-Сергиевой Лавре 26 марта 1961 года.

«... Никогда не забывай возгревать дар Божий, живущий в тебе ([2Тим. 1,6](#)) усиленной молитвой, особенно при совершении Божественных служб и в келии, неустанным поучением себя в чтении Слова Божия и писаний богодухновенных отцов и благочестивых учителей Церкви⁹³.

Таким образом, святейший патриарх указывает в основном три пути к возгреванию дара Божия: а) молитву богослужебную и келейную, б) чтение Слова Божия и в) чтение творений святых отцов и учителей Церкви.

5. Характерные черты образов святых Апостолов

а) Апостол Петр

Святой Апостол Петр – один из первозванных Апостолов. Уже не молодым он вошел в состав учеников Спасителя, будучи возрастом, по видимому, самым старшим из них. Однако, по пламенности своей веры, по живости и активности духа он был едва ли не самым молодым из них. В его характере не было лукавства, двуличия. Общение с природой и простыми нехитростными людьми сделало его натуру прямой, цельной, непосредственной. Его суждения соответствовали его жизненному опыту и пылкости его характера. По темпераменту его натура представляла сангвиника. Каждое из жизненных впечатлений он всегда готов был претворить в дело. Отсюда и поведение его определялось и жизненным опытом и живостью характера.

Иисуса Христа он сразу же воспринял пылко, целостно и безраздельно. Учение Христа, преподанное в жизненной правде и простоте и особенно чудеса Его пленили Петра и покорили вере в Божественную силу Учителя. Он первым из Апостолов исповедует веру во Христа как Сына Божия. Он пламенно показывает веру в Его чудодейственную силу, когда, оставив лодку, движется по водам навстречу Спасителю.

Христос Спаситель высоко ценил эти качества Апостола Петра и ввел его в состав трех избранных учеников. Они были с Ним в особые моменты Его жизни (Преображение, Гефсимания и пр.). Правда, тяжелым моментом в жизни Петра было его троекратное отречение от Христа, но оно было искуплено слезами покаяния всей последующей жизни⁹⁴. В этом отречении сказалось не вероломство натуры Петра, а лишь слабость и неустойчивость его человеческой воли, готовой и защищать Учителя (в Гефсиманийском саду), и одновременно отречься от Него. Вот почему Спаситель восстанавливает его в апостольском достоинстве тоже троекратным «любиши ли Мя... и паси овцы Моя» ([Ин. 21,17](#)).

Пламенность веры, отзывчивость натуры, инициативность воли выдвигали его в первые ряды среди Апостолов еще при жизни Спасителя. Неудивительно, что он сохранил это место и после вознесения Христова.

Первые страницы книги Деяний нам ярко говорят о руководящей роли Апостола Петра вместе с Апостолом Иоанном в первохристианской

общине.

С указанными качествами Апостол Петр входит в сознание и нашего пастыря, ободряя, вразумляя, укрепляя его, вдохновляя веру в Бога – искупителя и в пастырство.

б) Святой Апостол Иоанн Богослов

Исключительное впечатление производит на нас образ «Апостола любви». Этот образ особенно близок молодым юношам – кандидатам священства и молодым пастырям.

При жизни Спасителя этот духовно – одаренный юноша был самым юным, но вместе и самым преданным из Апостолов. С первого же дня общения со Христом его пленил чарующий образ Учителя, и он всегда старался держаться поблизости около Него, ощущая на себе, на своей чистой, целомудренно – нежной натуре благодатное влияние личности Спасителя. Близость ко Христу сделала его «наперсником» Христа. Учитель отвечал ученику нежной ответной любовью. Несмотря на молодость Иоанна, Господь поручил его заботам Своей Матери, усыновив его Ей.

Как губка впитывает юный Апостол в свою душу учение Божественного Учителя. Однако, окончательно постиг Его лишь в последние дни и часы жизни Спасителя. На Голгофе, стоя с Богородицею у Креста Божественного Страдальца, он решал мучительный для себя вопрос: за что вознесен на Крест его безгрешный Учитель? И невольно вспоминал он всю жизнь Учителя, напрягаясь в ней найти отгадку на этот вопрос. И чем больше вспоминал и в муках любви сострадал Христу, тем яснее для него становилась основная истина христианства – любовь. Божественная любовь к людям вознесла Христа на Крест для спасения людей, для примирения их с Богом.

Голгофа завершила духовное развитие Апостола. Она сделала его зрелым мужем – христианином – Апостолом. Здесь у него преизобильно открылся и дар возвышенной богословской мысли и дар беззаветной любви и дар духовно – пророческой проницательности. С тех пор он и сделался Апостолом любви. До самых последних дней своей жизни он любил повторять одни и те же слова, обращаясь к окружающим: «Чадца, любите друг друга». Лучезарная, проникновенная любовь ко Христу помогла понять ему и самую природу (естество) Бога. Озаряемый светом и духом этой любви, он возвестил нам, что

1. «Бог есть свет» ([Ин. 1,9](#)), и нам надо быть «чадами света»;
2. «Бог есть Дух» ([Ин. 4,24](#)), и мы должны родиться в Духе и жить в Духе, чтобы войти в Царство Божие ([Ин. 3,5](#));
3. «Бог есть Любовь» ([Ин. 4,16](#)), и мы призваны быть чадами любви.

Чем ближе Апостол подходил к концу жизни, тем больше открывалась его духовному взору, его тайнозрению будущая картина мира. Получая откровения от Бога, он пишет и Евангелие, и Послания, и Апокалипсис.

Образ этого великого Апостола хорошо передает икона, где он, мудрый и вдохновенный, получает откровение свыше.

Пастырь находит в образе этого Апостола неугасающий пример жертвенной, лучезарной, всепобеждающей любви христианской. Он же является и неугасающим образцом целомудрия, чистоты, непорочности и святости жизни христианской.

в) Святой Апостол Павел

Позднее прочих Апостолов обратился к вере во Христа «Апостол языков», но более их потрудился в благовестии. Он был чистокровным евреем («еврей от евреев», [Фил. 3,6](#)). Как сын фарисея, Савл и сам был фарисей и ученик известного Гамалиила. Родиной его был Тарс, славившийся науками. Чрезвычайная одаренность выделяла его между сверстниками. С детства обучаясь наукам, он обучался и искусству скинотворца ([Деян. 18,3](#)). Роста он был небольшого. Имел выразительное лицо, в глазах «много приятного». В пожилом возрасте имел густую длинную с проседью бороду. Открытый череп окаймлялся такими же волосами.

Первое понятие о христианстве Савл получил, вероятно, в школе Гамалиила, но едва ли он видел Христа или искал встречи с Ним.

Жизнь в еврействе развила в нем пылкого ревнителя еврейской веры и строгого защитника отеческих преданий. Все это располагало его к открытой и острой вражде ко Христу и к христианам. На нем, по замечанию святого Иоанна Златоуста, сбылись слова: «... иже убьет вы, возмнется службу принести Богу». Поэтому нет ничего удивительного в том, что он одобрял убийство архидиакона Стефана ([Деян. 8,1](#)), поступая по совести, хотя и заблуждающейся.

Путешествие в Дамаск для гонений на христиан было переломным моментом в жизни Савла. Свет небесный озарил его на пути, и он услышал

голос с неба: «Савл, Савл! Что ты Меня гонишь» ([Деян. 26,13](#)). Этот голос, свет и вся обстановка великого момента и «обратили его от тьмы к свету», то есть, превратили из Савла в Павла. Это произошло в 36 году по Рождестве Христовом.

С этого момента все переменялось в жизни Павла: отношение ко Христу, еврейству, к жизненному призванию, к людям и пр. Самый характер Павла круто изменился. Он вывел его из узких рамок еврейской исключительности на широкую дорогу вселенского благовестника. Все в нем с этих пор стало служить Евангелию: похвала и поругание, свобода и узы, жизнь и смерть. Для него не стало ни эллина, ни иудея, ни раба, ни свободного, ни мужского пола, ни женского, – все едино во Христе Иисусе. Для всех он стал учителем истины, образцом нравственной чистоты, избранным сосудом благодати.

Изумления достойно, что не будучи в личном общении со Христом, он, однако, постиг, духовно воспринял Христа и Его учение так глубоко и всесторонне, что сделался общепризнанным вселенским благовестником христианства. Последнее (христианство) дано было его духу, как откровение, как дар благодати и благодати Божией. «Благодатию Божией есмь то, что есмь», – говорил он. И все это по живой его вере в «живого Бога, Который есть Спаситель всех человеков» ([1Тим. 4,10](#)). Он на себе испытал, что основной тайной, открытой людям «является тайна о том, что Христос в нас» ([Кол. 1,26–27](#)). Главенствующим центром в психологии Апостола Павла явилась отсюда его жизнь во Христе и «Христа в нем». Отсюда и главной темой его проповеди явился Христос, призывающий, спасающий, благодатью одаряющий грешного человека.

В Христе – альфа и омега, начало и конец всей жизни христианина и здесь, на земле, и в будущем веке. Жизнь христианина должна складываться из подражания Христу в подвиге крестоношения.

Образ Апостола Павла – благовестника и христоносца – должен быть особенно близок душе пастыря.

Лучшее иконописное изображение его дано Андреем Рублевым. Здесь во весь рост дана его слегка согбенная величественная фигура. Молитвенно смотришь и не можешь оторваться от этого изображения; в нем художественно убедительно воплощена идея преображения человека, превращения ветхого человека в нового под влиянием христианства.

г) Святой Апостол Фома

«Господь мой и Бог мой» ([Ин. 20,28](#)).

«Доброе неверие Фомино...» (церковное песнопение). Сущность неверия Апостола Фомы: любовь к истине и жажда твердой веры. Основные черты его характера: любознательность, практичность (ощупать, убедиться, испытать, проанализировать). Современный разум идет таким же путем к вере.

Наш современный пастырь бывает во многом созвучен с характером Апостола Фомы. Недаром один профессор, обращаясь к нашим семинаристам, сказал: «Вы, юные друзья мои, более бываете фомисты, нежели семинаристы...⁹⁵. Потребность полного исследования, реального осязания истин веры, – черта современного воспитанника и студента духовной школы. Но какой прекрасный пример дает нам исход неверия Апостола Фомы! «Господь мой и Бог мой!!! И это на всю последующую жизнь его до самой мученической смерти⁹⁶.

6. О Царстве Божием и Церкви Христовой

Одной из центральных идей в учении Спасителя является идея Царства Божия. Царство Божие, начинаясь «внутри» ([Лк. 17,21](#)) человека, объединяет его с другими верующими в один благодатный союз членов Тела Христова – Церкви Божией.

Оставаясь единой Главой и Источником жизни Церкви ([Мф. 4,15–16](#)), Христос оставил после Себя на земле «соратниками» и служителями Церкви святых Апостолов. Апостолы, в свою очередь, свои высокие полномочия и обязанности передали своим преемникам – пастырям Христовым. Пастырство, таким образом, призвано созидать Царство Божие в душах и сердцах верующих и связывать их между собой «в союз мира и любви». Весь этот процесс созидания Царства Божия и Церкви Христовой прежде всего в душе самого пастыря должен совершаться в трех направлениях:

1. Созидание Царства Божия «внутри» себя пастырь начинает с себя лично.

Что есть Царство Божие? «Царство Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе» ([Рим. 14,17](#)).

С чего начинается созидание этих высоких качеств внутри человека? Оно начинается с решимости, с непреклонных усилий воли жить с Богом и в Боге.

Что мешает пастырю преисполняться этой решимостью? Мешает неупорядоченность в душе пастыря двух сил: центробежной и центростремительной. Первая влечет внимание пастыря отдаваться внешним впечатлениям и жить преимущественно ими. Вторая – к собранности, сосредоточенности духа для внутренней духовной работы над собой. Господство этой второй силы обеспечивается нормальной работой сдерживающих центров в центральной нервной системе, организующе воздействующих на весь организм человека, приучая все функции его держать под контролем этих высших центров (ума, рассудка).

Слабая работа сдерживающих центров, наоборот, ведет к нарушению всяких норм в поведении человека, то есть, духовно расслабляет его.

Митрополит Антоний говорит: «У человека два пути спасения: один – отрицательный – убивает внешними способами ветхого человека и страсти его и тем дает жизнь новому человеку; другой – положительный – питает любовью нового человека и тем умерщвляет ветхого⁹⁷. Несомненно, что

владыка здесь имеет ввиду именно внутреннюю борьбу человека за сохранение в себе единства нерассеянной мысли и необходимой собранности рассудка.

Религиозно – духовное развитие пастыря зависит, однако, и от другого центра – сердца. Из него вытекает все «злое и благое» ([Мф. 12,34–35](#)) в жизни человека.

Любит человек не умом, а сердцем, не рассудком, а чувством и влечением, исходящим от сердца. Нормальная жизнь сердца состоит в чувстве любви и в чувстве веры. Сердцем человек верит в Бога, любит Его и молитвенно общается с Ним. Вне сердца нет ни богообщения, ни благочестия.

В религиозно – духовной жизни оба центра (ум и сердце) находятся в тесном, благодатном взаимодействии, являясь в своей совокупности проявлением христианского духа в верующем человеке. Молится ли дома пастырь, предается ли богомыслию, совершает ли в храме Божию литургию, он делает все это одновременно умом и сердцем, растворяя слова молитвы движением сердечного умиления.

Вспомним преподобного [Серафима Саровского](#), владевшего в высочайшей степени даром сердечного «умиления», то есть, мира и радости о Святом Духе. «Восхождение горе» умом и умиление сердцем – вот два средства, которыми дух пастыря созидает Царство Божие «внутри» себя и Церковь Божию около себя – внутри своей паствы.

2. Христос основал Церковь Кровию Своею ([Деян. 20,20](#)). Апостолы сообщили Церкви осязательные формы как спасающей силе, действующей в условиях времени и пространства.

Пастырь, продолжая пастырство Апостолов, призывается пастырствовать в Церкви от лица Церкви и во имя Церкви. Он – видимое лицо Церкви, олицетворяющее ее авторитет, часть, святость и безупречность. Церковь для него – единственный источник благодатных сил для служения и для поддержания своего пастырского достоинства. Церковь же для него – основа послушания: а) Главе Церкви – Иисусу Христу, б) всем церковным установлениям, канонам и порядкам, в) высшей церковной власти: настоятелю, благочинному, епископу, патриарху со Священным Синодом.

Теряя через тот или иной грех свое высокое достоинство, пастырь кладет пятно на Церковь Христову, давая повод к Ее осуждению и осмеянию в глазах верующих. Никто и ничто в истории Церкви не принесли столько зла и бед Церкви земной, как недостойное поведение Ее духовенства. По пастырю обычно судят о Церкви⁹⁸.

Греша, спотыкаясь, пастырь порочит, оскверняет свою святую Мать – Церковь Христову. И наоборот: верно и преданно служа Ей, он поднимает Ее авторитет и достоинство пред лицом населения.

3. Принцип церковности должен сопутствовать пастырю в каждый момент его деятельности. Этот принцип пастырь должен понимать в свете современности, то есть, исходить из учета современных условий жизни Церкви. Так, пастырь, работающий в колхозном окружении, должен в такое время и так организовать церковные службы, требы и проч., чтобы они не отвлекали верующих от их трудовых обязанностей пред государством.

Где бы пастырь ни работал, он должен помогать Родине и создавать морально – стойкого, честного, любящего семью, труд и Родину человека.

Учительство Апостолов выходило из основного факта того времени – явления в мир Спасителя. Проповедничество пастыря должно выходить из того же факта, запечатленного не только в Священном Писании и в святом Предании, но и во всем духе и строе Христовой Церкви.

Всепроникающей, ключевой идеей в жизни Церкви является идея спасения погибающего в грехах человека. Эта идея должна явиться движущей силой и в проповедничестве нашего пастыря. Какую бы тему он не намеревался раскрыть в проповеди, его всегда должна воодушевлять одна и та же забота – как построить и как сказать свою проповедь, чтобы она, указывая на греховность человека, вызвала потребность в спасении и поднимала жизненные силы на борьбу с грехами для обновления и возрождения всей жизни человека. Проповедник тем вернее будет достигать своей цели, чем больше будет готовить и вынашивать свою проповедь. Как часто наши проповедники выступают в храме с легким сердцем без достаточной подготовки и, начав говорить, мучаются, не зная, где и чем закончить свою проповедь.

Душепопечение Апостолов о членах паствы проявлялось как «чревоболезнование» о них. Апостолы были «в вечных муках рождения», чтобы «изобразился в них Христос».

Христианская религия есть религия сострадательной любви по преимуществу. Глазами любящего, сострадательного сердца призывается пастырь воспринимать отражающую его жизнь и на все откликаться. Не должно быть ни одного явления и случая, к которым мог бы остаться равнодушным и безучастным наш пастырь. Горе пастырю, если он заботился только о себе и о своей семье и ко всему остальному был безучастен.

Какое участие в жизни паствы может иметь пастырь в современных

условиях? Какими средствами располагает он? Он располагает универсальным средством – молитвой своего болезнующего, любящего отеческого сердца. Любовь видит все. Она видит недостатки, болезни, грехи членов паствы. И отвечает на них теми средствами, какими располагает: добрым советом, проповедью, исповедью, бескорыстием (это вид проповеди), но больше всего молитвой (богослужебной, келейной).

Молитва поднимает сердце пастыря к Богу, и здесь (в молитве) он сильнее ощущает и любовь Отца Небесного к Своим земным чадам. И любовь эта струится в сердце пастыря дарами умиления, умиротворения.

Здесь же (в молитве) он сильнее ощущает и любовь к ближним, немощным и грешным, и потребность молиться о них.

Сколько утешения, духовных радостей, светлых надежд на милость Божию получает пастырь Христов в эти священные минуты молитвенного общения с Богом!

Случай из пастырской молитвенной практики

К одному приходскому священнику приехал другой, более пожилой и опытный батюшка. Разговорились. Хозяин спрашивает гостя:

– Какая молитва наиболее близка Вашей душе и чаще других повторяется?

– Молитвенный вздох Апостола Фомы: «Господь мой и Бог мой», – ответил приезжий.

– Почему именно этот? – удивился хозяин.

– Потому что в первые годы моего священства при каждом недостойном поступке и нарушении пастырского долга, в моей душе начинался диалог Господа с Апостолом Петром: «Любиши ли Мя? – Паси овцы Моя!» и проч. Этот диалог совершался в моей совести помимо моей воли и потрясал до дна мою душу. Я мог прекращать его лишь ответным молитвенным воплем – стоном: «Господь мой и Бог мой». Попробуйте, – закончил приезжий, – вложить в эти слова Апостола Фомы всю нежность своего сердца, всю силу надежды на Бога, беззаветной веры в Него, и Вы почувствуете, что Господь, действительно, «внутри» нас ([Лк. 17,21](#)), что Он, действительно, наш и что мы все, действительно, дети Того, Кто пострадал за нас и «победил мир» ([Ин. 16,38](#)).

У святых Апостолов мы нашли не только перечень необходимых качеств кандидатов священства, не только насущные советы юному пастырю для стяжания пастырского духа, но целую методику созидания,

«возгревания» и укрепления этого духа. Каждый из кандидатов священства готовится по-своему к пастырству. Каждый идет своим путем в своем внутреннем делании. У каждого в своем особом порядке развиваются пастырские качества и добродетели.

Что, однако, является руководящим и решающим для кандидата священства и для каждого пастыря? Руководящим и решающим является искреннее желание исправить себя, оставить всякую грязь и нечистоту души, всякую неприязнь, недоверие и холодность сердца в своих отношениях с ближним. Руководящим является решимость всегда ходить пред Богом и быть достойным Его в каждый момент своей жизни.

Как и всякий человек, пастырь живет в окружении греха и соблазна. Но этот грех и соблазн лишь тогда загрязняет и порочит его душу, когда он сам идет им навстречу.

Вот завтра у пастыря – Божественная литургия. Он должен встать пред святым престолом чистым и безупречным. Но он не будет таким, если не усилит борьбу с греховными склонностями и соблазнами сегодня, накануне богослужения.

Пусть пастырь особенно настойчиво побеждает себя в этот крайний день от всяких ссор и расслаблений, от ненужных впечатлений. Пусть целиком уйдет в клеть внутреннего безмолвия. Сделается «глухим, слепым и немолчающим». Пусть в простоте ума и сердца и раскрытой совести предастся молитве и покаянному очищению сердца. Пусть завтра в храм войдет первым, не толкаясь среди народа, не открывая уст, не раздражаясь чем-либо на пути к святому престолу. Стоя пред престолом и литургисая, замирая и повергаясь в прах пред святыней места и величием Евхаристического тайнодействия, пусть и здесь не падает духом, когда тьма лукавых помыслов и навязчивых мыслей кружат ему голову и терзают сердце. Дело не в помыслах и в отвлечениях как таковых, а в отношении к ним пастыря. Если в момент отвлечения и помысла пастырь «поймал» себя и вернулся к молитве – нет греха, – так говорят святые подвижники. И сколько бы раз пастырь ни отвлекался – нет греха, – говорят они, – если после каждого из них пастырь с новым усилием возвращается к молитве, то есть, общению с Богом. Так, борясь со дня на день в храме и дома с греховными влечениями плоти, с лукавством ума, пастырь встанет на путь внутреннего созидания, духовного возрождения.

В беседе с Никодимом Христос сказал ему: «Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» ([Ин. 3,3](#)). Пастырь стада Христова больше, чем кто-либо призван к «рождению свыше», к рождению духом и «от Духа» ([Ин. 3,6](#)). И не может быть большей заботы у

него, как забота об обновлении своего греховного естества, о «рождении свыше». Только «родившийся» в обновлении духа для новой жизни во Христе может и других «родить» для этой жизни во Христе.

Пастырь не одинок. Жив Господь и жива душа пастыря. В живой душе пастыря почивает и Господь и Его святая Церковь. Изю дня в день поминая святых за богослужением, пастырь со всеми ими живет в тесном духовном, молитвенном общении. Они осеняют и обогащают его душу своими благодатными веяниями и посещениями. Одному пастырю особо благодатно близок святитель Николай, другому – преподобный Сергий, третьему – преподобный Серафим, четвертый живет благодатными воздействиями на его душу Пречистой Богоматери. Близки душе пастыря и святые Апостолы: Петр, Иоанн, Павел и другие. Они подлинныи путеводители пастыря при раскрытии тайн духовной жизни, и их образцы ободряют, радуют и озаряют путь пастыря немеркнущим светом своего духовно – христианского подвига.

а) Учение о пастырстве отцов Церкви

В первые три века Церковь Христова находилась в стесненных обстоятельствах, при которых Ей трудно было регламентировать избрание на священнослужительские должности. Поэтому и в творениях святых отцов того времени не встречается подробное изложение пастырских обязанностей, а содержатся лишь краткие руководительные указания относительно отдельных сторон пастырской деятельности.

Святой Игнатий Богоносец в своих Посланиях призывает пресвитеров исполнять служение свое со всяким тщанием, плотским и духовным. «Старайся, – говорит он, – о единении, будь снисходителен ко всем, неутомимым в молитве, неси немощи всех; ибо где больше труда, там больше и приобретения... Будь бдителен, как подвижник Божий. Стой твердо, как наковальня, когда по ней бьют. Хорошему бойцу свойственно принимать удары и, однако, побеждать. Но особенно мы должны все терпеть ради Бога, чтобы и Он потерпел нас. Учись разуметь обстоятельства времени. Богослужебные собрания созывай чаще». Он же внушает пресвитерам находиться в должном подчинении епископа⁹⁹.

Мысль о единении между епископами, пастырями и пасомыми и о соблюдении в Церкви должного подчинения и порядка с большею подробностью развита в Послании Климента Римского к Коринфской Церкви.

Святой Поликарп, епископ Смирнский, в Послании к Филиппийцам требует, чтобы и пресвитеры были благосердны, милостивы ко всем, обращали заблудших, посещали больных, заботились о вдовах, бедных и сиротах, воздерживались от гнева, мщения, заискивания и несправедливости в суде, удалялись от сребролюбия, не были легковерны к наговорам на кого-либ¹⁰⁰

Святой Киприан Карфагенский учит, чтобы каждый удостоившийся священства, должен служить только алтарю и жертвам, заниматься только молитвами и молениями и не оставлять Церковь для занятия земными и мирскими делами, но трудиться денно и нощно для дел небесных и духовны¹⁰¹.

С четвертого века наступило более благоприятное время для внутреннего развития и внешнего устройства церковной жизни. На Вселенских и Поместных Соборах определены были правила, касающиеся вступления в клир, а также служебные права и обязанности клириков.

Отцы Церкви того времени стали развивать идею пастырского долга с большей подробностью. В этом отношении особенно замечательны следующие отцы и учителя Церкви: святители Григорий Богослов (391 г.), Амвросий Медиоланский (397 г.), Иоанн Златоуст (407 г.), блаженный Иероним (419 г.) и святитель Григорий Двоеслов (604 г.).

Святитель Григорий Богослов высказывает самое высокое понятие о пастырском служении. Последнее никто не должен принимать на себя без тщательной предварительной подготовки. Пастырь Церкви, по словам Святителя, должен «стоять с ангелами, славословить с архангелами, возносить жертвы в горний жертвенник, священнодействовать со Христом, воссоздать создание, восстанавливать образ Божий, творить для горнего мира и т. п. «И мне, – говорит он, – стыдно за других, которые не будучи ничем лучше прочих, с неумытыми, как говорится, руками, с нечистыми душами берутся за святейшее дело, и прежде нежели сделались достойными приступать к священству, врываются во святилище, теснятся и толкаются вокруг святой трапезы, как бы почитая свой сан не образцом добродетели, а средством к пропитанию; не служением, подлежащим ответственности, но начальством, не дающим отчета. И такие люди, скудные благочестием, жалкие в самом блеске своем, едва ли не многочисленнее тех, над кем они начальствуют. Незнающему ни того, что нужно говорить, ни того, что нужно делать, лучше учиться, нежели, не зная, учить... А потому брать на себя труд учить, пока сам не научился достаточно и, по пословице, на большом глиняном сосуде учиться делать горшки, то есть, над душами других упражняться в благочестии, по моему мнению, свойственно только людям крайне неразумным и дерзким¹⁰².

Святитель порицает тех, которые прежде чем остригут у себя первые волосы и оставят детский лепет, прежде чем узнают наименование священных книг и научатся распознавать письма и писателей Ветхого и Нового Заветов, и если только затвердят два – три слова о благочестии, и то понаслышке, а не из книги, как уже считают себя и мудрыми, и подвижниками, и законниками и желают «зваться от человек: учителю».

Святой отец с особенным вниманием останавливается на проповедании Слова Божия, на врачевании духовных немощей пасомых и на защите святой истины против врагов Церкви Христовой.

Для исполнения пастырских обязанностей, по мнению Святителя, потребна значительная теоретическая подготовка. «Положим, – говорит он, – что иной непорочен, взошел на самый верх добродетелей; все еще не вижу, каким запасаясь знанием, на какую понадеявшись силу, отважится он на такое начальство. Ибо править человеком, самым хитрым и

изменчивым животным, действительно есть искусство из искусств, наука из наук. А для этого сколько требуется ума, какое надобно тонкое и глубокое знание природы и души человеческой, какая пронизательность, сколько опытности. Вот почему не нужно искать священства в молодости, вот почему Церковь определяет для вступления в священство известный возраст, ранее которого принять оное не позволяется¹⁰³.

Святитель Амвросий Медиоланский должен был принять епископский сан по настоятельному требованию народа и клира и потому чувствовал многие неудобства принятия священства без предварительного приготовления к нему. Будучи епископом, он обратил особое внимание на подготовку молодых людей к пастырскому служению. Он написал три книги «О должностях» священнослужителей. В своем сочинении святой отец дает пастырям Церкви советы и наставления преимущественно практического характера. В основу честного прохождения каждой деятельности св. Амвросий полагает следующие четыре добродетели: мудрость, справедливость, мужество и воздержание. Служителю Господню не следует прельщаться земными удовольствиями, он должен проявлять все те нравственные качества, которые требуются от него Апостолом Павлом ([1Тим. 3](#)¹⁰⁴).

Святой Иоанн Златоуст состоял в звании диакона в Антиохии (380–387 гг.) и, желая избежать принятия пастырского служения, написал в свое оправдание шесть книг «О священстве»¹⁰⁵, изложенных в форме разговора его с (неизвестным) другом его Василием. Он с особым благоговением относится к пастырскому званию, высоко ценит его и потому страшится великой ответственности. «Священство, – говорит он, – совершается на земле, но принадлежит к порядку небесных учреждений, и весьма справедливо. Ни человек, ни ангел, ни архангел, ни другая какая сотворенная сила, но Сам Утешитель установил это служение и побудил людей, еще пребывающих во плоти, подражать. Когда он призывает Святого Духа, совершает страшную жертву и постоянно касается общего всех Владыки, скажите мне, где поместим его? Какой потребуем от него чистоты и какого благоговения? Подумай, каковы должны быть руки, служащие этому, каков язык, произносящий эти слова? Не всего ли чище и святее душа, принимающая этого Духа? Тогда ангелы предстоят священнику, весь чин небесных сил взывает и, в честь Лежащего, наполняет место около престола. Неудивительно после этого, если даже такие великие мужи, как Апостол Павел, вознесшийся до третьего неба и удостоившийся тайн Божиих (Кор. 12, 2), всегда страшились, взирая на

важность пастырского долга».

Обращаясь поэтому к вопросу о своем уклонении от священства святой Златоуст замечает: «Если бы достаточно было только называться пастырем и исправлять должности как попало и если бы не было никакой опасности, пусть желающий обвинит меня в тщеславии. А когда принимающему на себя пастырство должно иметь великое благоразумие, прежде благоразумия великую благодать у Бога, правоту нравов, чистоту жизни и добродетель более, нежели человеческую, то ты не откажешь мне в прощении за то, что я не хотел напрасно и безрассудно погубить себя... Нет, я знаю свою душу слабую и малую. Знаю важность служения и великую трудность дела. Душу священника обуревают волны сильнее тех, какие ветры поднимают на море. И прежде всего видится огромная скала тщеславия, гораздо опаснее скалы сирен (чудовищ, которые, по мифологии, будто пением своим привлекали мореплавателей и губили их), о которой баснописцы рассказывают чудеса. Если бы кто вручил мне настоятельство, то было бы все равно, если бы, связав назад мне руки, бросили меня живущим на той скале зверям для того, чтобы они каждый день меня терзали¹⁰⁶.

Какие же это звери? Ярость, уныние, зависть, раздор, гнев против людей, ничем не обидивших нас, клевета, осуждение, ложь, лицемерие, коварство, любовь к похвалам, делание чести (оно более всего волнует человеческую душу), принужденная лесть, низкое ласкательство, презрение бедных, услужливость богатым, неразумные и вредные почести, благосклонности опасны как для оказывающих, так и для принимающих их, робкий страх, приличный одним только последним невольникам, отсутствие дерзновения, великий вид смиренномудрия, в котором истины – нисколько, устранение обличений или, лучше сказать, применение их, даже выше меры к людям незнатным, а перед людьми, облеченными властью, несмелость, не позволяющая и рот открыть и т. п.

Далее святой Златоуст обращает внимание на то, что пороки священников не могут быть скрытными, но, хотя бы и они были и малы, скоро делаются известными...

«Грехи обыкновенных людей, как производимые во мраке, губят одних согрешающих, а порочность значительного и известного многим мужа наносит общий вред всем. Поэтому-то для священства должны быть избираемы такие мужи, какими благодать Божия некогда показала в Вавилонской печи тела святых отроков¹⁰⁷.

Достоинство кандидата священства св. Иоанн Златоуст определяет не

внешними его заслугами и даже не одним только благочестием его. «Знаю многих, – говорит он, – подвизавшихся все время, изнузивших себя постом; пока они могли быть в уединении и заботиться о себе, угождали Богу, и каждый день успевали в любомудрии, а когда встав в толпе, принуждены были исправлять невежество народа, то они в самом начале оказались неспособными к такому делу; иные, вынужденные остаться, бросив прежний образ жизни, весьма много повредили себе и не принесли никакой пользы другим. Если даже кто всю жизнь провел в низшем чине службы и достиг преклонной старости, я не считаю его достойным высшего сана, только по уважению к возрасту его¹⁰⁸.

Итак, имеющему рукополагать должно делать большее испытание себя самого. По словам св. Иоанна Златоуста, священник должен быть человеком образованным, особенно же сведущим в Священном Писании и твердым в догматах христианских, чтобы быть опытным в спорах: «По причине неопытности одного, – говорит он, – много людей доводится до последней гибели¹⁰⁹.

Особенно же он должен заботиться о развитии в себе дара слова. Образованные люди должны больше трудиться, чем неученые: никто не обвинит их, этих последних, если они не произнесут ничего, достойного внимания, а те, если не всегда будут произносить что-либо выше того мнения, которое все имеют о них, получают от всех упреки.

И так как сила слова зависит не от природы, но от учения, то хотя бы кто и довел ее до совершенства, может потерять, если старанием и управлением не будет развивать этой силы.

Профессор протоиерей Смирнов в своей Истории приводит замечательные слова св. Иоанна Златоуста, сказанные им по поводу Богоустановленности пастырства и благодатной жизненности Святой Церкви Христовой. Когда его друзья провожали его в первую ссылку, то сильно скорбели и волновались за дальнейшую участь Святой Церкви. Святитель, ободряя их, сказал: «О, мои любезные друзья, что вы малодушествуете и чрезмерно печалитесь. Церковь Христова вечна, она не мною началась, не мною и кончится¹¹⁰.

Блаженный Иероним в своем письме «О жизни клириков и священнослужителей» (написанном около 393 года) восстает против недостатков Западного духовенства и дает священнослужителям много практических советов относительно достойного прохождения ими своего пастырского служения.

Клирик должен прежде всего вникнуть в значение своего имени.

Греческое слово «клирик» в русском переводе означает «достояние». Клирики называются так потому, что составляют достояние Господа или потому, что Сам Господь есть достояние или доля клириков. В том и другом случае клирик должен вести себя так, чтобы и самому можно было обладать Господом и Господь мог бы обладать им. Кто обладает Господом и говорит с Пророком: Господь есть доля моя, тот ничего, кроме Господа, иметь не может. Если же будет у него что –нибудь другое, то Господь не будет его долею...

Итак, в службе Христовой не ищи мирской прибыли, в противном случае и о тебе будут говорить: «достояния их не полезна будут им» (Иерем. 12,13¹¹¹).

Святитель Григорий Двоеслов. В своих сочинениях и особенно в «Пастырских Правилах» св. Григорий Двоеслов говорит, чтобы пастыри смотрели зорко за собой, чтобы они умели учить других «по – разному»; одного словом увещания, другого – обличения, третьего – наказания и пр. Врачуя других, пастыри сами не должны «болеть».

Далее Святитель увещает пастыря не быть гневливым. «Гнев священника не должен быть опрометчив и бурен, но должен быть умеряем священной важностью его стремления¹¹². Говоря о недостойных пастырях, домогающихся священства «по иным целям», Святитель говорит: «Не имея потребных для этого талантов, не быв призваны свыше, но движимые одним честолюбием и страстью к преобладанию... Судия попускает им возвышаться, но не ведет их¹¹³».

Святитель предписывает также пастырю «быть благоразумным в молчании и полезным в слове». Он должен быть и другом для благое творящим, и сильным противником для творящих преступления. Руки его должны быть чисты от порока, ибо он оmyвает скверны других...

Таким образом, святые отцы рисуют нам необыкновенное величие пастырского служения. Проникшие в ум Христов, постигшие тайны Божии, недоступные для обыкновенных человеческих умов, великие отцы и учителя Церкви проникали и в великую тайну пастырского служения. И эта тайна возбуждала в них благоговейный трепет и уважение к пастырству. Отсюда в своих творениях они и выражают самые высокие требования к тем, кто призывается стать сопастырем Христу и быть продолжателем Его великого дела на земле.

Логическая последовательность требует, чтобы после учения о пастырстве святых отцов Вселенской Церкви, дать хотя бы краткий анализ пастырства и наших отечественных отцов, например, святителей

Димитрия Ростовского, Тихона Задонского, [Иоасафа Белгородского](#) и других, особенно просиявших подвигом пастырства на нашей родной земле. Но так как пастырская деятельность наших отечественных святителей абсолютно созвучна и гармонична со святыми отцами Вселенскими и является непосредственным их продолжением, тем более, что и самые идеалы, и методы их работы являются повторением святых отцов, то мы специального отдела о нашем отечественном пастырстве умышленно не даем, чтобы не загружать курс лишним материалом, являющимся повторением предшествующего.

б) Образ пастыря в святоотеческом освещении¹¹⁴

Идеал христианского пастырства дан нам в лице Господа нашего Иисуса Христа. Святой Евангелист Иоанн Богослов называет Спасителя «Добрый Пастырем», положившим душу Свою за Своих овец ([Ин. 10](#)). И Священное Писание, и особенно святой Апостол Павел дают нам замечательный светлый образ пастыря с его высокими благодатными качествами. Но я здесь еще раз хочу коснуться (и более подробно) иного освещения пастырского образа, именно с точки зрения суждений по этому вопросу святых и богоносных отцов и учителей Церкви.

Постановка этого вопроса приобретает особую ценность в том отношении, что здесь выдвигаются авторитеты, признанные всей Вселенской Церковью, которые на себе, в своей личной жизни осуществили высокие требования пастырского долга. Я имею ввиду учение о пастырстве Вселенских Святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, а также блаженного [Феодорита Кирского](#) и Западных отцов: святителя Амвросия Медиоланского, блаженного Иеронима и других.

Говоря о пастырском служении, святые отцы, как мы видели, прежде всего обращают внимание на величайшие обязанности пастыря, ставящие его в исключительное положение.

«Кому вверено путеводство многих, – говорит святитель Василий Великий, – тот первый, достигая в меру смиренномудрия, показанную Господом нашим Иисусом Христом, должен сделаться точным образцом для многих... и да не надмевает тебя степень церковного чина, но более да смиряет¹¹⁵. Пастырь «должен стоять с ангелами, славословить с архангелами, священнодействовать со Христом, воссозидать создание, восстанавливать образ Божий», – говорит св. Григорий Богослов.

«Вязать и решить грехи, молиться за целый город, за всю вселенную, умиловать Бога за грехи всех, не только живых, но и умерших; призывать Святого Духа, совершать страшную жертву, касаясь общего всех Владыки, скажи, кто может быть в полноте достоин такой чести?»¹¹⁶, – восклицает св. Иоанн Златоуст.

Касаясь обязанности пастыря «быть всем для всех», святые отцы отмечают потребность для этого многогранность или разнокачественность пастырской души. Пастырь, по Златоусту, должен быть важен и не горд, суров и благосклонен, властен и вместе общителен, беспристрастен и услужлив, смиренен и не человекоугоден, строг и милости¹¹⁷. «Он должен знать все житейское и должен быть отрешен от всего. Обязанности от него требуют иметь ангельское совершенство, почему священник должен иметь душу чище самих лучей солнечных»¹¹⁸.

Такая же разнокачественность требуется от пастыря и в отношении его долга учительства. «Какие нужны сведения, – говорит святитель Григорий Богослов, – чтобы исправлять образ жизни и персть покорять духу, ибо неодинаковы стремления и понятия у мужчин и женщин, старости и юности, начальников и подчиненных...; одних назидает слово, других пример, для иных нужен бич, а для других – узда... нужно гневаться, не гневаясь; презирая, не презирать; терять надежду, не отчаиваясь; одних врачевать кротостью, других – смирением, третьих – обличением и т. д.»¹¹⁹.

Для выполнения столь высокой, трудной и многогранной задачи пастырю недостаточно одного только благочестия, ему нужны еще и специальные знания.

Таким образом, святые отцы ставят вопрос о специальной подготовке к пастырству. Подготовка к пастырству должна вестись по двум основным направлениям: воспитание внутреннего человека и человека внешнего. О внутренних качествах пастыря довольно ясно говорит нам святой апостол Павел в Послании к Тимофею ([1Тим. 3, 2–12](#)). И святые отцы, учитывая это, подробно не останавливаются на этом вопросе. Зато они с большей основательностью рисуют нам образец внешнего поведения пастыря и особенно красочно говорят об этом отцы Западной Церкви: святитель Амвросий Медиоланский и другие.

Внешность человека есть зеркало его души. Неопрятность, растрепанность, невоздержанность, нескромность отталкивают, а противоположные им качества привлекают, располагают. Движения пастыря, походка, тембр голоса, развязанность или молчаливость,

опрятность или неряшливость и т. п. не ускользают от взора пасомых и производят в них доброе или дурное впечатление, усиливая или ослабляя, таким образом, пастырское влияние. Св. Амвросий желает, чтобы особенно скромность украшала все действия пастыря, все движения, и в отсутствии этого качества святой отец уже видит зловещий признак неубежденности пастыря и будущего его отхода от Церкви. В частности, Святитель не одобряет слишком быструю ходьбу. Есть походка, заслуживающая одобрение, это та, в которой проявляется достоинство, степенность и важность – признаки мирного духа пастыря. Но не одобряет он и тех, которые в своих слишком медлительных действиях подражают комендантам.

«Самый голос пастыря, – говорит он, – не должен быть слабым, вялым, искусственным и женственным, но должен быть естественным и обладать всеми качествами мужского голоса. Ибо красота жизни в том и состоит, чтобы держаться того, что соответствует известному полу и лицу...¹²⁰.

Подобное же говорят и другие отцы. Блаженный Феодорит, епископ Кирский, считает, что пресвитерству следует быть «степенным и в выговоре, и в наружности, и во взгляде, и походке..., дабы и в теле видно было душевное целомудрие¹²¹.

Святые отцы не оставляют пастыря без своих наставлений и относительно пищи и питья. Блаженный Иероним советует пастырю никогда не наедаться до пресыщения, напротив, забывать иногда об обеде и, по крайней мере, об ужине. А по поводу употребления вина он прямо говорит: «Помни, Лота победил не Содом, а победило вино»¹²²

Чтобы полнее представить в святоотеческом освещении образ истинного пастыря, взглянем хотя бегло на действия недоброго пастыря, как он святыми отцами обрисовывается с натуры.

Наблюдая, как клир пополняется нередко людьми недостойными, зараженными тягчайшими пороками, св. Григорий Богослов восклицает: «Я не из числа тех, которые млеко едят, волною одеваются, тучное закаляют ([Иер. 39, 3–4](#)) или продают святыню и говорят: благословен Бог и обогатимся ([Зах. 11,5](#)), которые пасут себя, а не овец..., гоняются более за приятным, чем за полезным; одни хвалятся благородством, другие – красноречием, иные – богатством, иные связями. А те, кто не могут похвалиться чем-либо подобным, хвастаются пороками»¹²³.

А блаженный Иероним говорит о тех пастырях, которые чрезмерно боялись законов человеческих, но зато пренебрегали законы

Божественные.

Подобную же характеристику недостойных пастырей дают и другие святые отцы, но для нас достаточно и вышесказанного.

Резюмируя приведенные суждения святых отцов и учителей Церкви о пастырстве, считаем необходимым обобщить их применительно к жизни пастыря.

Совершаемое «по небесному чиноположению» служение пастыря требует от него соответствующей душевной чистоты. Отсюда первая задача приготовления к пастырскому служению – воспитание в кандидате священства внутренней душевной чистоты. Сам Христос Спаситель чистого сердцем ставит в непосредственное общение с Богом и благодатным лицезрением Его ([Мф. 5,8](#)). Что должно разуметь под чистотою сердца? Чистоту и святость всего существа человеческого, сюда принадлежат: чистый ум или ясное познание истин веры, непорочность желаний и действий, господство над страстями и чувствами. Пастырь, полюбивши благоухание чистоты, не угасит этого райского луча и в брачной жизни. Здесь особенно спасительно иметь пастыря чистое сердце: «Если око твое будет чисто, то и все тело твое будет светло» ([Мф. 6,22](#)).

Чистота пастырской жизни пленительна. Миряне чувствуют ее, стихают пред ней празднословие, срамословие, смехотворство, лживость... Чистота пастырская сильнее всего влечет человека к священнику, понуждает невольно раскрывать душу, располагает к чистосердечному покаянию. И что весьма важно в пастырском деле, и о чем невозможно умолчать, это то, что читая пастырская душа всегда будет иметь благоговейное отношение к святыне и правильное понимание своих высоких обязанностей. Отсюда, на основании святоотеческих суждений, возникает второе условие: кандидату священства необходимо воспитывать в своей душе должное уважение к святыне.

Благоговение пред святыней требовалось еще в Ветхом Завете. Нарушение этого требования, как показывают примеры Надава и Авиуда ([Лев. 10,1–7](#)), карались смертью: «Проклят всяк, творяй дело Господне с небрежением» ([Иер. 48,10](#)). И история христианской Церкви указывает много примеров явного Божия наказания неблагоговейных.

Пастырское благоговение воспитывается постепенно, как определенное прочное настроение. Обыкновенно оно ведет свое начало от колыбели, от материнских религиозных чувств, поддерживается примером и закрепляется упражнением. Благоговейность пастыря к святыне является одним из главных мотивов при оценке пасомых его личности. Народное

доверие к пастырю, не выражающему благоговения к святыне, не может быть полным, хотя бы другие качества его были превосходны. Постоянное обращение со святыней может незаметно воспитать у священника чувство безразличия, бесчувствия и холодности. Священные предметы могут обратиться в обычные вещи, Святое Святых – алтарь – в место казенного отбывания службы. Святые Дары, Евангелие, Крест и другие святыни – в обыкновенные принадлежности священного дела. Более того, потеря пастырем уважения к святыне влечет его неизбежно по пути «наемничества» и, наконец, к полному разрыву с Матерью – Церковью. Поэтому кандидату священства со всею внимательностью нужно беречь в себе чувство благоговения к святыне, всемерно развивать, возгревать его и зорко следить за всякими искушениями, являющимися угрозой для такого чувства, и в корне губить зародыши всякой небрежности и холодности к святыне, немедленно искоренять их из своего сердца.

Трудность и сложность пастырского служения, истекающие из обязанности пастыря править человеком, самым хитрым и изменчивым существом, требуют, чтобы готовящийся к пастырству воспитал в себе «разнокачественность» или пастырскую мудрость – это третье условие пастырствования. Спаситель сказал: «Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби» ([Мф. 10,16](#)). Пастырская мудрость дает возможность пастырю «всем быть вся» ([1Кор. 9, 22](#)), дабы только кого спасти. Известно, что одной книжной начитанности недостаточно, чтобы быть опытным пастырем. Правда, читающий Библию сам собою делается философом и так или иначе обсуждает все явления жизни с точки зрения Божественного Промысла. Но пастырю Церкви необходимо изучение жизни непосредственно, наблюдая жизнь, где она тщательно скрывает настоящее свое содержание, часто под личиной вежливости и притворного благочестия.

Кроме чтения и наблюдения одним из лучших средств в приобретении пастырской мудрости могут служить беседы с добрыми пастырями и старцами, опытными в духовной жизни. Но все эти наблюдения могут быть полезны для кандидата священства только тогда, когда он будет сосредотачивать свое внимание на внутреннем настроении людей и когда он будет сам стремиться жить внутренней духовной жизнью.

Пастырская мудрость всегда требуется от служителя Престола Божия, но нужно сказать, что бывают периоды в жизни Церкви Христовой, когда «мудрость змиина и кротость голубиная», как воздух нужны пастырю. Это периоды или явления особого кризиса церковной жизни, которые грозят

искажением или даже разрушением веры. К таким явлениям надо отнести: ослабление народной веры, усиление суеверий, иноверную или сектантскую пропаганду, раздоры или разделения среди верующих и особенно среди самого духовенства. В таких случаях пастырю словесного стада особенно следует иметь разумную рассудительность, неослабную по Боге ревность и практическую пастырскую мудрость.

Мы не хотим придавать преимущественного значения практической опытности пастыря, так как в пастырском служении главное – духовное горение, то, что вдохновляет пастыря, именно его вера, любовь и ревность о Боге. Пастырь, обладающий только практичностью в обращении, искусством придавать своим действиям красивые формы, но без внутреннего огня, был бы хорошим техником, мастером своего дела, но не истинным пастырем. Но, с другой стороны, и одно вдохновение без мудрого умения выражать его и без опытного знания самой жизни не может дать надлежащей пользы в пастырском деле.

Движущим побудительным началом во всей пастырской деятельности должно быть сознание, что духовные овцы изнурены и рассеяны ([Мф. 9,36](#)), и вытекающая из такого сознания решимость помочь им, облегчить и украсить их жизнь, согреть холодность отношений и указать им путь к истинному счастью – вечной жизни.

Выполнить такую важную миссию может только пастырская сострадательная любовь. Отсюда готовящийся к пастырству должен воспитывать в своей душе истинную любовь к ближним и непреодолимое тяготение к **горнему миру**. Это четвертое и вместе основное положение, требуемое от кандидата священства.

Любовь является высшим благом, ни с чем другим не сравнимым. «Теперь пребывают три: вера, надежда, любовь, но любовь из них больше» ([1Кор. 13](#)), – говорит святой Апостол Павел. «Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу», – пишет святой Апостол Петр, а святой Апостол Иоанн Богослов идет еще дальше в оценке любви: «Бог есть любовь» ([1Ин. 4,6](#)).

Пастырь Церкви Христовой должен пламенеть любовью к людям и любовью деятельной. Вспомним, сколько времени Христос Спаситель отдавал людям на дела любви. Всю Свою жизнь Он посвятил на то, чтобы люди были счастливы. Он исцелял их недуги, утолял слезы, укреплял немощных, вливая в сердца новые силы. Некто сказал, что самое большее, что человек может сделать для своего Небесного Отца, это если он будет добрым ко всем людям, как к своим братьям. Поэтому пастырю необходимо любить, как необходимо дышать воздухом. И любить, не

делая различия, без расчета, без выбора. Любить и радовать людей, именно радовать, – это есть постоянное и тихое торжество истинной пастырской любви. И как содержательна эта истинная любовь! Любовь радости и надежды! Она охватывает всю душу пастыря, украшает ее добродетелями и возвышает к горней жизни. И искренне и жертвенно любя ближних, пастырь не может не внушать им, что венец совершенного счастья и блаженства они получают вполноте только в ином мире – в вечных селениях Небесного Отца. Поэтому, по совести исполняя свои гражданские обязанности, пастырь в то же время направляет мысли и желания свои и желания своих пасомых к жизни горней, небесной, вечной и совершенной. И если любовь есть высшее благо и, следовательно, вечное благо, ибо любовь «николиждо отпадает», то и полное счастье любящие обретут только в Царстве Славы, в общении с источником любви – Богом. Таким образом, воспламенив сердце человека на земле, любовь неминуемо влечет его в мир горний, к вечной радости, вечной ликующей жизни.

Кандидату пастырства следует всемерно воспитывать в своем сердце это высочайшее и вечное благо – святую любовь к людям и к горнему миру. Без этого качества он не может быть пастырем. Пастырь без любви, что тело без души, цветок без цвета, утро без зари, день без сияющего солнца или, по Апостолу, потухшая звезда, блуждающая во мраке ночи ([Иуд. 1.13](#)).

В мире много прекрасного и радостного, много в нем увлекательного и великого, но все это пройдет. Все, что в нем радует глаз, веселит чувства, что составляет гордость жизни, – все это не надолго, и только любовь, как высшее благо, будет пламенеть вечно и, пламенея, будет согревать, украшать и радовать жизнь людей в условиях временной жизни и сияющей бесконечной вечности. Если говорить о мерах возгревания пастырской любви, то кратко напомним, что пастырская любовь усиливается самоотвержением пастыря, ношением скорбей своей паствы, постоянной борьбой с своим самолюбием, пламенной молитвой и неослабным самопонуждением к делам благочестия.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, следует заключить, что святые богоносные отцы в своих бессмертных творениях дают нам замечательный образ пастыря Христова. Они с особенной ясностью подчеркивают, прежде всего, высокие обязанности пастыря, говорят о необходимости серьезной подготовки к нему, указывают на внешние и внутренние достоинства служителя Христова и представляют в самых правдивых выражениях образ недоброго пастыря.

Из этих святоотеческих положений, при сравнительном их изучении,

мы извлекаем соответствующие пасторологические выводы, полезные и необходимые для кандидатов священства.

1. Ввиду огромной важности, высоты и небесности пастырского служения, кандидату священства в период учебной подготовки необходимо достигать **внутренней чистоты**;

2. С постепенным очищением внутреннего человека нужно воспитывать в себе глубокое **уважение к святыне**;

3. Проникаясь благоговейным чувством ко всему святому, следует, в то же время, обогащать свою душу (хотя пока теоретически) элементами **пастырской мудрости**;

4. Кандидату священства необходимо возгревать в своей душе неугасающее пламя драгоценной пастырской любви ко всем людям – ближним и дальним, верным и неверным, любви и тяготения к **горнему миру**, как конечной цели всех пастырских стремлений, где жизнь никогда не престанет, где за самоотверженные труды пастыря готовится ему нетленный венец правды, который воздаст Господь, Праведный Судия, всем до конца преданным труженикам Христовым ([2Тим. 4,7](#)).

в) Каникулы

Процесс учебы, начавшийся в Духовной школе, не прекращается никогда. Даже по переходе на практическое служение учение молодого священника идет своим непреложным курсом. Формы учебы изменяются, обстановка ее может иметь иной вид, но смысл направленности пастырской цели, совершенствование души его, по словам Спасителя ([Мф. 5,48](#)) бесконечно. То же самое нужно сказать и о каникулах. Оканчиваются школьные занятия, учащийся не посещает систематически уроков, лекций, он уже бывает в иной обстановке, занят иными делами (отдых, путешествия, развлечения), но его дух в сущности своей живет прежними школьными интересами, его направленность жизни в целом должна идти тем же путем духовного совершенствования. Следует сказать, что о каникулярном времени нужно вести особый разговор, оно вызывает особую озабоченность воспитателя о своих студентах. Воспитанники фактически уходят из непосредственного влияния учителей, они предоставляются самим себе или, в худшем случае, другим лицам, обстоятельствам. Поэтому так необходимо говорить о каникулах, чтобы их провести с пользой для тела и духа, чтобы, по крайней мере, студенты вернулись обратно такими же, какими уехали, не потерянными, не разбитыми, не расстроеными, поэтому вот наше слово сейчас о каникулах.

Каникулы! Ах, какое чудное слово! Сколько сердец волнуются, сколько людей радуются, когда слышат это слово! И не только сердца учащихся, но и сердца учителей, сердца всех, кто отдал себя на тяжелое служение работе духа, потому что умственный труд поистине гораздо утомительнее и требует большего напряжения сил, нежели труд физический; ведь и умственный труд есть также труд в поте лица ([Быт. 3, 19](#)).

Каникулы! Как долго, как горячо ждали мы этого времени, как много о нем мечтали! Каким оно кажется продолжительным, когда только начинается, как много ожидают от каникул, и как скоро они пролетают! Каникулы! Это значит путешествовать, ехать в деревню, отправляться, может быть, в горы, в леса, на море. Каникулы! Это время покоя, отдыха, время удовольствий, развлечений, время разнообразия впечатлений, восстановления сил. В самом деле, учиться становится все труднее, уроков задается все больше и больше, требуется больше усилий и больше

напряжения, экзамены становятся все сложнее и утомительнее. Поэтому, да здравствуют каникулы!

Хотел бы я знать, какой мудрый человек изобрел каникулы? Право, следовало бы поставить памятник этому человеку, и я убежден, что нужные на этот предмет средства были бы собраны и скоро, и с избытком.

Каникулы служат двум классам людей: во – первых, учителям, во – вторых, ученикам, и, наконец, в них заключается поучение и для всех нас.

1. Начнем с учителей. Разделяю всей душой их радость, сочувствую, что, наконец, на некоторое время двери школы будут закрыты, и глаза учителей в продолжение этого времени могут остановиться на чем –нибудь другом, а не на... их учениках, которые далеко не всегда бывают спокойны. Дорогие друзья, ведь нужно сказать вам всю правду: очень нелегко учить вас и воспитывать. В самом деле, я не знаю другого труда, который требовал бы столько напряжения, столько внимания и который может при этом так утомить, так изнурить, как трудно заниматься с вами, воспитывать и обучать вас. Ах, какой это тяжелый труд и, часто, какой неблагодарный! Да если бы все вы были всегда приветливы и послушны, какими вы должны быть и какими вы можете быть, тогда обучать вас, воспитывать, вообще трудиться для вас было бы истинной отрадой. Но вы сами хорошо знаете, что дело обстоит далеко не так... И что еще особенно отягчает работу ваших учителей? Отягчает то, что она никогда не прекращается. Едва удалось как следует поставить на ноги воспитанников, сделать их пастырями, как они оставляют школу, и места их занимают новые ученики, с которыми начинается та же тяжелая работа.

Дорогие друзья! Поистине вы не знаете, сколько труда, сколько забот вы доставляете своим учителям и как многим вы им обязаны! Вы не знаете также и того, сколько терпения, сколько мужества, сколько самоотвержения должны иметь ваши наставники! Вы не знаете, сколько они должны отдавать своего здоровья, сколько расходовать сил, чтобы дать вам нужные богословские знания, чтобы исправить ваш характер, и как они питают ваши души силами своей души. Вы только впоследствии хорошо можете уразуметь это. Но кое – что из вышесказанного вы можете понять уже и теперь, и поэтому дорожите от всего сердца своими наставниками, относитесь к ним со всем уважением и будьте благодарны им; старайтесь прилежанием и почтительностью к ним делать тяжелый долг их легче и приятнее.

Наставники ваши не менее вас нуждаются в каникулах, чтобы отдохнуть, чтобы укрепить себя, чтобы в дни отдыха набраться новых сил в сознании, что работа их, как бы она ни была скромна в глазах

современного мира, работа высокая, сугубо ответственная, работа святая и имеет великое достоинство в очах Божиих. Воспитывать вас, образовывать в благоговении к Богу и в добронравии, укреплять в жизненной борьбе, готовить к высокому призванию, чтобы из вас вышли добрые пастыри Церкви, полезные для общества, – какое великое призвание, какая высокая задача! Поэтому мужайтесь, верные досточтимы наставники! Вам вручил Бог великую миссию – воспитывать духовную юность! В руках ваших надежда и будущее нашей Церкви; вам доверено то, что дороже всего на свете – студенты наши.

Итак, в сознании величия, в сознании красоты вашего призвания, в этом именно убеждении почерпайте святое рвение, в нем находите мужество, которое вам так необходимо, чтобы иметь возможность выполнить свое высокое дело до конца.

2. А теперь обращаюсь к вам, дорогие студенты. На что должны служить вам каникулы? Прежде всего, чтобы снова освежить упавшие силы, чтобы души ваши опять ободрились духовной силой и энергией, чтобы ваши головы, так много потрудившиеся над заучиванием цитат из Священного Писания, славянских, английских форм, над запоминанием множества названий, дат, имен, народов, чтобы все они во время каникул нашли себе отдых и покой и восстановили свою утраченную энергию и чтобы потом со свежими силами снова могли приняться за дело.

Большинство из вас поедут, может быть, в деревню, или в горы, или на чудный берег моря, Счастливые! Надеюсь, что вы всегда будете веселы и довольны, что вы вполне отдохнете.

Все имеет свое время; отдых имеет свое время и работа имеет свое время, делайте эти две вещи в свое время и делайте их от всего сердца.

Но вы должны понимать меня правильно. Я не хочу сказать, что в каникулярное время я предлагаю вам совершенную праздность. Нет, праздность всегда есть мать всех пороков. Отдых состоит не в том, чтобы совершенно ничего не делать, а в том, чтобы делать что –нибудь другое, не то, что мы делаем обычно. Отдых состоит, прежде всего, в том. Чтобы употреблять свое время на такие занятия, которые доставляют нам особенное удовольствие. Я знаю одного знаменитого профессора, который в продолжение каникул оставляет свои книги и тетради лежать там, где они положены, и занимается выделыванием всевозможных ящичков. Другой из моих знакомых занимается поэзией. Он отправляется в лес или на берег моря с записною книжечкой в руках, гуляет там и от времени до времени останавливается. Чтобы вписать в свою книжку стихи, которые он надумал. А один молодой священник во время каникул не расставался с

Библией. По крайней мере многих знаю ребят, которые в каникулярное время едут к знакомым священникам в деревню или город, где с большим удовольствием и пользой прислуживают в храме, читают, поют на клиросе, участвуют в ремонте и украшении храма. Словом, на деле знакомятся с практической пастырской работой, получают необходимую церковноприходскую практику.

Пусть каждый из вас следует своему вкусу. То, что делаешь охотно, никогда не утомляет, и хорошо, если каждый из вас в свободное время будет развиваться в том именно направлении, куда его влечет его собственная природа. Поэтому кто из вас любит чтение, рисование или музыку, пусть читает св. книги, рисует или играет. Каждый из вас сам хорошо может сообразить, как ему лучше провести каникулы, провести так, чтобы и самому было приятно и чтобы доставить удовольствие другим.

Это наводит меня еще на один добрый совет, который я хотел бы подать вам. Не обращайтесь своих каникул на то, чтобы бездельничать, чтобы мучить ваших родителей и жен, досаждая им своими капризами, ссорами и проч. Именно в каникулы вы, друзья мои, должны быть особенно ласковыми, особенно услужливыми в родной семье, у своих родителей. В учебное время вы далеки от своих родных семей. Вам редко представляется случай выразить им свою любовь на деле. Но во время каникул вы, может быть, будете постоянно при них. Пользуйтесь же этим временем, чтобы выказывать им свою любовь и добрый пример поведения.

Но как вы можете это сделать? Особенной нежностью? Да, конечно. Говорят, что не все могут выражать свою любовь, что те и любят глубже, которые менее всего это выражают. Нет, я не верю любви тех, кто ничем не проявляет её. Спаситель говорит: «от избытка сердца говорят уста» ([Мф. 12,34](#)); и если сердце полно любви, то уста должны выразить это, руки должны ласкать того, кого мы любим, а глаза сиять от радости и счастья.

Но, несмотря на это, я должен сознаться, что знаки и слова любви ещё недостаточны, чтобы высказать глубочайшие чувствования сердца. Требуется ещё подвиг добрых дел: родителям – подвиг послушания, жене и детям – учительного внимания, требуется масса маленьких и больших дел, которые должны делаться охотно, сами собою, без особенных просьб.

Итак, будьте всегда готовы быть добрым примером, услужить и старайтесь доставить радость вашим близким. Ваши услуги никогда не будут чрезмерны, ваша любовь, почтительность и благодарность никогда не будут даже достаточны в отношении тех, кому вы стольким обязаны.

Заповедь Божия говорит: «почитай отца твоего и мать твою, да будет тебе благо и да долголетен будешь на земле» (Исх. 20,12). Но доброе отношение к родителям и родным ещё не решает вопроса ваших каникул. Я хочу напомнить вам о том высоком призвании, к которому вы все призваны – стать пастырями Церкви Божией. Поэтому дни и часы ваших каникул для вас должны быть уроками «жизнепонимания», то есть, вы особенно должны глубоко изучать современную жизнь, её течение, её увлечения, проблемы этой жизни. Вы должны ещё и ещё раз проверить себя в верности и правильности выбора, поставившего вас в звание кандидатов священства. Таким образом, как видите, каникулы это тоже учение, только учение иное, так сказать, наблюдательно – практическое, опытное.

Хорошо, кто проведет каникулы при храме. Очень и очень хорошо провести каникулы в тихой обители, где особенно в большие праздники имеется большой приток молящихся, где вы можете получить уроки большой живой веры простых людей, чем сильна наша Церковь Русская и слава наш народ.

Итак, каникулы да будут нам в укрепление наших физических и духовных сил, в обогащение практического религиозного опыта, уроками большого жизнепонимания и проверкой нашей направленности. А кто останется здесь, при родной нашей школе, также освежитесь душой и телом в свободной молитве, в интересном духовном чтении и в благодатном проведении времени в стенах святой Обители Сергия Преподобного. И я уверяю вас, что особенно эти последние не будут жалеть, что каникулы прошли даром. «Память сохранит на всю жизнь светлые картины этих святых дней, проведенных в родной школе под сенью великого пастыря аввы Сергия» (Слова святейшего патриарха Алексия).

Краткие пасторологические выводы к 1-му курсу

[124](#)

Глава I. Пастырство, существующее по Божественному праву, имеет свои незыблемые основы: историческую, психологическую, мистическую, догматическую и экзегетическую. Сущность этих основ исходит из трех положений: исторических данных о пастырстве, психологических потребностей каждой души и Слова Божия как источника Божественной истины.

Основы пастырства, как нельзя лучше, формируют психологию студента, укрепляют его волю на позициях пастырского долга и создают наиболее зрелую организацию его внутреннего «я».

Естественно, «Основы» являются ключевыми истоками, из которых вытекают, как частное из целого, направленность и действенность науки Пастырского богословия.

Только апостольский дух может быть созидательным в богословской науке, только он может стать движущей силой на путях пастырского шествия за Христом. Живой апостольский дух в науке Пастырского богословия – жизненная артерия, соединяющая пастырство со Христом.

Правильная постановка преподавания пастырского дела, именно на путях единения с Апостолами и Христом, успешно решает проблематику студента о желании священства. Глубоко мыслящий студент воспринимает долг священства не как легкую наживу и расчетливую карьеру, но как подвиг, как совершенно добровольное решение идеи по пути самоотвержения, наилучшего служения людям.

Глава II. Ветхозаветное священство – подготовка к Новозаветному. Это «начало» искупления человечества в жертвах онов и козлов, прообразах и предсказаниях. Святой пророк Моисей – основатель Ветхозаветного священства (Синайское законодательство), Христос Спаситель – Основатель Новозаветного священства, как «завершения» процесса искупления рода человеческого.

Глава III. Здесь наиболее ярко выражен сотериологический элемент пастырской деятельности. Красота служения Богу и человеку во всем своем величии открывается именно в Новозаветном пастырстве. Высок тот, кто служит другим. Кто хочет быть большим, будь всем слуга.

Детство, отрочество и юность Спасителя наитеснейшим образом

связывает нашего кандидата священства со Христом, сближая и родня их на путях естественного развития и формирования личности пастыря. Особенно зрелая, вдумчивая юность ведет студента как бы в свою «пустыню», чтобы здесь глубже сосредоточиться, еще раз проверить методы предстоящей пастырской работы, разрушить планы вновь и вновь искушающего дьявола – искушителя, выйти победителем в этой тяжелой борьбе.

Любовь к Богу и людям, любовь к ограничениям и лишениям жизни во имя вечных благ, наконец, любовь к Церкви Православной и Ее спасительным традициям решают исход «пустынной» борьбы нашего студента и ставят его в ряды последователей Христовых.

Первые шаги учительства наш юный пастырь проходит под благодатной сенью Евангелия. Святое Евангелие – его основное пособие, в проповеди его закон, его жизнь. Простота, задушевность, искренность, убежденность, единство слова и дела, – решающие факторы пастырского учительства.

Основательное и любовное изучение Евангельского текста открывает нашему пастырю дивные тайны, силу и высоту проповеди Спасителя, святых Его Апостолов. А послание Господом Своих учеников на проповедь наилучшим образом вдохновляет студента на благородное самоотвержение, искание пользы других и стояние за святую истину Христову до крови.

Душепопечение Спасителя и святых Апостолов открывают пути наилучшего слияния человечества в единое целое. Высшая любовь к людям – страдание за них до смерти. Кульминационная вершина душепопечения – быть отлученным от вечной жизни, чтобы наследовали ее другие, хотя и ниже стоящие по достоинству.

Физические и особенно духовные качества Пастыреначальника – живой пример для подражания, хотя и неполного, но в какой-то мере возможного и необходимого.

Жизнь пастыря во Христе и Его Святой Церкви, это живая деятельная церковная жизнь, жизнь полная благородного подвига, величия духа, всеобщего доброжелательства и абсолютной пользы. Если такая жизнь не вызовет симпатии со стороны людей, то она вызовет симпатии Бога, и ее по достоинству оценит история.

Итак, жизнь пастыря во Христе и Его Святой Церкви – всем быть полезным до конца во имя Святого Бога и счастья человека.

Глава IV. История христианской Церкви – история бурного развития цивилизации человечества. Это живая книга судей народов, племен,

государств. Создание Церкви Христовой Богочеловеком Христом ставит Ее в разряд Божественных Небесных учреждений. Возможное историческое умаление числа Ее членов повышает качественность и бесконечную ценность их душ.

Семейная жизнь пастыря строится на послушании и разумном подчинении друг другу. А главный источник семейного счастья пастыря – взаимотерпение и любовь к Богу и Церкви (людям).

Типичные образы святых Апостолов отражают пастырские индивидуумы всех веков. Их общность и единство в беззаветной любви ко Христу, доверии к Нему, жажда стать Его верным сослужителем.

Учение о пастырстве святых отцов – оживление и обновление опыта в пасторологии Пастыреначальника и Его святых учеников – Апостолов при изменении условий исторической эпохи того или иного века.

Каникулы – отрадная пора жизни студента. Время отдыха, но не безделья. Каникулы – продолжение процесса формирования пастыря, только не в стенах учебного заведения, а «на свободе», то есть, проведение времени в любимых бытовых занятиях. Каникулы – переключение на свободное мышление, наблюдение над природой, анализ наличной жизни. Каникулы – начальный опыт к самостоятельной жизни в будущем на приходе. Каникулы – накопление духовных и физических сил для нового перехода к вершинам дальнейшего богословского познания.

Библиография

1. **БИБЛИЯ**, СПб., 1900.
2. **Православное исповедание веры**. Киев, 1904.
3. **Св. Амвросий Медиоланский**. О должностях. Киев, 1875.
4. **Св. Василий Великий**. Творения, ч. 4. Изд. ТСЛ, 1894.
5. **Св. Григорий Богослов**. Творения, т. 5, ч. 1. М., 1889.
6. **Св. Иоанн Златоуст**. Творения. СПб., 1895.
7. **Св. Григорий Двоеслов**. Творения. М., 1909. Руководство для сельских пастырей, т. 1. 1871.
8. **Св. Дионисий Ареопагит**. О Небесной иерархии.
9. **Св. Иоанн Златоуст**. Шесть слов о священстве, т. 1. СПб., 1895.
10. **Св. Игнатий Богоносец**. Послания. СПб., 1902.
11. **Св. Климент Александрийский**. Творения, т. 1.
12. **Св. Киприан**. Творения, т. 2. Киев, 1861.
13. **Св. Макарий Великий**. Добротолюбие, т. 1. Духовные беседы, послания и слова. М., 1855.
14. **Блаж. Иероним**. Творения святых отцов Западной Церкви. Киев, 1894.
15. **Св. Тихон Задонский**. Учение, изложенное в азбучном порядке и катехизической форме. СПб., 1864.
16. **Митроп. Филарет Московский**. Слова и речи, т.3. М., 1877.
17. **Проф. Я.К. Амфитеатров**. Лекции по Гомилетике. М., 1901.
18. **Евг. Берсье**. Беседы, т. 3. 1898.
19. **Митроп. Антоний**. Лекции по Пастырскому богословию. М., 1909.
20. **А.П. Лопухин**. Библейская история Нового Завета. СПб., 1891.
21. **Проф. В. Певницкий**. Служение священника в качестве духовного руководителя прихожан. Киев, 1891.
22. **Письма о должностях священного сана**. Одесса, 1844.
23. **Проф. С. Соллертинский**. Пастырство Христа Спасителя. СПб., 1887.
24. **М.М. Тареев**. Цель и смысл жизни, т. 3. Сергиев Посад, 1901.
25. **Фаррар**. Жизнь Иисуса Христа. СПб., 1898.
26. **А.С. Хомяков**. Полное собрание сочинений, т. 2. М., 1911.
27. **Прот. И. Петропавловский**. В защиту христианской веры, ч.2. М., 1897.

28. **Свящ. Четвериков.** На службе Богу и ближним. Душеполезное чтение, февраль. М., 1903.
29. **Г. Шавельский** . Православное пастырство. София, 1929.
30. **Патриарх Алексий** . Слова и речи.
31. **Проф. А. Ветелев** . Пастырское богословие, 1 курс. Машинопись. Библиотека МДА.
32. **Игумен Тихон** . Святое высокое служение иерея Божия. М., 1911.
33. **Прот. А.Н. Соболев** . Пастырское богословие. София, 1930.
34. **В.Д. Сарычев** . Апостольство Церкви и богословская наука. Актовые речи, 1964.
35. **Свящ. В. Сокольский** . Евангельский идеал христианского пастыря. Казань, 1904.
36. **Проф. Архим. Киприан.** Православное пастырское служение. Париж, 1957.
37. **Журнал** «Вокруг света», май. М., 1966.
38. **Журнал** Московской Патриархии,? 11. М., 1965.
39. **Е. Иустин** . Вечное Евангелие. Тобольск. 1907.
-
-

Примечания

Св. Григорий Богослов. Творения. М., 1889, ч. 1, с. 20.

Православное пастырство. София, 1929, с. 7.

Г.Шавельский, «Православное пастырство», София, 1929 г. с... 16.

4

Там же, с... 17.

Письма о должностях священного сана. Одесса, 1844, с. 84.

Игумен Тихон. Святое высокое служение иерея Божия. М., изд. 2, с. 5.

Проф. Архимандрит [Вениамин \(Милов\)](#). Лекции по Пастырскому богословию. Машинопись, с. 20 (Библиотека МДА).

Прот. И. Петропавловский. В защиту Христовой веры. М., 1897, ч. 2, с. 52.

Журнал «Вокруг света», М., 1966, май, с. 52.

Св. Амвросий Медиоланский. О должностях. Киев, 1875, с. 56.

Там же, с. 50–51.

Проф. Архимандрит Вениамин (Милов). Лекции по Пастырскому богословию. Машинопись, с. 21 (Библиотека МДА).

Св. Иоанн Златоуст. Шесть слов о священстве. СПб., 1895, т.1, с...
423–426.

Проф. Архимандрит Вениамин (Милов). Лекции по Пастырскому богословию. Машинопись, с. 25 (Библиотека МДА).

Св. Тихон Задонский. Учение изложенное в азбучном порядке и катихизисной форме. СПб., 1864, с. 191.

Стих 2 на «Господи, воззвах...».

Св. Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии, с. 17.

Св. Амвросий Медиоланский. О должностях. Киев, 1875, с. 52.

Проф. С. Соллертинский. Пастырство Христа Спасителя. СПб., 1887, с. 304.

Для ясности мысли текст приводится в русском переводе.

Деяния святых Апостолов, 1,3.

Творения св. Климента Александрийского, т. 1, гл. 4, с. 52. Изд. 1715.

Св. Григорий Богослов, т. 5, с. 121.

Православное исповедание. Ответ на 108 вопрос, изд. 1900. См.: [В. Экземплярский](#). Библейское и святоотеческое учение о сущности священства. Киев, 1904, с. 50.

Проф. В.Н. Лосский. Опыт мистического богословия Восточной Церкви.

Еп. Сильвестр. Опыт Православного Догматического богословия.

В.Д. Сарычев. Лекция «Апостольство Церкви и богословская наука», с. 5 (Актовая речь 1/14 октября 1964 года).

Там же, с. 6.

В.Д. Сарычев. Лекция «Апостольство Церкви и богословская наука», с. 8 (Актовая речь 1/14 октября 1964 года).

В.Д. Сарычев. Лекция «Апостольство Церкви и богословская наука», с. 14 (Актовая речь 1/14 октября 1964 года).

Св. Григорий Богослов. Творения. М., 1889, кн. 3, с. 132.

А.С. Хомяков. Полное собрание сочинений. М., 1911, т. 2, с. 3.

Слова Первосвященнической молитвы Спасителя: «да будут все едины, как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» ([Ин. 17,11](#)) дают нам основание о поисках путей к общехристианскому единству. Знаменитое выражение: «Не говори, что Бог с нами, а надо молиться, чтобы нам всем быть с Богом», также побуждает к этой цели. Поэтому, находясь в лоне Православной Церкви, мы не должны забывать своих «братьев во Христе», других вероисповеданий. «Если наше сердце горит желанием, чтобы имя Божие прославлялось, а не хулилось, если мы стремимся быть добрыми верными строителями Таин Божиих, то постоянной заботой нашей должно стать искание путей и средств к наиболее тесному и живому братскому общению всех христиан, которое осуществится тогда, когда все последователи Христовы придут в единство веры и познания Сына Божия» ([Еф. 4,13](#)). (Журнал Московской Патриархии,? 11,1965, с... 40)

Е. Берсье. Беседы. СПб, 1893, том 3, с. 136.

Е.Берсье. Беседы. СПб, 1893, том 3, с. 142.

Св. Григорий Богослов. Творения. М. 1843, т. 1, с. 70.

Проф. А.Ветелев. Лекции по Пастырскому богословию. 1 курс.
Машинопись, с. 7 (Библиотека МДА).

Митрополит Филарет Московский. Слова и речи. СПб., 1895, т. 1, кн. 1, с. 678.

Св. Иоанн Златоуст. Творения. СПб., 1897, т. 3, с. 899.

Желающим глубже ознакомиться с этим вопросом рекомендуем замечательный труд В. Экземплярского «Библейское и святоотеческое учение о сущности священства». Киев, 1904.

Надо сказать, что в основе жертвоприношений лежала вера, что только Бог может очистить человека от греховной нечистоты. «Все почти по закону, – говорит Апостол Павел, – очищается кровию и без пролития крови не бывает прощения» ([Евр. 9, 22](#)). И Сам Бог обещал народу через Моисея: «Я дал ее (кровь животного) вам у алтаря умоляти о душах ваших» ([Лев. 17,11](#)).

Право суда священников было очень ограниченным и имело отношение исключительно к области религиозной жизни. Так священник обладал правом очищать проказу и вообще нечистоту народа через жертвоприношения и обряды ([Лев. 12–14](#)) и тем самым допускать известное лицо к участию в общественной жизни. Напоминанием этого права является указание Спасителя исцеленным прокаженным «показаться священникам». Другим проявлением судебной власти еврейского священника был разбор дел о женах, подозреваемых в прелюбодеянии ([Числ. 5,21](#)). Отголоском этого является случай из Евангельской истории, когда книжники и фарисеи привели ко Христу женщину, «взятую в прелюбодеянии» для суда над ней.

Святость, честность, незлобие, ревность по правде Божией, чистота, любовь, преданность и другие.

Проф. А. Ветелев. Пастырское богословие, т. 1. Машинопись, с. 14
(Библиотека МДА).

Проф. С.А. Соллертинский. Пастырство Христа Спасителя. СПб., 1887, с. 63–64.

Проф. В. Миров. Лекции по Пастырскому богословию. Машинопись, 1950, с. 31 (Библиотека МДА).

Е. Берсье. Беседы, 1893, т. 4, с. 117.

Е. Берсье. Беседы, 1893, т. 4, с. 130.

Проф. В. Сокольский, свящ. Евангельский идеал христианского пастыря. Казань, 1904, с. 195 (примечание).

Точнее сказать: каждый из пастырей СОПАСТЫРСТВУЕТ Христу – Единому вечному Пастырю (автор).

На каждую пастырскую душу Христос действует по-разному, согласно разным индивидуальным особенностям и разному духовному опыту каждого пастыря.

Желающим глубже ознакомиться с жизнью Господа Спасителя рекомендуем прекрасный труд проф. Буткевича «Жизнь Господа нашего Иисуса Христа». СПб., 1887.

«Дух Святой найдет на Тя, – говорил Ангел Пресвятой Деве, – и сила Всевышнего осенит Тебя и рождаемое наречется Сыном Божиим» ([Лк. 1,35](#)).

«Крещение – великий момент вступления Христа в новую жизнь. Прежние годы погребены в водах Иордана. Он вступил в них как Иисус, сын Марии, а вышел из них как Христос, Сын Божий. И в этот великий момент совершилось Божественное помазание Христа». [А.П. Лопухин](#). Библейская история Нового Завета, с. 180.

Здесь мы кратко коснулись вопроса о взаимосвязи посвящения пастыря с Крещением и Посвящением Господа нашего Иисуса Христа. Вопрос о посвящении пастыря будет рассмотрен отдельно и подробно во втором Курсе лекций по Пастырскому богословию (автор).

В. Сокольский, свящ. Евангельский идеал христианского пастыря.
Казань, 1904, с. 189.

Фаррар. Жизнь Иисуса Христа. СПб., 1893, с. 71.

У Евангелиста Луки второе искушение: «возвед Его на высокую гору» ([Лк. 4,5](#)). Примирая разницу в порядке искушений, проф. Буткевич говорит: «Св. Евангелист Лука руководился не историческим началом, как Матфей, а географическим, т. е. принципом местностей (Буткевич. Жизнь Господа нашего Иисуса Христа. СПб., 1887, с. 353–354).

В. Сокольский, свящ. Евангельский идеал христианского пастыря.
Казань, 1904, с. 162.

Проф. В.Певницкий. Служение священника в качестве духовного руководителя прихожан. Киев. 1891, с. 70.

В. Сокольский, свящ. Евангельский идеал христианского пастыря.
Казань, 1904, с. 163.

Приведено по памяти.

Свт. Иоанн Златоуст. Творения, 1897, т. 3, кн. 1, с. 25.

Там же, с. 370.

Свт. Григорий Богослов. Творения. М. 1844, ч. 4, с. 47.

Митрополит Филарет Московский. Слова и речи. М. 1877, т. 3, с. 142.

Свт. Василий Великий. Творения. Изд. ТСЛ, 1894, ч. 4, с. 237.

Приведено по памяти.

Архиеп. Антоний. Собрание лекций и статей по Пастырскому богословию. М., 1909, с. 72.

А. Ветелев, проф. Конспект по Пастырскому богословию для 1-го курса. Машинопись, с. 29–30 (Библиотека МДА).

См. по этому поводу замечательное рассуждение В. Сокольского. Его труд «Евангельский идеал христианского пастыря». Казань, 1904, с. 230–240.

Е. Иустин. Вечное Евангелие. Тобольск, 1907, с. 283.

О подробностях психологического влияния на индивидуум см. исследование по этому вопросу М. Струженцова «Опыт отношения Спасителя к ученикам в зависимости от их индивидуальных способностей». Орел, 1899, с. 3–122; В. Сокольский, с. 286; Фаррар. Жизнь Иисуса Христа. СПб., 1883.

Эти термины прот. Горский А.В. применял к митрополиту Филарету, желая отметить ими его пастырское душепопечительство.

Проф. А. Ветелев. Пастырское богословие для 1-го курса.
Машинопись, с. 41.

Св. Макарий Великий. Добротолюбие, т. 1, с. 266–268.

Св. Иоанн Златоуст. Творения. СПб., 1825.

Проф. Я.К. Амфитеатров. Лекции по Гомилетике, с. 11.

М.М. Тареев. Цель и смысл жизни. М., 1901, кн. 4, с. 564.

Св. Григорий Двоеслов. О пастырском служении. Руководство для сельских пастырей, 1871, т. 1, с. 41.

Свящ. Четвериков. На службе Богу и ближним. Душеполезное чтение, 1903, февраль, с. 280–281.

Проф. В. Певницкий. Служение священника в качестве духовного руководителя мирян. Киев, 1891, с. 306.

Св. Иоанн Златоуст. Творения, СПб., 1895, т. 11, с. 685.

Приведено по памяти.

Проф. А.Н. Соболев. Пастырское богословие. София, 1930, с. 20.

Прот. Соболев. Пастырское богословие. СПб., 1930, с. 35.

Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. 1, с. 469.

Прот. А.Н. Соболев. Пастырское богословие. София, 1930,с. 55.

Приводится по памяти.

Прот. А.Н. Соболев. Пастырское богословие. София, 1930, с. 64.

Прот. А. Соболев. Пастырское богословие. София, 1930, с. 72.

Прот. А.Н. Соболев. Пастырское богословие. София, 1930, с. 80.

Свят. Патриарх Московский Алексей. Слова и речи. М., 1963, т. 4, с. 72.

Неизвестно, что преобладало при отречении: стремление ли обезопасить себя или стремление во что бы то ни стало быть около Христа, чтобы знать, что же будет дальше со Христом и не пригодится ли он Ему.

О Бозе почивший проф. МДА прот. Д.И. Боголюбов (из воспоминаний автора).

Желающим подробнее ознакомиться с образцами святых Апостолов рекомендуем: Фаррар. Жизнь Иисуса Христа. СПб., 1883.

Митроп. [Антоний \(Храповицкий\)](#). Лекции по Пастырскому богословию. М., 1909, с. 77.

«Каков поп, таков приход», то есть, такова и община церковная.

Памятники древней христианской письменности. М., 1860, с. 347.

Памятники древней христианской письменности. М., 1860, с. 431–445.

Свщмч. Киприан. Творения. Киев, 1861, т. 2, с. 34, 66, 101.

Св. Григорий Богослов. Творения. М., 1889, ч. 1, с. 20–23.

Св. Григорий Богослов. Творения. М., 1889, ч. 1, с. 25.

Св. Амвросий Медиоланский. О должностях. Киев, 1895, с. 69.

Св. Иоанн Златоуст. Творения. СПб., 1895, т. 1.

Там же.

Св. Иоанн Златоуст. Слова о священстве. СПб., 1875, с. 57.

Там же, с. 61,

Там же, с. 103.

Прот. Смирнов. История христианской Церкви. СПб., 1901, с. 92.

Блаж. Иероним. Творения святых отцов и учителей Западной Церкви.
Киев, 1894, с. 58.

Св. Григорий Двоеслов. Беседы на Евангелие. СПб., 1860, кн. 1, с. 154.

Св. Григорий Двоеслов. Пастырские Правила. Журнал «Христианское чтение». М., 1847, ч. 1, с. 7.

Пробная лекция архим. [Тихона \(Агрикова\)](#) в Актовом зале МДА, 1964 год.

Св. Василий Великий. Творения.

Св. Иоанн Златоуст. Слова о священстве. СПб., 1875, с. 122–128.

Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. 1, с. 431.

Там же, с. 460.

Св. Григорий Богослов. Творения, т. 1, с. 33–35.

Св. Амвросий Медиоланский. О должностях священнослужителей.
Киев, 1875, с. 8–14.

Блаж. Феодорит, епископ Кирский. Творения, т. 1, с. 46.

Блаж. Иероним. Творения святых отцов Западной Церкви. Киев, 1894,
т. 2, с. 136.

Св. Григорий Богослов. Творения. М., 1843, ч. 1, с. 58.

Краткие пасторологические выводы в конце каждого курса есть ни что иное, как своего рода заключение, помещаемое нами в итоге курса. Эти выводы наилучшим образом способствуют студентам кратко повторить материал всего курса и закрепить его в своем сознании на всю жизнь. С этой точки зрения ценность и значение данных выводов безусловны.